

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://solzhenitsynaalexander.ru/> приятного чтения!

Ленин в Цюрихе. – Париж: Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын

из Узла I

«АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО»

Да, да, да, да! Это – порок, эта жила азарта, этот напор, когда увлечённый одной линией, вдруг слеп-нешь и глохнешь к окружающему и простейшей дет-ской опасности не видишь рядом! Как с Юлей Марто-вым когда-то (да когда! – едва отмучивши трёхлет-нюю ссылку, едва соберясь за границу!) с корзинкой нелегалщины, с химическим письмом о плане „Искры“

– перемудрили, переконспирировали: полагается в пу-ти менять поезда, не подумали, что тот пойдёт через Царское – ив нем заподозрены, взяты жандармами, и только по спасительной российской неповоротливо-сти полиция дала им время сбить корзину, а письмо прочла по наружному тексту, не удосужилась подер-жать над огнём – и тем была спасена „Искра“!

Или как потом: в напряжённой годовой внутри-партийной войне большинства из двадцати одного про-тив меньшинства из двадцати двух – пропустили, поч-ти не заметили всю японскую войну.

Так – и эту (и не думал о ней, и не писал, и на Жореса не откликнулся). Да потому что: расползлась всеобщая зараза объединительства, за последние годы охватила всю русскую социал-демократию – огульное объе дините л ьство, самое опасное и вредное для про-летариата! примиренчество и объединенчество – идио-тизм, гибель партии! И перехватили инициативу вожди слютявого Интернационала – они нас будут мирить! они нас будут объединять! зовут на по-шлейшую объединительную конференцию в Брюссель

– как вырваться?? как избежать?? – всё вниманье,

всё напряженье ушло туда – и почти не слышал вы-стрела в эрцгерцога!.. Объявила войну Австрия Сер-бии – как не заметил. И даже Германия объявила России! – как нипочём... Пустили известие, будто не-мецкие с-д проголосовали за военные кредиты – фин-та, нас не надуешь, хотят внести замешательство среди социалистов. Да, да, вот так затягивает, когда хорошо разгонишься в борьбе, трудно остановиться, очнуть-ся. Да, да, да, было десять дней – сообразить своё двусмысленное положение возле самой русской гра-ницы и убираться поскорей из этого чёртова Порони- на, уже теперь никому не нужного, и изо всей этой за-хлопнутой Австро-Венгрии – в воюющей стране ка-кая работа? сразу нужно было мотнуться в благосло-венную Швейцарию – нейтральную, надёжную, бес-препятственную страну, умная полиция, ответственный порядок! – так нет! даже не пошевельнулся, всё до-думывал старые довоенные заботы, тут началась и ав-стро-русская, и на другой же вечер, в дождь пролив-ной, постучался жандармский вахмистр.

Вообще – конечно, должна была быть война! – предсказана, предвидена. Но – не конкретно сейчас, в этом году. И – пропустил... И – вляпался...

Гладко-выбритое, приятное, даже нежное лицо Ганецкого – сейчас такое спокойное, а иступлённо кричал на судью в Новом Тарге! а как на арбе гнал!

– не бросил в беде.

По перрону – до паровоза и назад. До паровоза

– и назад.

Еще и до отправления адски много времени, почти полчаса, и еще всё может случиться. Хотя тут, на стан-ции, надёжно расхаживает жандарм, уже никто не кинется.

Диалектика: жандарм – может быть и плохо, мо-жет быть и хорошо.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Большое красное колесо у паровоза, почти в рост.

Как бы ты ни был насторожен, предусмотрителен, недоверчив, – убаюкивает проклятая безмятежность быта, мещанская в сути своей, семь лет подряд. И в тени чего-то большого, не рассмотрев, ты, как к стенке, прислоняешься к массивной чугунной опоре – а она вдруг сдвигается, а она оказывается большим красным колесом паровоза, его проворачивает открытый длинный шток – и уже тебе закручивает спину – ту-да! под колесо!! И, барахтаясь головой у рельсов, ты поздно успеваешь сообразить, как по-новому подкра-лась глупая опасность.

Но почему – именно к нему, едва война нача-лась? Сперва даже засмеялся: что ж тут могли запо-дозрить? – уж перед австрийской полицией он даже непорочен. (Он и в Краков переехал, прослышав от Ганецкого, что австрийские власти будут поддержи-вать все анти-царские силы.) Обыск. Были русские ад-реса, конспиративные записи (несчастье такое, всегда они попадают), но их-то вахмистр-болван как раз и не заметил, а набросился на рукопись по аграрному вопросу: слишком много цифр! шифровано! Забрал рукопись. Жаль, но чёрт бы с ней. Однако, гладит по-лиция всегда против шерсти и на самой гладкой спине вдруг что-то топорщится: боялся Ленин только за рус-ские адреса, а вахмистр полез, полез – и нашёл брау-нинг с патронами! Ленин изумлённо смотрел на Надю, он не знал, не помнил этого мерзкого револьвера, он никогда бив руки его не взял, да он и стрелять не умел, да ему бив голову не пришло действовать про-стым ручным оружием. Откуда??? (Оказывается, ка-кой-то архистарательный русский товарищ, идиот, при-пёр, а Надежда, недотёпа, взяла.)

Живёшь – сам себя со стороны не наблюдаешь, не понимаешь. И вот, глазом жандармским: поселился близ русской границы; к нему из России приезжают; деньги присылают из России, и не малые; много ходит по горам, наверно планы снимает. В Новом Тарге всех предупреждали: задерживайте подозрительных, де-лают снимки дорог, отравляют колодцы. Шпион! А тут – и револьвер! Завтра явиться к утреннему поезду, поедет в Тарг.

Кольцо глупости! Стена глупости! Глупейший, про-стейший, слепейший просчёт – как с Царским Селом тогда. (Да как и в 95-м году – газету готовили, ни одного номера не выпустили, сразу и провалились...) Да, да, да, да! – сесть в тюрьму революционер всегда должен быть готов (впрочем, умнее избежать) – но не так же глупо! но не так же позорно! но не так же не вовремя дать себе спутать руки!! Вон-нючая поли-цейская камера в Новом Тарге! заплеснелая Австро- Венгрия! – военный суд?!!

Никакая внешняя неудача, поражение, подлость и низость врагов – никогда ничто так не травит серд-це, как собственный даже малый просчёт, днём и но-чью сжигает, особенно в камере. Своего просчёта нель-зя объяснить объективно, потому нельзя заглядеть, за-быть, а только: его могло не быть! могло не быть!! могло не быть!!! – а он был, по собственной оплош-ности! Сам ошибся! – и не избегаешь за одиннадцать дней по плитчатому полу от стенки до стенки, не от-лежишься на визгливой кроватной сетке, а жёт и па-лит: могло не быть! –.могло не быть!! – сам наделал! – сам влопался!!

И еще сейчас 23 минуты до отхода поезда, только первый звонок дали, – уж скорей бы уехать!

А Ганецкий – Куба по-партийному, самоуверен-но держится, коммерсантская манера, изобретательно-шнуровая полоска усов, и глаза настойчивые, спокой-но-выкаченные, не могут не восхитить. В острейший момент не отстал, не смяк, не сдался, а как бульдог вцепился в жандармские штаны. В первые же минуты после обыска – к нему первому, не к Гришке Зино-вьеву, покатыл Ленин на велосипеде – и не ошибся. Из достоинства еще старался рассказывать как о пустяке, о смешном досадном случае. (А сам про себя оглушён: ведь время военное, кто будет разбираться? – расст-реляют! ухлопают беспрепятственно – и к чертям, по

глупости, вся партия! и – к чертям всемирная социа-листическая революция!) Но Куба – понял, как это опасно! не поддержал игры в небрежность, в успо-коение, а из себя фонтаном взвил имена – социал- демократов! депутатов парламента! общественных дея-телей! – кому сейчас же писать, объяснить, теревить!! добиваться вмешательства!!!

Уже в тот вечер из Поронина слал Ганецкий пер-вые телеграммы, и Ульянов

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru телеграфно просил краков-скую полицию подтвердить его полную лояльность Австро-Венгерской империи. Утром из Нового Тарга Ленин не вернулся, и Ганецкий – днём поезда нет – на арбе погнал к полицейским лицам, к судебному следователю (рискуя же и сам, ведь и Гришку арестовали потом, могли и Кубу), и два десятка писем во все кон-цы, и тут же в Краков, и встречался там (да ведь он любому чиновнику сплетёт историю в одну минуту!), и телеграфировал в Вену. Любой бы славянин на его месте устал, отстал, бросил, но Ганецкий с неиссякае-мой настойчивостью, и как о брате родном заботясь – не отставал! А вернувшись из Кракова, прорвался и в тюрьму на свидание, и уже поручал ему Ленин даль-ше: добиваться сразу выезда в Швейцарию!

От телеграфных толчков Ганецкого с-д депутаты парламента Виктор Адлер и Диаманд обратились к канцлеру и в министерство внутренних дел, дали пись-менные ручательства за русского социал-демократа Ульянова как врага русского правительства, злейшего, чем сам канцлер Австро-Венгрии. И в краковскую поли-цию пришло указание: „Ульянов смог бы оказать боль-шие услуги при настоящих условиях“. И то не освобож-дали одиннадцать дней, только 6 августа, хватка...

Но и с тех пор неделя в Поронине после тюрьмы совсем не оказалась спокойной. Что можно было втол-ковать австрийскому канцлеру и слабоумным австрий-ским аристократам, того не могли понять галицийские мужики, тупые, как все мужики в мире – в Европе ли, в Азии, в Алакаевке. В глазах поронинских дремучих

и

жителей этот иностранец, хоть и освобождённый, всё равно оставался теперь – шпионом! Поразительно! Непостижимо! Шли из костёла крестьянки и, сами ли по себе или увидя Надю и для неё, расшумелись на всю улицу, что коли начальство отпустило, так они сами выколят ему глаза! сами вырежут ему язык!.. Надя пришла домой бледная, вся тряслась. И испуг её – пе-редавался, захватывал: а что? – и выколют, ничего удивительного. А что? – и вырежут, ничего невозмож-ного! Очень просто: придут с вилами и ножами... Такой колоссальной опасности не подвергался Ле-нин никогда за всю жизнь. Никогда еще ни от кого ему такое не... Да мало ли знает история вспышек про-стонародной безобразной ярости! От неё нет гарантии даже в цивилизованном государстве, даже в тюрьме безопаснее, чем от тёмной толпы...

Тревожно настраиваться при угрозах – это не па-ника, это мобилизация.

Так были затемнены и задёрганы последние дни и часы в Поронине. Два года такой безопасный мир-ный, посёлок как насторожился к прыжку. Уже и из дому не выходили, плохо спали, плохо ели, нервно укладывались. Ленин пытался отбирать самое нужное из бумаг и книг, но не владел собой, вникнуть не мог, да и набралось тут бумажного пудов шестьдесят. (Да ведь только этой весной переехали сюда из Кракова окончательно!)

Да как вообще он мог медлить, оставаться рядом с русской границей?! Тут и казаки налетят – захватят в один момент.

Только сейчас, перед зелёньким аккуратным по-ездом, на платформе, где при жандарме и станцион-ных чиновниках уже никак не могло быть бесконтроль-ной расправы, – сваливалась тяжесть, наконец. И все веселели. Стояло и утро весёлое, солнечное, без обла-ков. Не грузили военных грузов, не ехали мобилизо-ванные, перрон и поезд выглядели как в обычное дач-ное летнее время. Хотя билеты продавали свободно только до Нового Тарга, а до Кракова уже требова-лось разрешение полиции.

Оттого вагоны были полупустые. Надя и тёща си-дели уже там, выглядывали из окна. Несколько това-рищей провожало, стояли под окном. А Владимир Ильич, взявши Якова под руку, снова и снова шли вдоль платформы, оба точно равного невысокого ро-ста, оба широкие, только Ильич от кости, а Куба от жирка.

Когда видишь способность человека на такие дела, следует внимательней прислушиваться и к его словам, какими бы мечтательными они ни казались. Знал Яко-ва давно, со Н-го съезда, но по польским делам, а толь-ко этим летом он развернулся с новой стороны и стал самым важным человеком. Он вообще был золото: исключительно исполнителен – и обо всём серьёзном замкнут, слова не вытянет никто чужой. В июне и в июле в окрестностях Поронина они всё ходили с ним на

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru прогулки по нагорью и обсуждали его увлекательные финансовые проекты, целый фейерверк. Может быть из-за своего буржуазного происхождения, Ганецкий имел к денежным делам поразительный нюх и хватку – редкое и выгоднейшее качество для революционера. Он правильно ставил вопрос: деньги – это ноги и руки партии, без денег любая партия беспомощна, одно болтунство. Даже парламентская партия нуждается в больших деньгах – для избирательных кампаний, что же сказать тогда о партии революционной, подпольной, которой надо организовать укрытия, явки, транспорт, литературу, оружие и готовить бойцов, и содержать кадры, и в нужный момент совершить переворот?

Да что убеждать! Всем большевикам это было понятно от самого II съезда, от первых шагов самостоятельности: без денег – ни на шаг, деньги решают всё. Первый путь был – выжимать пожертвования из русских толстосумов, из Мамонтова, из „пряника“ Коно-валова, да Савва Морозов гнал по тысяче в месяц, как раз на содержание Петербургского комитета, но другие отваливали нерегулярно, от купеческого расположения, от интеллигентского сочувствия (Гарин-Михайловский дал десять тысяч один раз) – а там снова ходи проси. Верней был путь – брать самим. Где – наследство вымотать, как у фабриканта Шмидта, членам партии жениться на наследницах, то в уральских горах обмануть банду Лбова – деньги взять у них, а оружия не привезти. То более систематически – раз-вивать военно-технические средства: в Финляндии готовились печатать фальшивые деньги, уже Красин водную бумагу доставал, и для эксков готовил бомбы. Эксы пошли исключительно удачно: но на V-м съезде чистоплутством Плеханова и Мартова запретили их, да остановиться не было сил, и в Тифлисе Камо и Коба триумфально захватили еще 340 тысяч из казны. Но – забылись, голова закружилась, стали хрустящие царские пятисотки менять в Берлине, в Париже, в Стокгольме, надо бы поумеренней, а царское министерство разослало номера, и Литвинов попался, и Сарра Равич попала в Мюнхене, да неудачно записку послала из тюрьмы, перехватили. Стали искать среди же-невских большевиков, взяли тринадцать, а Карпинского и Семашко уpekли бы на срок, если б либералы из парламента не помогли. Но хуже всех, но гаже всех с фальшивой лицемерной подлой своей принципиально-стью раскудахтались Каутский, какая низменная затея: устраивать „социалистический суд“ над русскими большевиками и скудоумно велеть сжигать полутысячные всесильные банкноты! (только при одном виде его портрета, святого седенького старичка в вылупленных очках – челюсть поводит брезгливостью, как взял лягушку в рот.) Вам хорошо, немецкие рабочие богатые, взносы большие, партия легальная, а – нам?? (да не всё сожгли, конечно, не такие дураки.) И еще потом сглупили, сделали злобного старика денежным арбитром между большевиками и меньшевиками (не избежать было манёвра объединения, значит и деньги, вроде, объединять, а меньшевики-то голенькие; всего шмидтовского наследства скрыть было нельзя, часть дали Каутскому на арбитраж – так потом, при новом расколе, не хотел большевикам возвращать).

И вот этим летом Ганецкий захватил Ленина проектом: создать в Европе своё коммерческое предприятие или войти партнёром в уже действующий трест – и пакет прибыли ежемесячно гарантированно передавать партии. И это не было русской маниловщиной, каждый предлагаемый шаг поражал точным расчётом. Не Куба сам придумал, это шло из бегемотской гениальной головы Парвуса, от него письма были Кубе из Константинополя. Когда-то нищий как все социал-демократы, и поехавши в Турцию стачки устраивать, он откровенно теперь писал, что богат, сколько ему надо (по доходившим слухам – сказочно), пришло время обогатиться и партии. Он хорошо писал: для того, чтобы верней всего свергнуть капитализм, надо самим стать капиталистами. Социалисты должны прежде стать капиталистами! Социалисты смеялись, Роза, Клара и Либкнехт выразили Парвусу своё презрение. Но может быть поторопились. Против реальной денежной силы Парвуса насмешки вяли.

Отчасти за этими проектами Ганецкого и прохлопали начало войны.

Их же обсуждали и сейчас, в последние минуты. И как связь держать. Да увидятся скоро: вот Зиновьев поедет за Лениным вслед, а там и Ганецкий, как только отпишется от австрийской воинской повинности.

Тут дали второй звонок. Ильич вскочил на подножку шустро – без шляпы, почти совсем лысый, в поношенном костюме, с заостренным лицом, с неотпущившей его беспокойной оглядкой, отросшая борода, неаккуратная, – и правда, чем-то похож на шпиона, хотел пошутить Ганецкий, но знал, что Ленин обижается на шутки, и удержался.

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru Он и сам с печальными осмотрительными глазами, с лицом коммерсанта, а в затёртом костюме, на кого ж и был похож, если не на шпиона?..

Строго стоял дежурный по станции в высокой красно-чёрной фуражке. Ударили в колокол три раза. Начальник поезда затрубил в рожок и побежал.

И помахивали отъезжающим. И помахивали те в открытое окно.

А всё-таки тут жили неплохо. Покойно, размеренно, не то, что Париж суматошный. Сколько по Европе ни мытарился Ленин – а европейцем не стал. Условия жизни должны быть узкими, это лучшее состояние для действия.

И сколько прошло здесь волнений. Радостей.

Разочарований.

Малиновский...

Вместе с платформой, со станцией – оторвало оставшихся. И даже Ганецкий, какой он ни был до-стойный надёжный партийный товарищ, – сейчас, из следующего этапа жизни, выбывал. Очень может быть, что на каком-то из следующих он снова окажется са-мым главным нужным человеком, и к нему архисрочно понесутся бессонные письма с двойным и тройным под-чёркиванием, но сейчас пока он отлично своё дело сделал – и выбывал.

Никогда никем не сформулированный, существовал непреложный закон революционной борьбы или, может быть, всякого человеческого развития, много раз наблюдал его Ленин: в каждый период выступают, приближаются один-два человека, наиболее единомыслящих именно в данную минуту, наиболее интересных, важных, полезных именно сейчас, вызывающих имен-но сегодня к наибольшей откровенности, беседам и совместным действиям. Но почти никто из них не способен удержаться в этой позиции, потому что ситуации меняются всякий день, и мы должны диалектически меняться вместе с ними – и даже мгновенно, и даже опережая их, и в этом политический гений! Естествен-но, что тот, и другой, и третий, попадая в вихрь Лени-на, тотчас вовлекаются в его действия, выполняют их в указанный момент с указанной скоростью, всеми средствами, и жертвуя своим личным, – естественно, ибо это делается не для Владимира Ильича, но для вла-стной силы, проявляемой через него, а он – только безошибочный её указатель, всегда точно знающий, что верно лишь сегодня, и даже к вечеру не всегда то, что утром. Но как только эти промежуточные люди упрямылись, переставали понимать нужность и сроч-ность своего долга, начинали указывать на противо-речия своих чувств или на особенности своей личной судьбы, – так же естественно было отвести их с глав-ной дороги, устранить, забыть, а то изругать и про-клясть, если требовалось, – но и в этом устранении или проклятии Ленин действовал волей влекущей его силы.

В такой позиции близости-единомыслия затяжно держались енисейские ссыльные, но лишь потому, что территориально не было никого ближе. В такой по-зиции рисовался издали Плеханов, но каким холодным жестоким уроком он отрубил это в несколько встреч. В такой позиции, и даже в опасной недопустимой бли-зости находился годами Мартов. Но сдал и он. (От Мартова горько вошло в опыт навсегда: в человечест-ве вообще не может быть такого типа отношений – „дружба“, вне отношений политических, классовых и материальных.) Был близок Красин – пока делал бом-бы. Был близок Богданов, пока добывал для партии финансы, но это отпало, а он, не поняв крутизны, еще претендовал направлять – и сорвался. А тем време-нем в вихрь втягивались новые верные – Каменев, Зиновьев... Малиновский...

Держался и двигался рядом лишь тот, кто пони-мал партийное дело правильно и лишь – пока пони-мал. А миновалась частная срочная задача, и обычно миновалось понимание, и все эти недавние сотрудни-ки оставались безнадёжно вращенными в тупую не-подвижную землю как придорожные столбики, и от-ставали, и отрывались, и забывались, а иногда на но-вом повороте неслись навстречу остро, как уже враги. А были единомышленники, близкие на неделю, на день, на час, на один разговор, одно сообщение, одно пору-чение – и Ленин искренне отдавал им всю горячность, натиск необходимого дела, – каждому из них, как самому важному человеку в мире, – а через час они уже и отваливались, и забывалось начисто, кто они и зачем. Так показался близким Валентинов, когда при-ехал первый раз из России, хотя сразу смутил своей тупостью, что какая-то им сделанная слесарная деталь ему, рабочему, даже важней политической борьбы. И это быстро сказалось: не хватило у него

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
стойкости про-тив Мартова, а значит стал всё равно как и меньшевик.

Поезд катил под уклон, сильно огибая горки – а по ним тропинки и дороги колёсные бежали по скло-нам и вверх, мимо хуторов, стогов и неубранного, и пока еще видна горная дорожка, по ней успеваешь глазами взбежать, как ногами. Много было похожего вокруг Поронина, а здесь не был.

И – сел на скамью. Думать ли, заниматься – но не размазывать сантиментов.

И семейные, по взгляду, по движению всё поняв, не лезли с мелким бытовым, и не возились лишнего/, смирно сидели на своей скамье.

Все эти изнурительные годы, с Девятьсот Восьмо-го, после поражения революции, все и были: отход*и отброс людей. Ушли впередисты, отзовисты, ультима-тисты, махисты, богостроители... Луначарский, База-ров, Алексинский, Бриллиант, Рожков, Красин, Лядов, Менжинский, Лозовский, Мануильский, Горький... Вся старая гвардия, сколоченная в расколе с меньшевика-ми. И так уже казалось минутами, что никого не оста-нется, что вся партия большевиков – он один с дву-мя женщинами да десяток третьестепенных стёртых, кто еще приходил на большевистские собрания в Па-риже, а вылезешь на собрании общем – своих нет и с трибуны столкнут. Уходили – все подряд, и какая си-ла уверенности нужна была – не усумниться, не за-качаться, не побегать за ними мириться, но, провидя будущее, стоять и знать: сами возвратятся, сами очнут-ся, а кто не вернётся – и пропади.

Шестой и Седьмой годы – еще было совсем не поражение, еще всё общество кипело, вертелось, втя-гивалось в воронку, Ленин сидел в Куоккале и ждал, и ждал второй волны. Но вот с Восьмого, когда всю страну захватила реакционная свора, а подполье как будто отсыхало, рабочая жизнь уходила в открытое копошенье, в профсоюзы, в страховые кассы, а вслед за подпольем как будто отживала, становилась теп-личной и эмиграция... Там – Дума, легальная пе-чать – и каждый эмигрант старался печататься там...

Вот почему – замечательно, что началась война! Это радость, что началась!! Т а м их сейчас всех зажмут, ликвидаторов, значение легальности резко упадёт, а значение и сила эмиграции, напротив, уве-личится! Центр тяжести русской общественной жизни снова переносится в эмиграцию!!

Это всё Ленин оценил еще в Ново-Таргской тюрь-ме. (Надя! Новый Тарг – проехали? Не заметил.) Уже в камере, побеждая тревогу, не давая личной неудаче заслонить великую всеобщую удачу, он принял в себя и втянул в проработку – всеевропейскую войну. А из всякой проработки в ленинском мозгу рождались го-товые лозунги – в создании лозунга для момента и был конечный смысл всякого обдумывания. И еще – в переводе своих доводов на общеупотребительный марксистский язык: на другом не могли его понять сторонники и последователи.

И что отсюда выносилось – после освобождения первому открыл Ганецкому: надо понять, что раз вой-на началась, то не отмахиваться от неё и не останав-ливать её, но – использовать! Надо переступить через поповское представление, иногда зароненное и в про-летарские головы, что война – несчастье или грех. Лозунг „мир во что бы то ни стало“ – поповский ло-зунг! Какую линию в создавшейся обстановке должны повести революционные демократы всего мира? Преж-де всего: необходимо опровергнуть басню, что в под-жоге войны виноваты Центральные державы! Антанта будет сейчас прикрываться, что „на нас, невинных, на-пали“. Они даже придумывают, что „для дела демокра-тии“ нужно защищать республику рантье. Смять, раз-давить это оправдание! Какая разница – кто на кого первый напал? Следует пропагандировать, что вина-ты все правительства в равной мере. Важно – не „кто виноват?“, а – как нам выгоднее использовать эту войну. „Все виноваты“ – без этого невозможно вести работу на подрыв царского правительства.

Да это счастливая война! – она принесёт вели-кую пользу международному социализму: одним тол-чком очистит рабочее движение от навоза мирной эпо-хи! Вместо прежнего деления социалистов на оп-портунистов и революционеров, деления неясного, оставляющего лазейки врагам, она переводит между-народный раскол в полную ясность: на патриотов и антипатриотов. Мы – антипатриоты!

И кончится эта лавочка Интернационала с „объ-единением“ большевиков и меньшевиков! Назначили дальше мирить – на венском конгрессе в августе, – а в июле уже пылало пять фронтов! Уж теперь не заик-нутся. Теперь зазияла трещина

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru так трещина, уже не помиришь! А в июле как прихватили, прямо клещами за горло: не видим разногласий, достаточных для рас-кола! присылайте делегацию – мириться! С меньше-вистской сволочью мириться! А уж теперь, за кредиты проголосовали – так умер и ваш Интернационал! Те-перь уж вам не подняться, мёртвое тело! Еще долго будете корчить из себя живых, но надо вслух объ-явить: мертвы! На этой Инессиной поездке к вам в Брюссель – последняя наша с вами встреча, хва-тит!

Тут спохватилась тёща, что один чемодан забыли! Бросились переглядывать, пересчитывать, под лавками и на верхних сетчатых полках – нет! Что за позор! Как с пожара. Владимир Ильич расстроился. Без по-рядка в семье и в доме – невозможно работать. Смеш-но выразиться, но и домашний порядок есть часть об-щепартийного дела. Не смея выговаривать Елизавете Васильевне – она ответить умела, и они друг друга уважали, даже мелкими подарками задабривал её, – строго высказал Наде. Какой уж от нее порядок, если она пуговицы пришить хорошо не может, пятна вы-вести, он сам – лучше. Носового платка ему, не ска-жешь – не сменит.

Ошибок он вообще не прощал. Ничьей ошибки он не мог забыть никогда, до смерти.

Отвернулся в окно.

Изгибался поезд и скатывался постепенно с гор. То серым, то белым паровозным дымом проносило иногда мимо окошек. Надоели уже и горы эти за эми-грацию.

А в Надю всё уходило, как в подушку: ну, забыли/** ну, не возвращаться. Из Кракова напишем, перешлют почтой.

Надя прочно знала, много раз уже применяла: если брать на себя, не упрекать, что и он виноват, – Володя успокоится и отойдёт. Больней всего ему, если окажется, что он – тоже виноват.

Постаревший, насупленный, с наросшей неподстри-женной ус-бородой, с обострёнными рыжими бровя-ми, темнолобый, он смотрел в окно, но косо, ничего там не различая. Все выраженья на его лице Надя хо-рошо знала. Сейчас не только нельзя было перечить, но и вообще: ни обратиться к нему ни с чем, ни от-влечь его ни словом, даже сказанным с матерью. Надо было дать ему вот так посидеть, углубиться в себя, от всех страданий очиститься молчанием – и от новотарг-ского бешенства, и от поронинских угроз, и от чемо-дана. В такие часы уходил ли он один гулять или мол-ча сидел и думал – от думотни, в полчаса, и в полчаса, лоб его – перевёрнутый котёл, и окруженье глаз пе-реглаживалась от мелких сердитых складок – к боль-шим и крупным.

Международный раскол социалистов давно на-зрел, но только война проявила его и сделала необра-тимым. И – архивеликолепно! Хотя от массовой из-мены социалистов как будто ослабляется пролетар-ский фронт, а нет: и хорошо, что они изменили! Тем легче теперь настаивать на своей отдельной линии.

А что было говорить месяц назад? как выкручи-ваться? Догадка: послать в Брюссель – Инессу вместо себя! Главой делегации!! Инессу!!! С ее прекрасным французским языком! С ее несравненной манерой дер-жаться! – холодно, спокойно, немного презрительно. (Французы в президиуме будут сразу покорены. А немцы будут плохо тебя понимать – и очень хорошо! А ты от немцев требуй после каждой речи – перевод!) Вот это ход! Вот растеряются, ультрасоциалистические ослы!.. И – захват: скорей! писать! узнать: поедет ли? может ли? На Адриатике отдыхает с детьми? – чепу-ха, для детей кого-то найти, расходы оплатим из пар-тийной кассы. Занята статья о свободной любви? – не говоря обидного (стопроцентной партийкой женщи-на никогда не может быть, обязательно какие-нибудь штучки): эта рукопись подождёт. Я уверен, что ты – из тех людей, которые сильней, смелей, когда одни на ответственном... Вздор, вздор, пессимистам не верю!.. Превосходно ты сладишь!.. Я уверен, ты сможешь быть достаточно нахальна!.. Все будут злиться (я очень рад!), что я отсутствую, и, вероятно, захотят отомстить тебе, но я уверен: ты покажешь свои ноготки наилуч-шим образом!.. А назовём тебя... Петрова. Зачем от-крывать свое имя ликвидаторам? („Петров" – и я, никто не помнит, но ты-то помнишь. И так, через псев-донимы, мы выйдем на люди слитно – открыто и не открыто. Ты действительно будешь – я.) Дорогой друг! Я бы просил тебя согласиться! Ты едешь?.. Ты едешь!.. Ты едешь!! Да, конечно, надо спеться деталь-нее. И архиспешить. Ликвидаторам надо просто врать: обещай, что может быть мы потом примем общую ре-золюцию. (А на деле мы конечно никогда ничего не примем! ни одного их предложения!) И: о болезни де-тей, ври о болезни детей, что

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru из-за них не можешь за-держиваться. Европейских социалистов, эту сволочь обывательскую, надо убедить, что большевики – наи-более реальная партия из русских. Подпусти им там профсоюзов, страховые кассы – на них это архи- влияет. Задающих вопросы – сразу отсекай, откло-няй, отбивай! Всё время – наступательная позиция! Розу – тяни за язык, докажи, что у нее нет реальной партии, а реальна – оппозиция Ганецкого. Ты всё по-няла! Ты едешь!.. Крепко жму руку! Very truly... Твой...

Тут подпортил Ганецкий – поставил ультиматум (вообще-то справедливый): 250 крон на поездку в Брюссель, иначе не едет. А партийную кассу надо бе-речь. (Да один ли Ганецкий! – есть много людей, кого можно бы утилизировать, но нельзя разбрасывать де-нег...) А без Ганецкого паршивая польская оппозиция изменила, пошла на гнилое идиотское примиренчест-во с Розой и Плехановым.

...Всё равно, ты провела дело лучше, чем мог бы я. Помимо того, что языка не знаю, я еще непременно бы взорвался! не стерпел бы комедианства! обозвал бы их подлецами! А у тебя вышло спокойно, твёрдо, ты отпарировала все выходки. Ты оказала большую услу-гу партии! посылаю тебе 150 франков. (Вероятно, слишком мало? дай знать, насколько больше израсхо-довала. Вышлю.) Пиши: очень ли устала? очень ли зла? Почему тебе „крайне неприятно“ писать об этой кон-ференции?.. Или ты заболела? что у тебя за болезнь? Отвечай, иначе я не могу быть спокойным.

Инесса – единственный человек, чьё настроение передаётся, потягивает, даже издали. Даже – издали больше.

А вот что: с военной цензурой теперь покинуть надо это „ты“. Может дать повод для шантажа. Со-циалист должен быть предусмотрителен.

Нарушилась переписка с начала войны, придут теперь письма в Поронино. Но, по всему, отправив де-тей в Россию, должна Инесса вернуться в Швейцарию. Может быть – там уже.

Женщины тихо разговаривали, как обойтись в Кракове. Надя предложила, чтобы мама с Володей посидели с вещами, а она – к той хозяйке, у которой останавливалась Инесса: удобно было бы там и стать сегодня.

Сказала – а сама смотрела как бы мимо Володи-ной щеки в окно. Он не изменился, не повернулся, не отозвался, а всё-таки, по движениям жилок и век, На-дя убедилась, что – слышал и – одобряет.

Удобно, быстро, не искать – да. Но и необходи-мости останавливаться именно в Инессиной комнате – не было. Только то еще, что Володя не любил при-выкать к новому, да на короткий срок. Только то и было оправданием перед матерью.

Перед матерью – было всегда унижительно. Преж-де – больше, теперь – меньше. Но и теперь.

Однако, Надя воспитывала в себе последователь-ность: не отклонять с пути Володю ни на волосок – так ни на волосок. Всегда облегчать его жизнь – и никогда не стеснять. Всегда присутствовать – ив каж-дую минуту как нет её, если не нужно.

Однажды выбрав, надо держаться. Запрягшись – уже тянуть. О сопернице – не разрешить себе дурного слова, когда и есть, что сказать. Встречать её радостно как подругу – чтобы не повредить ни настроению Во-лоди, ни его положению среди товарищей. На прогулки брести и усаживаться читать – втроём...

Когда это всё началось, даже раньше, когда сту-дентка Сорбонны с красным пером на шляпе (как ни-когда не осмелилась бы ни одна русская революцио-нерка), хотя и с двумя мужьями и пятью детьми за спиной, Инесса первый раз вошла в их парижскую квартиру, а Володя только еще привстал от стола, – как от удара ветра открылось Наде всё, что будет, всё, как будет. И своя беспомощность помешать. И свой долг не мешать.

Надя первая сама и предложила: устраниться. Не могла она взять на себя быть препятствием в жизни такому человеку, довольно было препятствий у него всех других. И не один раз она порывалась – расстать-ся. Но Володя, обдумав, сказал: „Оставайся“. Решил. И – навсегда.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Значит – нужна. Да и правда, лучше её никто бы с ним не жил. Смириться помогало сознание, что на такого человека и не может женщина претендовать одна. Уже то призвание, что она полезна ему среди других. Рядом с другой. И даже – во многом ближе её.

А оставшись – осталась никогда не мешать. Не выказывать боли. Даже приучиться не ощущать её. А чтоб эта боль выглась и отмерла – последовательно не щадить её, колоть, жечь. И вот если практически удобно было остановиться в недавней Инессиной ком-нате, то в ней и надо было остановиться, и не перетрав-ливать, когда, сколько, как Володя пробыл тут.

Только вот на глазах матери...

Скоро и Краков. Володя светлел. Значит, мысли его хорошо продвинулись.

Нет, замечательно ты съездила в Брюссель, не жа-лей. Единственное жаль – не успела затеять перепис-ки с Каутским, как я тебе... (Ты бы переписывалась от своего имени, а письма тебе приватно готовил бы я.) Какая он подлая личность! Ненавижу и презираю его – хуже всех! Какое поганенькое дряненькое лицемерие!... Жаль, жаль, не начали эту игру, мы б его ра-зыграли!

Повеселел, даже посвистел Володя чуть-чуть. И, чемодана больше не вспоминая: поедим? И – перо-чинный нож вынул, всегда с собой.

Простелили салфетку, достали цыплёнка, крутых яиц, бутылку с молоком, галицийского хлеба, масло в пергаментной бумаге, соль в коробочке.

И Володя даже расшутился, что тёща у него – капиталист и пятнает его революционную биогра-фию.

А действительно, надо было денежные дела ре-шать, и проворно. В краковском банке лежали боль-шие деньги – кто ж мог ждать эту войну! – наслед-ство новочеркасской надиной тёти, сестры Елизаветы Васильевны, больше 4000 рублей. И теперь должны бы-ли секвестровать как имущество враждебных иност-ранцев, вот маху дали! Надо было вырвать деньги во что бы то ни стало, найти нужного ловкого человека. И перевести их в надёжное – в золото, можно часть в швейцарские франки. И увозить с собой.

И сразу – в Вену, не задерживаясь. И кончать с визами и поручительствами в Швейцарию, надо ско-рей туда, Австро-Венгрия – воюющая страна, мало ли что случится. У тёщи законный русский паспорт, у На-ди тоже, хоть и просроченный. Но у Ленина нет вооб-ще никакого.

В чём всё-таки этот оппортунистический интерна-ционал себя оправдывал – никогда не отказывал в личной помощи. И в каждой стране у них – чуть не свои министры. Сейчас вот, настаивал Куба, надо на-нести визиты Адлеру и Диаманду (хотя уже телегра-фировал сердечную благодарность), и еще лично бла-годарить за освобождение и ни в коем случае не дер-зить. Улыбался Володя криво, в крошках желтка и белка: да, вот такой деликатный поворот: трухлявые ревизионисты, сволочь обывательская, а надо ехать любезничать. И в конце концов это справедливо: не способны на принципиальную линию, так пусть хоть в жизни помогают. Конкретная реальная платформа для временного тактического соглашения с ними. И дальше, в Швейцарии, не обойтись без этой своры: без поручительства не впустят, а кто ж другой поручится?

Роберт Гримм – мальчишка, в прошлом году позна-комились в Берне, когда ты в больнице лежала.

Не царапали Ленина насмешки, не гнули униже-ния, ничего он не стыдился, – а всё-таки тяжело в со-рок четыре года кланяться молодым, ото всех зави-сеть, не иметь собственной силы.

Не уехали б в 908-м из Женевы в Париж – не на-до б сейчас и в Швейцарию добиваться, уж как бы там сидели прочно и безопасно – и со своей типографией, и со связями, и со всем. Скажи, кой чёрт нас тогда по-тянул в Париж?

(Не поехали бы в Париж – не узнал бы Инессы.)

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Да даже в прошлом году, когда лечили твою ба-зедку у Кохера и узнали, что такое настоящая меди-цина (Володя и сам тогда книги по базедовой читал, проверял), – вот бы нам сообразить и остаться сразу в Берне. А что? Если нужно пережить царизм, а воз-раст – уже не двадцать пять, то здоровье революцио-нера становится тоже его оружием. И партийным иму-ществом. И надо поддерживать его всеми партийными финансами, не жалея. Надо жить при отличных вра-чах, и даже ближе к первоклассным знаменитостям – где ж, как не в Швейцарии? Не у Семашко же лечить-ся, смешно!.. Наши революционные товарищи как вра-чи – ослы, неужели им доверить своё тело ковы-рять?

А ты – и сейчас не выздоровела. Надо тебе ближе к Кохеру.

Но, Володя, но в Швейцарии ужасен мещанский дух, ты вспомни, как нам там было затхло! Ты вспом-ни, как от нас шарахались после тифлисского экска! – у них, видите ли, право стоит так непорочно, они не могут потерпеть преступлений против собственности!.. И это – социал-демократы?!

Всё правильно, но в Швейцарии вот так не попа-дётся, как я в Новом Тарге. А Семашко и Карпинского мы освободили шутя.

И какие библиотеки там, как заниматься хорошо!

– и прежде, а сейчас-то, во время войны! Исключи-тельная культивированность и удобства жизни.

Чистая вымытая страна, приятные горы, привет-ливые пансионы, прозрачные озёра с плавающей пти-цей.

Отстойник русской революции.

И при нейтральности страны только оттуда и мож-но будет держать международные связи.

Обдумывать, обдумывать: что же за радость – невиданная всеевропейская война! Такой войны и жда-ли, да не дожили Маркс и Энгельс. Такая война – наи-лучший путь к мировой революции! То, что не разож-глось, не раздулось в Пятом году – само теперь раз-дуется! Благоприятнейший момент!

Раскручивалось и предчувствие: вот оно, то собы-тие, для которого ты жил, чтоб его разгадать! Двад-цать семь лет политического самообразования, книги, брошюры, партийная перебранка, холодное неудачное наблюдение первой революции, для всех в Интерна-ционале – нарушитель порядка, зарвавшийся сектант, слабая малая тающая группка, называемая партией, – а ты ждал, сам не зная, вот этого момента, и мо-мент пришёл! Крутится тяжёлое разгонистое колесо

– как красное колесо паровоза, – и надо не потерять его могучего кручения. Еще ни разу не стоявший пе-ред толпой, еще ни разу не показавший рукой дви-жения массам – какими ремнями от этого колеса, от своего крутящегося сердца, их всех завертеть, но – не как увлекает их сейчас, а – в обратную сторону?

Краков.

Одевались, собирались.

В рассеянности собирался, не вполне понимая, что вот – Краков, и что делать надо.

Понесли вещи сами, без носильщика.

Оглушенье от многолюдья, отвыкли, а тут еще – особенное, военное. Людей на перроне – впятеро боль-ше, чем может быть в будни, и впятеро озабоченнее, и спешат. Монахины, которым бы делать тут нечего – толкаются, всем суют образки и печатные молитвы. Ленин отдернул руку как от гадости. У пассажирской платформы, не на месте – товарный вагон, и в него несут, несут какие-то большие ящики; написано: поро-шок от блох. Толкаются военные, штатские, железно-дорожники, пассажиры. Через густоту перрона – мед-ленно, трудно, чуть не локтями. А по стене вокзала – крупный плакат, жёлтая ткань и красными буквами:

Совсем это не к ним относилось, а нельзя вовсе не вздрогнуть.

В зданьи вокзала – набито и душно. Нашли ме-стечко – в тени, на возвышении, у боковой стены, углом на площадь. Тут еще больше густела толпа и много женщин. Посадили тещу на скамейку, вокруг неё все вещи. Надя поехала к Инессиной хозяйке. Вла-димир Ильич побежал купить газет и шёл назад, чи-тая их по дороге, обталкиваясь со встречными, тут присел на твёрдый чемодан, зажимая газетный ворох между локтями и коленями.

В газетах не было особенно радостно: и о галиций-ской битве и о Восточной Пруссии писалось уклончи-во, значит русские были не без успеха. Но – бои во франции! но – война в Сербии! – кто это мог меч-тать из прежнего поколения социалистов?

А – растеряются. Выше „мира! мира!“ не подни-мутся. Кто не „защитники отечества“, те в лучшем слу-чае будут вякать и твякать „прекратить войну!“

Как будто это возможно. Как будто кому-то по-сильно – схватиться руками за разогнанное паровоз-ное колесо.

Помойные слюнявые социалистики с мелкобур-жуазной червоточинкой, чтобы захватить массы, ста-нут болтать за мир и даже против аннексий. И всем покажется, что это натурально: против войны – так значит „за мир“?.. По ним-то первым и придётся уда-рить.

Кто из них имеет зрение увидеть, имеет волю пе-реступить в это великое решение: не останавливать войну – но разгонять ее! но – переносить ее! – в свою собственную страну!

Не будем прямо говорить „мы за войну“ – но мы з а нее.

Тупоумный предательский лозунг „мира!“! Для че-го же пустышка никому не нужного „мира“, если не превращать его тотчас в гражданскую вой-ну и притом беспощадную?! Да как преда-теля надо клеймить всякого, кто не выступит за граж-данскую войну!

Самое главное – трезво схватить расстановку сил, трезво понять – кто теперь кому союзник? Не с по-повской глупостью вздымать рукава между фронтов. Но увидеть в Германии с самого начала – не рав-но-империалистическую страну, а – могучего союзника. Чтобы делать революцию, нужны ружья, нужны пол-ки, нужны деньги, и надо искать, кто заинтересо-ван дать их нам? И надо искать пути переговоров, тайно удостовериться: если в России возникнут труд-ности и она станет просить о мире – есть ли гарантия, что Германия не пойдёт на переговоры, не покинет русских революционеров на произвол судьбы?

Германия! Что за сила! Какое оружие! И какая решительность – решительность удара через Бельгию! Не опасаются, кто и как заскулит. Только так и бить, если начал бить! И решительность комендантских при-казов – вот уж, не пахнет русской размазнёй. (И даже та решительность, с какой хватают и кидают в камеру Нового Тарга. Тем более – с которой освобождают же.)

Германия – безусловно выиграет эту войну. И так – она лучший и естественный союзник против царя.

А-а, попался хищный стервятник с герба! – схва-чена лапа, не выдернешь! Сам ты выбрал эту войну! Об-корнать теперь тебя – до Киева! до Харькова! до Риги! Вышибить дух великодержавный, чтоб ты по-дох! Только и способен давить других, ни на что боль-ше! Ампутировать Россию кругом. Польше, финлян-дии – отделение! Прибалтийскому краю – отделе-ние! Украине – отделение! Кавказу отделение! Чтоб ты подох!..

Площадь загудела, нахлынула сюда, к перронной решётке, дальше не пускала полиция. Что это? Подо-шёл поезд. Поезд раненых. Может быть, первый поезд, из первой крупной битвы. Толпу раздвигали – для вереницы ожидающих санитарных карет и автомоби-лей, чтобы где развернуться им. Здоровенные нахму-ренные санитары быстро выдавали от поезда к каре-там носилки за носилками. А женщины напирали,

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru про-дирался со всех сторон, и между головами и через плечи смотрели с жадным страхом на кусочки серых лиц между бинтами и простынями, ужасаясь угадать своего. Иногда раздавались вопли – узнавания или ошибки, и толпа сильнее сжималась и пульсировала как одно.

С возвышения, где сидели Ульяновы, было видно хоть издали, но хорошо. И еще из этого положения Ленин встал и пошёл к парапету ближе.

С каретами и носилками была нехватка, а тем вре-менем, поддерживаемые сёстрами милосердия, выхо-дили с перрона и на своих ногах – фигуры белые, в се-рых халатах и в синих шинелях, перебинтованные тол-сто по головам, по шеям, по плечам и рукам, и двига-лись, кто осторожнее, кто смелей, – и вот уже к ним, теперь к ним уже! бросались встречающие, теснилась толпа, и тоже кричали, режуще и радостно, и обнима-ли, и целовали, то ли своих, то ли чужих, отбирали от сестёр, подносили их мешочки, – а еще выше, над всеми головами, плыли к раненым из вокзального ресторана на поднятых мужских руках – кружки пи-ва под белыми шапками и в белых тарелках жаркое.

У парапета стоял освежённый, возбуждённый, в чёрном котелке, с неподстриженной рыжей бородкой, с бровями, изломанными в наблюдении, с острыми щупкими глазами, и одна рука тоже выставлялась с пальцами, скрюченными вверх, как поддерживая боль-шую кружку, а на горле его глоталось и дрожало, буд-то иссох он в окопах без этой кружки. Глаза его смот-рели колко, то чуть сжимаясь, то разжимаясь, выхва-тывая из этой сцены всё, что имело развитие.

Просветлялась в динамичном уме радостная догад-ка – из самых сильных, стремительных и безошибоч-ных решений за всю жизнь! Воспаряется типографский запах от газетных страниц, воспаряется кровяной и ле-карственный запах от площади – и как с орлиного полёта вдруг услеживаешь эту маленькую единствен-ную золотистую ящерку истины, и заколачивается сердце, и орлино рухаешься за ней, выхватываешь её за дрожащий хвост у последней каменной щели – и назад, и назад, назад и вверх разворачиваешь её как ленту, как полотнище с лозунгом: ...ПРЕВРАТИТЬ В ГРАЖДАНСКУЮ!.. – и на этой войне, и на этой войне – погибнут все правительства Европы!!!

Он стоял у парапета, возвышенный над площадью, с поднятою рукою – как уже место для речи заняв, да не решаясь её начать.

Ежедневно, ежечасно, в каждом месте – гневно, бескомпромиссно протестовать против этой войны! Но! –

(имманентная диалектика:) желать ей – продол-жаться! помогать ей – не прекращаться! затягиваться и превращаться! Такую войну – не сротозейничать, не пропустить!

Это – подарок истории, такая война!

из Узла II

«ОКТАБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО»

Кегель-клуб называли их собрания в ресторане Штюссихоф, хотя кегельбана не было там.

– ... Швейцарское правительство – управляющее делами буржуазии...

„Кегель-клуб“ – из насмешки: что не будет толку с их политики, а много шуму.

– ... Швейцарское правительство – пешка воен-ной клики...

Но и сами усвоили название с удовольствием: бу-дем сшибать мировых капиталистов как кегли!

(Он – воспитал их. Он излечил их от религии. Он внедрил в них понимание насилия в истории.)

– ... Швейцарское правительство бесстыдно про-даёт интересы народных масс финансовым магнатам...

Это уже несколько лет, как завёл Нобс – дискуссионный стол в ресторане, на площади Штюссихоф. Собирал молодых, активистов. Постепенно стал ходить сюда и Ленин.

(В этой чванной Швейцарии – сколько унижений надо перенести. Бернские с-д вообще смотрели на Ле-нина свысока. Переехавши в Цюрих прошлой весной, собирал-было русских эмигрантов, лекции им читать – растеклись, не ходили. Тогда перенёс усилия на мо-лодых швейцарцев. Казалось бы, в 47 лет обидно: вы-лавливать и обрабатывать безусых сторонников по од-ному – но не надо жалеть часов и на одного, если отрываешь его от оппортуниста Гримма.)

– ... Швейцарское правительство раболепствует перед европейской реакцией и теснит демократичес-кие права народа...

Простоватый широколицый слесарь Платтен (сле-сарь – для большей пролетарности, а, руку сломав, чертёжником стал) по ту сторону стола. Он – вбира-ет, всем лицом вбирает говоримое, такое трудное. На-пряжён его лоб и в усиллии собраны пухлые мягкие гу-бы, помогая глазам, помогая ушам – слова не пропу-стить.

– ... Швейцарская социал-демократия должна ока-зять полное недоверие своему правительству...

Удлинённый стол – на хорошую швейцарскую компанию. Без скатерти, обструганный, с ямками вы-павших сучков, локтями и тарелками обшлифованный лет за сто. Поместились просторно все девятеро, на двух лавках, и еще одно место отобрано столбом. Кто с малой закуской, кто с пивом – для ресторанной ви-димости, да швейцарцы и не умеют иначе, каждый платит за себя. А со столба – фонарик.

Самое энергичное лицо, треугольное, удлинённое,

– у Вилли Мюнценберга, эрфуртского немца – под распавшимися на бок непослушными волосами. Он воспринимает легко, ему этого мало даже, беспокой-ными длинными руками он протянулся бы взять еще, он на митингах и сам это звонко выкрикивает.

(Повезло в Цюрихе с молодыми. Сейчас их ше-стеро здесь – и всё вожди молодёжи. Не то, что в Че-тырнадцатом: посылал Инессу к швейцарским левым

– Нэн рыбу ловил, а Грабер бельё вешал, жене помо-гал, и никому нет дела.)

– ... Надо научиться не доверять своему прави-тельству...

Ленин – на углу, у столба, столбом прикрыт его бок. А Нобс – осмотрительный, вкрадчивый кот, – на другом дальнем углу, искоса. Подальше от опасно-сти. Сам это всё затевал – не сам ли теперь жалеет? По возрасту – он с ними, тут все вокруг тридцати, но по партийным постам, но по солидности и даже по животуку – отошёл, отходит.

Над каждым столом – фонарь своего цвета. Над кегель-клубом – красный. И аловатый цвет на всех лицах – на крупной открытости Платтена, на чёрном чубе и крахмальном воротнике фатоватого уверенного Мимиолы, на растрёпанной нечёсанной курчавости Ра- дека с невынимаемой трубкой и никогда не закрыты-ми влажными губами.

– ... В каждой стране – возбуждение ненависти к своему правительству! Только такая работа может считаться социалистической...

(Только над молодёжью и стоит работать, здесь нет унижения, это дальновидность. Впрочем, не стар и Гримм, на 11 лет моложе Ленина, но – схватился уже за власть. Не глуп, а не поднимается до теории. Воору-жённого восстания не хочет, а что-нибудь левое клю-нуть ему хочется. Когда в Четырнадцатом въехал в Швейцарию именем Грёйлиха и устроился здесь пору-чительством Гримма, – виделся с ним, проговорили полночи. Тот спросил: „А что б вы считали нужным в положении швейцарских с-д, вот сейчас?“ Щупая, на что он способен, блеснул ему: „Я бы – провозгласил немедленно Гражданскую войну!“ Перепугался. Да нет, подумал – шутка...)

– ... Нейтральность страны есть буржуазный об-ман и пассивное подчинение

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru империалистической вой-не...

В мускульных сдвигах, в мучительном усилии плат- теновский лоб и в усилии и в растерянности глаза. Как это трудно, как это трудно – постигать великую науку социализма! Как не складываются грандиозные фор-мулы с твоим ограниченным скудным опытом. И вой-на – обман, и нейтральность – обман, и нейтраль-ность – всё равно, что война?.. А на товарищей поко-сисься – всё понимают, и стыдно признаться, и де-лаешь вид.

(А это – не легкомысленная фраза была: по до-роге через Австрию он всё это выносил воодушевлённо, в Берне закрепил как тезисы, потом перелил в Мани-фест ЦК, потом отстоял в лозанской схватке с Плева-новым. Можно тысячу раз знать марксизм, но когда грянет конкретный случай – не найти решения, а кто находит – тот делает подлинное открытие. Осенью Й-го, когда 4/5 социалистов всей Европы стали на за-щиту отечества, а 1/5 робко мычала „за мир“, – Ле-нин, единственный в мировом социализме, увидел и всем показал: за войну! – но другую! – и не-медленно!!)

Кружка пива и перед Лениным, хоть терпеть не может он этот тип – швейцарских политиков за пив-ным столом, но таков обряд. Вронский – сонный, как всегда, не возмутимый ничем. А Радек, чёрные бачки круговые от уха до уха пропущены под подбородком, в очках роговых, со взглядом быстрым, зубы торчат из- под верхней губы, и перекладкой, и перекладкой веч- но-дымящей чёрной трубки – всё это слышал, всё это знает, тесно и мало ему, и медленно.

– ... Мелкое стремление мелких государств отстать-ся в стороне от великих битв мировой истории...

Про себя барахтается 'Платтен, стараясь* не проя-виться наружно. Очень понятна задача мировой рево-люции, – но как трудно применить её к своей Швей-царии. Ум – согласен: если миновали мировую бойню, надо не успокаиваться, надо звать в социальные бои. А душа неразумная: и как хорошо – мирно живут, крестьянские дома, прилепились на горных уступах, все мужчины – дома, и четырежды в лето снимаются травы с лугов, как бы ни были откосы круты, и сен-ным запасом полнеют до крыш высокие сараи, и пол-ными днями с отрога на отрог перезваниваются сотни колокольцев, коровьих и овечьих, как будто горы сами звенят.

– ... Узколобий эгоизм привилегированных ма-леньких наций...

Медлительный ход пастухов. Изредка – бич оглу-шительный по каменистой дороге – и несёт его эхо за повороты холмов. Длинные, коров на двадцать, во-допойные чаны под горными родниками. Перемены ветров по всколыхнутым травам, перемены туманов, курящихся над лесистыми ущельями, а когда солнце прорвёт дожди, так бывает и радуге развернуться не-где, встаёт она просто столбом из горы. И на отеле пустынном, вершинном, тихая надпись: „Хранит жи-вущего одеяние родины“.

– ... Промышленность, связанная с туристами... Ваша буржуазия торгует прелестями Альп, а ваши оп-портунисты ей в этом помогают...

Не удержал, не спрятал сомнения Платтен, отра-зилось доверчиво, бесхитростно.

И Ленин – заметил! И с угла стола, средь моло-дых единственный старый, ему на вид куда за пять-десят, – живо, подвижно, искоса, как метким ударом шпаги, меткое слово – ключ агитации:

– Республика лакеев! – вот что такое Швейцария!

Радек зароготал, ловко, весело трубку перекладыва-ет, да каждый раз по-новому пальцами, с серьёзно-стью сосёт свой важный дым. Вилли – весело ловит взгляд Учителя, руки длинные выкручиваются в не-терпении – дай еще! дай еще!

Платтен – разве спорит? Платтен – только в недоумении. Страна, пожалуй, и похожа на украшен-ную готсиницу, но лакеи бывают подобострастны, суетливо-податливы, а* швейцарцы – медленны, само-уважительны. Да даже и жёны министров не держат лакеев, выбивают сами ковры.

(Впрочем, не было в Швейцарии случая, чтобы письмо пропало. И библиотечное дело отлично постав-лено: в дальние горные пансионаты высылаются книги бесплатно и

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru тотчас.)

– ... Подачки послушным рабочим в виде со-циальных реформ, только бы не свергали буржуазии...

С этим совещанием три недели хлопотали, нако-нец вот, собрали, 21-го в пятницу вечером – уж перед самым, как раз, накануне партийного съезда. И очень помог, пригодился Радек.

(Радек если когда хорош, так хорош, архидружбд. Сегодня жить бы без него нельзя. И по-немецки – что говорит, что пишет, и любой поворот с ним лёгок, не надо втолковывать. Негодяй, но блестящий, такие очень нужны. А бывал – омерзительным, в Берне даже не встречались, переписывались по почте, с февраля – порвали навсегда, в Кинтале выступал совершенно провокационно.)

– ... Швейцарский народ голодает всё ужаснее и рискует быть втянутым в войну, и убитым за ин-тересы капиталистов...

У Нобса – скептический янтарный мундштучок, сам на губе держится.

(И как же было, во всей Европе одному, начи-нать борьбу за обновление Интернационала, нет, за разгром его и постройку Третьего? То – соскresti своих большевиков-заграничников, кто приедет. То, по-мощью Гримма, – женщин десятка три, Интерна-циональную Социалистическую Женскую Конферен-цию, а самому неудобно присутствовать, а надо их направить, – так в том же Народном доме проси-деть три дня в кафе, а Инесса, Надя и Зинка Лилина бегали ему докладывать и спрашивали инструкции.)

– ... Идти на бойню за посторонние чужие инте-ресы? Или принести великие жертвы за социализм, за интересы девяти десятых человечества?..

(То – интернациональную социалистическую кон-ференцию молодёжи, и полутора десятка не набрали, в основном – кто дезертировал от воинского призыва и наверняка против войны, – и опять три дня сидеть в том же кафе, а Инесса с Сафаровым прибегают за инструкциями. Вот тут и появился Вилли.)

Двадцать семь лет тебе – ас семнадцати это кипение молодёжное: встречи, организации, конферен-ции, демонстрации... И среди равных в себе открывая голос и удасть, и удачу – слушаются! – как на помост, по ступенькам, чтобы лучше видели – поднимаешься, поднимаешься, и вот уже ты – постоянный оратор, делегат, секретарь... И вожди партии уже стараются притянуть тебя к себе и настраивают не слушать вот этого азиата с его дикими идеями, а ты как раз от него, от него и зажигательного Троцкого, узнаёшь всё правильное и важное!

– ... „Защита отечества" есть обман народа, а вовсе не „война за демократию". И со стороны Швей-царии тоже...

Двадцать семь лет! – да пройти через раннюю смерть матери, побои мачехи, побои отца, прислужни-чество в отцовском трактире, с гостями в карты играть и говорить о политике, потом у мачехи близ прачечно-го корыта, всегда страдать от своей рваной одежды, ботинок не по размеру, и сапожным подмастерьем затянуться в пропаганду и уже в двадцать лет эмигри-ровать в Цюрих, чтобы здесь, аптечным дрогистом, пройти все классовые бои...

Под красноватой лампой полно веры и ожидания преданное решительное лицо Мюнценберга. В узком остром подбородке его заострилась проверенная воля. Брови готовно сдвинуты навстречу революционным мыслям. Уже многое он делал, как Ленин говорил, и хорошо получалось. Созывал молодёжный день на Цюрихберге, больше двух тысяч, и потом с „Интер-националом", красными флагами и „долой войну" по-вёл их через город. И в Кинталь – уже был позван, и вместе с Лениным подписал резолюцию левых.

– ... „Защита отечества" – лицемерная фраза. Она подготавливает бойню рабочих и мелкого кресть-янства...

Нескладный Шмидт из Винтертура недоумекает с дальнего края скамейки, заглядывает через весь ряд:

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
– Но нашу страну война не может затронуть, мы нейтральны...

– Да вступление Швейцарии в войну возможно в любой момент!

Нобс пережевывает янтарный мундштучок под светлой усовой пушистостью. Улыбка у него котят-чеприятная, а глаза недоверчивые и хохолок с сомнением.

– Конечно, отказ от защиты отечества ставит необычайно высокие требования к революционному сознанию!

(Всю жизнь – лидер меньшинства, всю жизнь с горсточкой против всех – нужна и тактика острая. Тактика такая: побольше вытрясти из резолюции большинства – и всё равно её не принять: или включайте наше мнение в протокол или уходим!.. Но вы – меньшинство, почему вы диктуете?.. Тогда – уходим! раз-рыв! скандал! позор!.. Так было на всех этих конференциях, и не было большинства, которое бы не ослабело. Ветер всегда дует с крайнего лева! – и нет в мире социалиста, который мог бы этим пренебречь. В том была и неуверенность Гримма, отчего он и поспешил собирать Циммервальд.)

– ... Ни одного гроша на постоянное войско даже в Швейцарии!..

– Как, и в мирное время?

– Даже в мирное время обязан социалист голосовать против военных кредитов буржуазного государства!

(Долго не было Ленину приглашения в Циммервальд, и он изнывал, боясь, что Гримм не позовет – а навязываться было совсем неприлично. Да и что там будет за конференция? Соберётся куча говна и будет „за мир и против аннексий“. За мир – слышать он не мог этих слов!.. Между тем тайно влиял, чтоб натянуть в депутаты побольше своих сторонников: кто против своего правительства – это и будет ядро лево-го Интернационала!.. Но стянули таких только 8 человек: сами трое с Гришкой и Радеком, Платтен, один латыш и три скандинава. Да и весь-то „старый“ Интернационал через 50 лет после своего основания, поместился в четырёх фурах, какими извозчики повезли конференцию в горы, чтоб не привлекать внимания властей, а власти и не заметили: ни – как приехали депутаты в Швейцарию, ни – как разъехались по домам, только из иностранных газет и узнали.)

– Но особенности Швейцарии...

– Да никаких особенностей! Швейцария – такая же империалистическая страна!

Платтен – откинулся, лоб нараспашку, лоб застигнутый перегоняет морщины. Сопrotивляется чувство непросвещённое: хоть и крошечная наша Швейцария – а разве не особенная? И от первого союза трёх кантонов – мы кого же силой захватили? Но – напряжением ума заставляет себя, заставляет принять передовую мысль. Крупные сильные беззащитные руки ладонями вверх на столе.

(Через этого одного Платтена, благодарный материал, можно бы повернуть всю цюрихскую организацию. Если б он больше работал над самообразованием.)

– Итак, среди нас, среди левых циммервальдистов, теперь установлено полное единодушие: мы – отвергаем защиту отечества!

Косолапым не всем понятно:

– Но, отвергая защиту отечества, мы оставляем страну беззащитной?

– В корне неправильная постановка вопроса! А правильная: или мы дадим себя убивать в интересах империалистической буржуазии или ценой меньших жертв совершим социалистический переворот в Швейцарии – единственное средство освободить швейцарские массы от дороговизны и голода!

(В Циммервальде почти не выступал, направлял своих левых из тени. Это – самый верный расчёт сил. Уж Радек ли не выступит! – остроумно, находчиво, развязно, самоуверенно. Обязанность же вождя – спланировать своих немногих. Враг – это еще полврага.)

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Но кто был с нами и вдруг от нашей линии отви- хивается – это двойной враг! вот по таким – первый удар! А лучше – предусмотреть, и между заседаний накачивать своих на сепаратных совещаниях.)

– ... В том и весь позор пацифизма, что он ме-чтает о мире без социалистической революции.

У Радека – весёлая легкоподъёмность: все карма-ны у него оттопырены газетами, книгами, на первый день есть, если бежать на революцию – так прямо от-сюда. А – интересно как!!

(Но – следить за мошенником: в любую минуту переметнётся, изменит. То – путал, мирил Гримма и Платтена, когда их надо всячески ссорить.)

– ... Переворот – абсолютно необходим для ус-транения всех войн...

А Вронский – как дремлет. Вронский мог бы тут и не сидеть, он – для счёта всегда. Когда нужно – проголосует. А когда нужно – и скажет, что нужно.

(Да – глупый он. Но – так мало нас, пригодится каждый в своё время.)

– ... Социалистический строй один избавит чело-вечество от войн...

Нобс – как будто одобрителен, и в глазах и в губах – сочувствие, а уши – покойно на месте, а лоб не взморщится. Да ведь – главный редактор главной газеты левых и мягко продвигается по партии на председательские места. Он очень, очень нужен им тут всем.

Нужны – и они ему, Нобс отлично понимает, что ветер всегда дует слева. Вот – их кучка, вот – их несколько человек, а ведь могут повернуть всю швей-царскую партию? Да только не дать им на шею сесть.

– ... Это непоследовательно: стремиться к окон-чанию войны и отвергать социалистическую револю-цию...

(Но вскочил Ленин и крикнул на письмо Либ- кнехта Циммервальду: „ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА –

ЭТО ВЕЛИКОЛЕПНО!" Осторожность хороша на 9/10, а в 1/10 надо переступать. Идти в окопы с пролетар-ским лозунгом: братание! В войсках проповедывать классовую борьбу! Обращать оружие – против своих! ЭПОХА ШТЫКА НАСТУПИЛА! Конечно, рискованно так эмигранту в нейтральной стране, но – всегда обходилось. А в Циммервальде гнусный подлый немец Ледебур: „Вы здесь подпишете – вам не опасно, а тем? Езжайте в Россию – и подписывайте о т - туда!" Уровень аргументов!..)

– ... Швейцарская партия упорно остаётся в ис-ключительно легальной колее и не готовится к рево-люционной массовой борьбе...

От стойки с двумя пузатыми старыми бочками и десятками цветных горлышек, официант с нетёсан-ным швейцарским лицом медленно носит к столам золотистые кружки, бордовые бокалы и стаканы. Дру-гой от кухонного окошка – дощечки жёлтые с на-струганными бурыми копчёностями, да тарелки с жар-ким и рыбой – непомерно изобильные швейцарские порции, как четверные, неторопливо убирают швей-царские животы. И еще на огоньках подле каждого обжоры подогревается вторая половина порции.

– ... Социалистическое преобразование Швейца-рии вполне осуществимо и действительно необходимо. Капитализм вполне созрел для превращения в социа-лизм – и немедленно!..

(На последнем заседании Циммервальда от по-лудня и всю ночь левая бушевала на каждой поправке, каждый раз требовала „особого мнения" в протоколе – и так заметно сдвигала резолюцию влево. Ни Граж-данской войны, ни Нового Интернационала не прове-ли, конечно. Но создалась циммервальдская левая как международное крыло, и Ленин – вождь её, а не какой-то русский сектант. Руководство же осталось за центристами, и слава конференции – за Гриммом, во всех мировых газетах. Чуть старше тридцати, а – в Исполкоме Интернационала, потому что с оппорту-нистами заодно. Двадцать лет, как Ленин по Швейца-рии то

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru ездил, то жил – никакого Гримма и слышно не было.)

Втягивающее, узкое лицо Вилли. Он – согласен, согласен со всем, но, главное, точно ему понять: как делать? с чего начинать?

– В Швейцарии необходимо будет экспроприировать... максимум... всего не больше 30 тысяч буржуа. Ну, и конечно, сразу захватить все банки. И Швейцария – станет пролетарской.

От столба, искоса наблюдает Ленин, всем душевным напором, взглядом толкающим, лбом котловым наклонённым, – и успевает проверить, насколько в кого втолкнулось. Оскудевшая рыжина на куполе выступает сильнее под красным фонарём.

– Подрубать корни современного общественного строя – на практике! И – теперь же!

Вот этот шаг и труден всем социалистам мира. Сощурился Нобс как от боли. Даже винтертурский пролетарий что-то крив на рот. И Мимиоле давит шею высокий обруч крахмального воротника.

Хорош наш Ульянов – но слишком уж крайний. Уж крайних таких – не то что в Швейцарии, не то что в Италии – но и во всём мире нет.

Трудно им, трудно. Переменчиво-бегло осматривает Ленин все эти разные, уже свои, а еще не взятые головы.

А они все боятся попасть под уничтожающую издёвку его.

(Есть такой приём: когда трудно входит – навалить еще тяжелей, и тогда прежнее трудное уже входит легче.)

И, через весь стол, на шестерых швейцарцев, по всем шести линиям сразу вмешался, послал, голосом напряжённым, но не полного звука, в груди ли, в гортани, во рту неизменно теряя его и прихрамывая на „р“:

– А путь для этого – только раскол! Это – мещанское кривлянье, будто в швейцарской социал-демократии может господствовать „внутренний мир“!

Вздрогнули. Замерли.

А он:

– Буржуазия вскормила себе социал-шовинистов, своих сторожевых псов! И какое же с ними единство?

(А уже начав – в одно место, в то же место, в ту же точку, чуть меняя слова, это главный принцип про-паганды и преподавания:)

– Это болезнь – не только швейцарских, не только русских, но всех социал-демократов мира: раскислая склонность к „примирению“! Для фальшивого „единства“ все готовы поступиться принципиальностью! А между тем без полного организационного разрыва с социал-патриотами невозможно продвинуться к социализму – ни на шаг!!!

Как бы ни замерли, что бы ни подумали – но уверенность учителя против класса: даже если весь класс не согласен – прав учитель, всё равно. И – еще гортанней, и еще нетерпеливей и нервней:

– Вопрос о расколе – основной вопрос! Всякая уступчивость в нём – преступление! Все, кто в нём колеблется, – враги пролетариата! Истинные революционеры – никогда не боятся раскола!

(Раскалываться – всегда! Раскалываться – на всех этапах движения! Раскалываться до тех пор, пока станешь хоть в самой малой кучке – но Центральным Комитетом! И пусть в ней останутся самые средние, даже самые ничтожные люди, но – единопопослушные, и можно достичь – всего!!!)

– В международном масштабе – раскол вполне созрел! Уже есть превосходные сведения о расколе среди немецких социалистов. И пришла пора – рвать с

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
каутскианцами своей страны и всех стран! Рвать со Вторым Интернационалом – и
строить Третий!

(Это всё проверено – еще на заре века. Так про-резал и убил экономистов лучом
Что-делать, замы-слом конспиративной профессиональной кучки. Так стряхнул
раскачкой Шаг-два шага хлипкий липкий мешок меньшевизма. Не власть нужна ему, но
не мо-жет он н е управлять, когда все другие управляют так беспомощно. Не может
он дать искиснуть, изгнить

– несравненным способностям руководства.)

И это всё – как тут родилось, вот сейчас за сто-лом, как откровение
единомгновенное и покоряющее: раскол своей партии – и через то победа
рево-люции!!

И замер Нобс – от сладкого страха, не мурлык-нув. Отвергнешь – тоже потеряешь?
Быть может – и лучшее место здесь, за краешком этого стола?

И лапа Платтена замерла в охвате пивной круж-ки. О, сколько же тяжёлого еще
будет на пути со-циалиста!

И Мимиола победил сжимающий воротник, вырос, вырос из него. Но хмурясь.

И – просветлённо и удивлённо полуулыбался Вил-ли. Он – готов. И он – поведёт
молодёжь. Он – всё повторит это им с трибуны.

И – лбом котловым, когда стенка пробита, дотал- кивая, доталкивая:

– В моей книге „Империализм“ окончательно до-казано, что во всех индустриальных
странах Евро-пы неизбежна скорая революция!

Там – еще двое, они верить хотят, но – как это? Живя в своей обычной комнате,
вот выйти утром между знакомыми зданиями – и делать революцию?

– как?.. Кто бы показал? Ведь никогда не видано.

– Но в Швейцарии...

– А что – в Швейцарии? Прекрасная стачка в Цюрихе в Девятьсот Двенадцатом! А –
этим летом? Прекрасная демонстрация Вилли на Банхофштрассе! крещение кровью!

Да, это гордость Вилли:

– И сколько раненых!

Не так даже первого августа, как третьего, в за-щиту павших.

Мнутся:

– Но всё-таки... в Швейцарии?..

Ему – как не поверить? Он с каждым молодым

– как с равным себе, во всю серьёзность, не как от-махиваются от незрелых едва
поднявшиеся вожди, но на каждого сил не жалея, беседуя, донимая, дони-мая
вопросами до петли...

– Но всё-таки – в Швейцарии...

Радек за это время, что разъясняли тут, из своих набитых карманов две газеты
прочёл, одну книгу пере-листал, а они всё не поняли?

Тычет им черенком трубки:

– Да собственный ваш прошлогодний партсъезд... Резолюцию ж приняли, о
революционных массовых действиях! Ну! И – что?

И – что?.. Мало что, приняли. Принять не трудно.

– Потом и Кинталь!

Их – пятеро здесь, кто были в Кинтале – уже и Нобс и Мюнценберг, пятеро здесь, а там их было

– двенадцать, из сорока пяти. И снова грозили взры-вать, уходить, покидали зал и возвращались. И боль-шинство поддавалось меньшинству, и сдвигали, сдви-гали резолюцию всё левей, всё левей: только завоева-ние политической власти пролетариатом обеспечивает мир!

Всё – так, но мало ли что в резолюциях...

– А у нас в Швейцарии...

Да какое ж терпение не взорвётся с этими лбами корявыми! И в новом взрыве непостижимого откρο-вения, – сухим полётом, сиплым шелестом прорвав-шегося голоса:

– Да знаете вы, что Швейцария – рево-люционнейшая страна в мире??!

Как – ссунуло всех со скамей, со стола, вместе с кружками, тарелками, вилками, и фонарик на столбе качнулся от ветра голоса, и Нобс подхватил мундштук рукой, выранивая...

????????????????

(А он – видел! Он видел в Цюрихе – вот, близкобудущие баррикады – пусть не на банковской Банхофштрассе, но – к рабочему району, у Народно-го дома на Хельвециа-плац!)

И – выплеском взгляда разящего из монголь-ских глаз, и голосом, лишённым сочной глубины, зато режущим, ближе к сабле калмыцкой (только выщер-бинки на ,,р“):

– Потому что Швейцария – единственная в мире страна, где солдатам отдаётся на дом, на руки – и оружие! и амуниция!

И?..

– А что такое революция – вы знаете? Революция это: захватить банки! вокзал! поч-ту-телеграф! и крупные предприятия! И – всё, рево-люция победила! И что же для этого нужно? То л ь- к о оружие! И оружие, вот – есть!

Что только слышал Фриц Платтен от этого чело-века, своего рока и судьбы своей! – леденило кровь иногда...

А Ленин не убеждал уже, он требовал резко – у ослушников, у растяп неспособных:

– И чего же вы ждёте? Чего не хватает вам? Всенародного военного обучения? Так пришло время и потребовать! Для этого...

Импровизировал. Соображал между фразами, раз-глядывал между мыслями, а голос не прерывался:

– Офицеры – выборные народом. Любые... сто человек могут потребовать военного обучения! С опла-той инструкторов за казённый счёт. Именно при граж-данских свободах Швейцарии, её эффективном демо-кратизме – колоссально облегчается революция!

Он налегал на стол, он был как косо-крылатый, и взлетев отсюда, из зальчика ресторана Штюссихоф, – вот взмует сейчас над площадью пятиугольной, замкнутой, средневековой, сама-то величиною с хоро-ший зал, пронесётся над фигурой комичного фонтан-ного воина с флагом, завьётся спиралью мимо нави-сающих балконных выступов, фрески двух сапожни-ков, выстукивающих на своих табуретках на уровне третьего этажа, гербов на фронтонах у пятого, – и над черепичными крышами старого Цюриха, над на-горными пансионатами, разукрашенными шале респуб-лики лакеев:

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
– Немедленно начать пропаганду в армии! Разъяснить войскам и призывной молодёжи
– неизбежность и законность применять оружие для освобождения от наёмного
рабства!.. Издавать летучие листки за немедленный социалистический переворот в
Швейцарии!

(Для беспаспортного иностранца несколько опрометчивые советы, но это – та самая
1/10, без которой не победишь.)

– Уже сейчас захватывать в свои руки все правления во всех союзах рабочего
класса! Требовать от парламентских представителей партии – публичной проповеди
социалистической революции! принудительного отчуждения фабрик, заводов и
сельхозучастков!

Прямо идти – и у людей имущество отбирать? Без

– закона? Швейцарцы косолапые промаргивать не успевают.

– Для усиления революционных элементов в стране – натурализовать беспощинно
всякого иностранца! При малейших шагах правительства к войне

– создавать нелегальные рабочие организации! А в случае войны...

Отвагой полны вожди молодых, Мюнценберг и Мимиола:

– ... Отказываться от военной службы!

(Впрочем, Мюнценберга и Радека, как дезертиров

тех армий, выслать в Германию и Австро-Венгрию закон запрещает.)

Ничего не поняли! Насмешка, но не злая, пронеслась по ленинскому лицу.
Делать нечего, – снижаясь, опять снижаясь, мимо сапожников, рабски-стационально
включивших свою работу, над голубою фонтанной колонной, и – нырять в ресторан,
сюда опять:

-- Да ни в коем же случае не отказываться, что же вы поняли?! Именно в
Швейцарии: дают оружие

– брать!! Требовать демобилизации – да, но – сохраняя оружие! С оружием – и на
улицу! И – ни часу гражданского мира! Стачки! Демонстрации! Формирание
рабочих отрядов! И – вооружённое восстание!!!

Широколобий Платтен – как откинутый, в лоб ударенный:

– Но во время всеобщей войны... соседние державы... потерпят ли революцию в
Швейцарии? Вмешаются...

А здесь-то и было зерно ленинского замысла! – в исключительной неповторимой
особенности Швейцарии:

– Вот это и замечательно! Пока вся Европа воюет – а в Швейцарии баррикады! А в
Швейцарии – революция! А у Швейцарии – три главных европейских языка! И по трём
языкам в три стороны пальётся революция по Европе! Расширится союз
революционных элементов – до пролетариата всей Европы! Сразу вызовется
классовая солидарность в трёх приграничных странах! Уж если вмешаются – то
революция вспыхнет по всей Европе!!! Вот почему ШВЕЙЦАРИЯ – ЦЕНТР МИРОВОЙ
РЕВОЛЮЦИИ СЕГОДНЯ!!!

Опалённые красным пламенем сидели кегельклубцы, кого в каком положении
застало. Мюнценберг выдвинул узкий треугольник бесстрашного лица – вперёд в
огонь. Подпалило и Нобсу пушистость. Мимиола

– и галстук сорвёт, и своих темпераментных итальянцев поведёт через все
развалины. Вронский в лукавой меланхолии делает вид, что тоже к бою – готов.
Радек – поёрывает, губы облизывает, запрыгал задор за очками: да если б так –
это же штук каких наколоть можно!

(Кегельклуб – зародыш III Интернационала!)

– ... Вы – лучшая часть швейцарского проле-тариата!..

А резолюция для завтрашнего съезда швейцарской партии у Радека уже лежит готовая. Вот если б Нобс её напечатал...

Гм-м-м...

А – кто её на съезде предложит?..

Гм-м-м...

Уже и ресторану скоро закрываться, расходились.

На площади Штюссигоф горели три фонаря на столбах, и много окон из домов со всех сторон. И можно было легко прочесть табличку, как бургомистр Штюсси погиб тут недалеко в битве в 1443 году. А дом семьи его „на ветру“ стоял на 60 лет старше. Да Штюс-си и был, наверно – посреди фонтана вот этот комич-ный швейцарский воин в латах и в голубых чулках. Тонкие струи слышно лились в голубоватый водоём. Было сухо и, по-здешнему, холодно.

Расходились, еще договаривая на площади, измо-щённой малыши камешками подглядь. Площадь – как замкнутая, и если не знать щелевых улиц – кажется, всё, тупик, никогда не выберешься. Одни уходили вниз по откосу, мощёному коревато, и дальше переулком к набережной. Другие – мимо пивной „Франциска-нец“. А Вилли провожал учителя по той же улице в другую сторону, мимо кабаре „Вольтер“ на следую-щем углу, где всю ночь бушевала богема, и им встре-чались на узкой мостовой еще невзятые проститутки. А от вольтеровского кабаре – круто вверх под фо-нарь престариннейший на чугунном столбе, по пере-улку-лестнице, почти можно обеих стен достать рас-кинутыми руками, едва рядом вдвоём, – и всё вверх и вверх.

Ленин – крепкими альпийскими каблуками по камням.

Вилли еще и еще хотел набраться уверенности от учителя. Он не забыл летнюю драку на Банхбф-штрассе, – но ведь опять всё смыло, подмело, и всё те же витрины сверкают, и всё то же мещанство гу-ляет, а рабочие спокойно слушают своих уговорчивых вождей.

– Но народ ведь – не подготовлен?..

На крутом повороте переулка из-под тёмной шап-ки, в слабом свете чьих-то верхних неспящих окон – голос тихий, но с тем же прорезающим лезвием:

– „Народ“ конечно не подготовлен. Но это не значит, что мы имеем право откладывать начало.

И даже зная свою трибунную удачливость, и испы-тавши вопли молодёжных сходок:

– Но нас – такое малое меньшинство!

И из темноты, остановясь, чего не открыл даже лучшим, собранным в Кегель-клубе:

– А большинство – всегда глупо, и ждать его нельзя. Решительное меньшинство должно действовать – и после этого становится большинством.

*

* *

На другое утро открылся съезд – в Купеческом зале, на той стороне реки. Ленин, как вождь иностран-ной партии, был приглашён приветствовать. А Радек, как от польской социал-демократии, тоже. Двое наших один за другим.

В первое утро делегаты съехались еще не все, это не было многолюднее, чем хороший реферат. (Ленин и не привык многолюдно, он и не знал, что значит говорить тысяче сразу; один раз на митинге в Петер-бурге, так язык отнялся.)

И едва он поднялся над залом – осторожность овладела им. Как и в Циммёрвальде,

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru как и в Кинтале, он не рвался высказать тут главное – нет, вся пыл-кость убеждения естественно приберегалась на закрытое совещание единомышленников. Здесь – он конечно не призывал ни против швейцарского правительства, ни против банков. Стоя перед этой, формально социал-демократической, а по сути буржуазной мас-сой самодовольных мордатых швейцарцев, рассеявшихся за столиками, Ленин сразу ощутил, что его тут не воспринимают, не воспримут, да ему почти и нечего им сказать. Даже напомнить им их собственную про-шлогоднюю весьма революционную резолюцию – как-то не выговаривалось, да и можно всё испортить.

И его приветствие было бы совсем коротко, если б он болезненно не зацепился за выстрел Фрица Адлера (две недели назад секретарь австрийской с-д партии убил премьер-министра Австро-Венгрии, во время вой-ны – главу имперского правительства!). Это убийство заняло воображение всех, об этом много говорили, и сам Ленин для себя тоже искал оценку, а для того выпрашивал обстоятельности: чьё это влияние (не рус-ская ли эсерка его жена)? И потаённо связанный с проработкой этого вопроса (их вечный спор с эсера-ми), Ленин тут, на съезде, половину своего выступле-ния неуместно посвятил террору... Он сказал, что за-служивает полной симпатии приветствие террористу, посланное ЦК итальянской партии, если понять это убийство как сигнал социал-демократам покидать оп-портунистическую тактику. И подробно защищал, по-чому русские большевики могли спорить против инди-видуального террора: лишь потому, что террор должен быть действием массовым.

А швейцарцы жевали, мычали, попивали – не понять их.

Но нет! субботнее заседание пошло хорошо, по-дало надежду! Аплодировало Платтену большинство, и папа Грёйлих 75-летний, в пышных сединах, стал шутить, что „партия нашла новых любимчиков". (Да то ли еще будет, последним швмлевским ругательством вас покрыть! Да мы вас – повесим, когда к власти придём!) Шло, шло на лад! Ленин приободрился и ощутил себя как старый армейский конь в боевой суматохе. А дальше – Нобс оглядчивый не отказался выступить с резолюцией Кегель-клуба (радековской): съезду – следовать кинтальским решениям. (Туцова-тые швейцарцы могут из моды проголосовать, сами тол-ком не зная, в чём там кинтальские решения, – а и попались потом! Потом – их же решением – их и клевать. Гримма клевать!)

Мелочь? Нет! – именно так и движется история: от одной завоёванной резолюции к другой, натиском меньшинства – сдвигать и сдвигать все резолюции – влево! влево!

И следующий шаг: вечером в субботу, по замыслу Кегель-клуба, собрали отдельно и тайно (индивидуаль-но приглашая), в другом, не съездовском, доме, при-ватно – всех молодых депутатов съезда: ставка на то, что молодость всегда сочувствует левому. План был простой: вместе с ними выработать (предложить им готовую, Радек уже принёс) резолюцию, которую они завтра, в воскресенье, от себя предложат съезду и протолкнут.

На этом приватном совещании молодых предсе-дательствовал, конечно, Вилли – со всей свободой призывающих рук вожака, весёлого бодрого голоса и волос распавшихся, – а рядом Радек стал, как обма-занный курчавостью, в боевых весёлых очках, читал свою резолюцию, разъяснял, отвечал на вопросы. (И оратор хорош, но – перо! но перо! – нет ему цены!) А Ленин, как всегда, как любил, сидел в ряду, незамет-но, и лишь внимательно слушал.

И всё было бы хорошо: молодые депутаты при-слушивались к русско-польскому товарищу и соглаша-лись.

Всё было бы хорошо, но случилась крайняя не-приятность: не подумали, не догадались запереть дверь. И в незапертую вошли, да их и не заметили сразу – две сплетницы, две гадкие бабы: госпожа Блок, прия-тельница самого Гримма, и Димка Смидович, прия-тельница Мартова. А зашли бабы – не выгонишь, будут визжать, скандал! И не уйти всему собранию в другое помещение! Да уже слышали, видели – Ра-дека как докладчика, и всё поняли, конечно, что резо-люцию швейцарскому съезду – готовят русские.

Ах, какая дьявольская досада! Ах, какая грандиоз-ная неудача! Что за мерзавки бабы, мизерная интрига! Конечно, тут же бросились – и нашептали Гримму. А он, нахал и сволочь, скотина последняя, поверил глупому бабью! И заварил пошлую склоку, в своей „Бернер Тагвахт" напечатал гнусные намёки, абсолют-но непонятные

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru 99/100 читателей: какие-то несколько иностранцев, рассматривающие наше рабочее движение через свои очки и абсолютно равнодушные к швейцарским делам, хотя в порыве своего нетерпения искусственно возбудить у нас революцию!..

Ахинея! Архипошлость помойная! И это – рабочий вождь?

И на съезде высмеяли резолюцию Нобса. Где предлагал он постановить впредь выбирать в парламент только таких депутатов, которые против защиты отечества, Грейлих возвеселился: если пошлём таких депутатов, они по пылкости могут оказаться на кегельбане.

И съезд – хохотал.

И рассмотрение кинтальской резолюции тоже отложили – на февраль Семнадцатого.

Что ж за трагическая судьба?! Сколько вложено сил, вечеров, убеждения, ясности, революционного динамита! – и только обломки пошлости, глупости, оппортунизма, серая вата, чердачная пыль.

И в затхлой Швейцарии торжествует бацилла мелкобуржуазного тупоумия.

А буржуазный мир – стоит, не взорванный.

Ульяновы жили точно посередине между кантональной и городской библиотеками, а до Центральной – штелле социальной литературы лишь чуть подальше, и куда ни иди – среднего ходу пять-семь минут. Все они открывались в девять, но сегодня толкнуло уйти из дому минут за сорок: глупо, унижительно убежать от этого лохматого оборванца, племянника Землячки, себя же побережь – не вскипятиться от его нахальных разговоров и тем не испортить себе целого дня.

Объективно говоря, такие фигуры в революционной эмиграции неизбежны – эти неопрятные юноши с блуждающими глазами, недоразвитые, а с апломбом по каждому вопросу, чтоб только иметь мнение. Они вечно голодны, без гроша, брали бы вот зарабатывать перепиской, в Цюрихе совершенно некого посадить за переписку, сколько тревоги было с копией пропавшего „Империализма“, – так нет, у них ни грамоты, ни почерка, а стремятся сразу и только в редакторы! Их постоянная мысль – как бы бесплатно где-нибудь поест. А и это при бюджете Ульяновых тоже недопустимая нагрузка, у лупит два яйца да еще четыре бутерброда. От обедов его твердо отстранили, так стал являться по ранним утрам, всегда под ничтожным предлогом, вернуть или взять книгу, газету, а с расчётом к завтраку. (Сейчас, уходя, сказал Наде: ни в коем случае не кормить, скорей отвыкнет!) Да хоть если бы скромно поел и уходил, нет, считает нужным отблагодарить – фонтаном надёрганных идеек, выяснять

принципиальные вопросы, и всё с нападением и много-знайством.

От таких визитов, от этой улыбочки знания и пре-восходства у сопляка Владимир Ильич с утра делался больным. Вообще всякая неожиданная бытовая неурядица, а особенно несвоевременный незванный гость, бесцельная потеря времени – больше всего изводили и выбивали из рабочего состояния. Обидней всего бесцельно тратить нервы и силу доводов не на конференции, не в брошюре, не в споре с важным партийным противником, а просто так, на губошлёпа, который и не думает серьёзно того, что говорит. Эмигранты считают свои пятаки, а битый день проваландаться – для них не потеря. А Ленин – заболел от одного потерянного часа! И даже встреча, разговор, дело, которые потом осознаются как важные и нужные, – в момент их внезапности, если не были заранее предвидены, вызывают раздражение.

Но есть этика эмиграции, и ты беззащитен против таких посетителей, ты не можешь просто указать им на дверь или не пустить: среди эмигрантов сразу закрутятся сплетни и сильно повредит твоей репутации, ты моментально будешь обвинён в заносчивости, в барстве, в патрицианстве, вождизме, диктатуре... Эмиграция – это злое гнездо, которое всё время шевелится и шипит. И вот приходится этих нахалов, каждого, кто только изволил выехать из России, (а из Сибири ничего не стоит бежать, и все бегут за границу, а тут их содержи за счёт партии) не только принимать, но еще и придумывать им дело. И, смотришь, такая скотина через год действительно становится сотрудником журнала, хотя б тот и вышел всего один раз.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Так же вот и Женечка Бош, природная интри-ганка, – отчего в Россию не едет, ведь собиралась? А здесь ей дела никакого нет, но она выдумывать бу-дет, и чтоб ей выдумывали. Страшное эмигрантское бедствие – выдумывать дело для эмигрантов.

Конечно, начнись революция, – в её широком разливе каждому из этих мальчишек и девчонок най-дётся дело, и даже каждый станет незаменим, и будет их нехватать. Но пока революции нет, тесно, скудно – мальчишки эти невыносимы.

Изматывающее состояние. Уже сколько? Девять лет, как бежали из России от поражения? Шестнад-цать от несчастной первой встречи-стычки с Плева-новым? Двадцать один от неумелого петербургского завала? Это изводящее состояние, когда вытягивает все жилы к действию, когда сдвигал бы горы или континенты, столько накопилось, напряглось, а при-менения силам нет, нет приложения от концов пальцев и к людям, не подчиняются партии, толпы и конти-ненты, но разнохарактерно и бестолково толкуются и кружатся, не зная куда, – а ты один знаешь! – но зря вся твоя энергия, и замыслы зря, перегорают вся сила на убеждение полудесятка молодых швейцарцев в Кегель-клубе. Да хорошо – хоть их, а когда раньше на собрания являлись два швейцарца, два немца, один поляк, один еврей, один русский и сидели анекдоты рассказывали – швах, пигмейство, бросать эту игру!

Уже спустясь на набережную Лиммат, можно бы-ло считать* что племянничек по дороге не встретился, теперь – не застал. И*постепенно уходило защитное предупредительное раздражение.

Серые, но разорванные, с беловатыми боками ту-чи давали дню холодный строгий свет.

Большими цельными стёклами выставлялись на набережную сплошь витрины с наглым показом на сук-нах и бархатах всех изделий безделья – ювелирные, парфюмерные, галантерейные, бельевые, – не знала республика лакеев, как вызывней повыставить свою роскошь, не тронутую войной.

С отвращением отходя от этих золотых, атласных и кружевных выворачиваний – он ненавидел и вещи эти, но еще больше – людей, кто эти вещи любит, – Ленин выждал, пока трамвай пройдёт, перед самым трамваем собака перебежала, уцелела, – перешёл набережную и пошёл вдоль реки.

У фраумюнстерского моста переждал автомобиль, дрожки, велосипедиста с длинной корзиной за пле-чами, – и прямо же перед ним была городская би-блиотека, и сейчас бы туда и зайти, да закрыто.

Дальше – обходить, между библиотекой и водой прохода нет: здание её, бывшей церкви Вассеркирхе, за то и названо было так, что выдвинуто в воду. Еще 400 лет назад решительный Цвингли отобрал её у попов и передал в гражданское пользование.

Вот и сам он стоял впереди реквизированной церкви, на чёрном мраморе в несколько постаментов, со вздёрнутым носом, с книгой и мечом, упёртым между ног. Всегда на него Ленин покашивался с одо-брением. Правда, книга та – библия, а всё-таки для XVI века превосходная решимость, сегодняшним со-циалистам бы подзанять. Отличное сочетание: книга – и меч. Книга, продолженная мечом.

Клаузевиц: война – это политика, где перо сме-нено, наконец, на меч. Всякая политика ведёт к войне, и только в этом её ценность.

В холодный воздух утра от реки еще доливалась влажность. Говорят, никогда не замерзает. Как-то сое-динилось: Россия – зима, эмиграция – всегдашняя беззимность. Переклонился через решётку. Здесь, в расширенном устье, у обоих берегов, наставлено было лодок – мачтовых, безмачтовых, с кабинами или под брезентом, в несколько рядов. Мачты – покачивались.

Кескула жалуется: кто-то из близких к ЦК просто украл деньги, выданные печатать брошюру. Пришлось второй раз давать. Безобразия!

Вода – тёмная, но вполне прозрачная. И видны серые камни дна.

Три стороны войны по Клаузевицу: действия рас-судка достаются правительству,

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
свободная духовная деятельность – полководцам, ненависть – народу.

На аккуратных квадратных камешках набереж-ного тротуара – густо кленовые листья (нарочно не сметают). А на каком-то дереве задержались колючие шишечки-плоды.

Всё дорожает безумно, скоро жить будет не на что. И бумага первая как дорожает! А Шляпников совершенно не умеет потребовать, вырвать денег – от Горького, от Бонча. Надо клещами вытаскивать. Пусть платят, и побольше.

Всю жизнь выручала мама, из семейного фонда – в заграничных поездках, в Петербурге, сколько б ни перетратился, о заработке думать не надо было, в тюрьме мог жить на правильном питании, обойти этапы, не знать пересыльных тюрем, из эмиграции в любую минуту попросить, – как чудом, всегда умела прислать. Но с этого лета – мамы нет, уже никогда не попросишь.

Стая чёрных уток с белыми головками качалась, качалась – вдруг разом взлетела, расплескивая, – перелетела над самой водой – опустилась. И – опять собрались. И поплыли смиренно назад.

Но хотя как будто Клаузевиц и разъяснил самые общие законы всех войн, а вот нельзя понять закона войны, которая идёт. И закона войны, которую надо начать.

Как бы хоть шведам займа не отдавать? Это – Шляпников должен бы Брантингу намекнуть: пред-ставитель России, ему удобней.

Профессиональный революционер должен быть освобождён от обязанности думать, на что жить. Пар-тийная касса должна намного вперёд гарантировать партийную „диету“ для главных членов ЦК.

С большого моста сыпали бургерши уткам хлеб-ное крошево. Утки быстро стягивались, и еще другие: зеленоголовые, с жёлтыми носами. И сизые.

Чтобы печатали в „Летописи“ – надо раскалывать блок махистов с окистами. Там, вокруг Горького, ин-триганы работают против нас.

А две-три утки перепархивают над самой водой, друг за дружкой гоняются, крыльями и ногами воду бурлят.

Ждать от Горького денег – и еще униженно просить этого телёнка архибесхарактерного, чтоб из-винил за выпады против Каутского, угождать ему и выбрасывать – да самые важные и самые сладкие удары во всей книге!

Что хорошо бы – на лодке погрести, погонять. Ни разу не собрались, а ведь говорили. Теперь уж – до весны. В горах – карабканьем и ходьбой, в Цю-рихе – прошагиванием улиц только и разгонял, успо-каивал Ленин это потягивание в себе неприменённых жил. Но оставалось в плечевом поясе, и вот его бы – греблей.

Еще эта пропажа рукописи „Империализма“, по-сланной летом, очень-очень тревожила. Самое зага-дочное, что в ответственном почтовом ведомстве нель-зя найти концов – как кануло! Английская цензура дошла до дикости, французская стала бесстыдна, и не удивляться, если „Империализм“ обратил на себя внимание, и автор его – уже не рядовой эмигрант, каких тут тысячи и на кого полиция внимания не обращает. Может, уже и следят. Может, и сейчас посматривают, на набережной. А – чем он тут дер-жится? Да по первому (ну, по второму) жесту рус-ского или французского послов могут ему учинить военный суд или высылку из Швейцарии, за наруше-ние нейтралитета. Одну только речь в Кегель-клубе по-слушать, с соседнего стола.

Он тянулся, плёлся вдоль решётки, над самой водой, по теченью, в вытертом котелке, истёртом паль-то, как скуднейший цюрихский обыватель, с сумкой клеёнчатой, в какой носят провизию (а у него – тетради, конспекты, вырезки). И, дойдя до большого моста, терпеливо пропускал богатый чей-то фазтон, и медленные четырёхлошадные грузовые возы, и одно-лошадную конку в три больших зеркальных окна, с кучером в униформе на передней площадке.

Оттого приходится черняки опасные сжигать, важ-ные документы хранить у уважаемых швейцар-цев, опять подписываться каким-нибудь Фреем, а в письмах между Цюрихом-Берном-Женовой порой поль-зоваться и химией. Это в нейтральной

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru стране! Как у себя под жандармами... А переписанный второй раз „Империализм“ заделывать в переплёт книги, чтоб дошёл.

Пересек большой мост. Вышел к озеру, на широко-ковымощенную набережную, опять с несметённым на-сыпом кленовых побуревших листьев.

От озера еще шире несло водяным, свеже-холод-ным.

Тут плавали лебеди – белые и сизые. Не плавали – скульптурно сидели на воде. А то, на мелководьи, ныряли по одному: клювом в глубине доставали что-то, а лапами барахтались, и белый задок торчал квер-ху. Потом долго отряхали змеиные шеи.

Слева за спиной, из-за оперного театра, выступало бледное солнце. Но оно было холодное, свет не грел.

А – успокоение от этой воды. От простора. Отсту-пает от груди сжатие. Когда отступает, отпускает – только тут и замечаешь: в каком же сжатии и гонке постоянно живёшь.

Просторное озеро. В разных местах рыбаки стоят на якорях. Во весь тот берег и налево, сколько озеро уходит – продолговатая, пологая лесистая Ютлиберг. Кое-где на ней – белые пятна: был лёгкий снег наверх-ху и задержался, не стоял.

Просторное озеро, напоминает Женевское.

Свежий плеск Женевского озера – на всю жизнь останется. Там пережито самое тяжелое крушение жизни: разбился кумир.

С каким еще молодым восторгом и даже влюб-лённостью ехал он тогда в Швейцарию на первое сви-дание с Плехановым, получить от него корону при-знания. И, посылая дружбу свою вперёд, в письме из Мюнхена – тому, „Волгину“, в первый раз придумал подписаться „Ленин“. Всего-то нужно было – не по-чваниться старику, всего-то нужно было одной вели-

кой реке признать другую и вместе с ней обхватить Россию.

Молодые, полные сил, отбивши ссылку, избежав опасностей, вырвавшись из России – везли им, пожи-лым заслуженным революционерам, проект „Искры“ и журнала, совместной работы, раздуть революцию! Дико вспомнить – еще верил во всеобщее объедине-ние с экономистами, и защищал даже Каутского от Плеханова – анекдот! Так наивно представлялось, что все марксисты – заодно, и могут дружно действовать. Думали: вот радость им везём: мы, молодые, продол-жаем их.

А натолкнулись – на задний расчёт: как удержать власть и командовать. Решительно безразличен ока-зался Плеханову этот проект „Искры“ и раздувание пламени по России – ему только нужно было руково-дить единолично. И для того он хитрил, и представлял Ленина смешным примиренцем, оппортунистом, а себя – каменным революционером. И преподал урок преи-мущества в расколе: кто требует раскола – у того линия всегда твёрже.

Разве забыть когда-нибудь эту ночь в деревушке Везенац – сошли с женевского парохода с Потресовым как высеченные мальчишки, обожжённые, унижен-ные, – и в темноте расхаживали из конца в конец деревни, озлобленно выкрикивали, кипели, стыдились самих себя, – а по ночному небу над озером и над горами ходили молнии, ходили молнии кругом, не раздражаясь в дождь. До того было обидно, что мину-тами хоть расплакаться. И чёртовский холод опускался на сердце.

С той горькой ночи Владимир Ульянов переродил-ся. Только с той ночи и стал как он есть, стал истин-ным собой.

Строго наученный в тот раз, на всю жизнь усвоил Ленин: никому никогда не верить, ни к кому никогда ни мазка сантиментальности.

Кто-то рядом стал чайкам бросать – и они взле-тали с воды, жадно, нетерпеливо кидались, делали круги, хватали налету, кричали, дрались – и уже лезли сюда, на парпет, чуть не в лицо, и к соседям тоже.

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Отмахнулся от одной. Пошёл дальше.

Как прицеплива память к случайным совпадениям, к сентиментальным воспоминаниям. То самое Женевское озеро разделяло их, только оно, еще незнакомых, когда он, входя в силу, принимал делегатов N-го съезда, и каждого старался изучить, прощупать, захватить себе в поддержку, а она – рожала пятого ребёнка, уже от младшего мужа, – и впервые читала незнакомого Ильина „Развитие капитализма“, еще ничего не пред-полагая.

И – пять лет еще прошло, они всё не познакомились, хотя она в Женеве бывала не раз. И в той же Женеве на незабываемой „Даме с камелиями“ пронзила его тоска – первое сомнение о своей жизни. А у неё в Давосе как раз в эти дни умирал муж. И всего через несколько месяцев, в Париже, – она пришла.

Здесь изрядно холодный замечался ветер, и от него шла хмуроватая рябь.

Поставил сумку около набережной решётки, поднял воротник, и стоял так, носом в озеро. Совсем уже холодно. Даже по глупому российскому календарю уже 25 октября, по-европейски 7 ноября. А Инесса всё сидела на даче в Зёренберге и мёрзла там, чтобы простудиться. Или сердить его.

Или наказать.

Даже пропускала ожидаемые сроки писем. Лиша-ла вестей о себе. Не ответит раз, опоздает второй. И уж так выбираешь выражения: конечно, если у вас нет охоты отвечать... или есть охота не отвечать... я надоедать вопросами не буду...

Во всех отношениях, со всеми людьми, Ленин всегда добирал свою высоту, занимал достойную. А здесь – не мог, здесь – не было высоты. Он мог только – скрывать за шутками смущение. Просить.

Научиться бы выдерживать встречное молчание. Ждать, пока ответит. Но это – труднее всего: именно, когда не видишься, особенная потребность писать, делиться! Да и дела же требуют.

Просто бы вот сейчас, не дожидаясь её ответа, написать ей несколько не обидчивых ласковых строк. (Ласковых – нельзя, крылышка ласки нельзя пока-зать, письма военного времени все подцензурные, пишешь как перед полицейским, за казённым столом. Нельзя дать оружия против себя.)

Да, он – зависел от её наказаний. Инесса была единственный человек на земле, от кого он – чувство-вал, признавал свою зависимость. Наименьшую, когда жгла очередная схватка. Наибольшую – когда они бывали вместе.

Нет, – когда не бывали...

Всё, что он в жизни ел, пил, надевал, и всякий кров и обиход – всё это было совсем не для него, хоть даже и не нужно, а лишь как средство поддер-живать себя для дела. И летние месячные отдыхи и горные прогулки, в Карпатах или от Зёренберга на Ротгорн, альпийский вид глазам или на Цюрихберге плитка шоколада, съеденная на откосе в растяжку, или присланные мамой волжские балыки – не были баловством, просто удовольствием для тела, а – спо-собом привести себя в лучшее мозговое рабочее со-стояние, здоровье – сила революционера.

И только встречи с Инессой, когда и деловые, – получались будто просто для него, просто для счаст-ливо-бессмысленного, лёгкого, весёлого, мычащего ка-кого-то состояния, хотя бив сторону отвлекали, и сил лишали, и рассеивали.

Всех мужчин и женщин, которых когда-либо Ле-нин встречал, он примерял только к делу, только по их отношению к делу, – и соразмерно отвечал им: так, как требовало дело, и до того момента, пока оно требовало. Лишь одна Инесса, хоть и вошла в его жизнь через то же дело, иначе быть не могло, ника-кая посторонняя не могла б и приблизиться, – но существовала как будто для него одного, просто для него, существо для существа.

Инесса открывала ему такое, о чём он и думать не мог, не предполагал никогда и прожил бы, не зная. Спорили с ней о „свободе любви“ – и уж какую ясную непробиваемую логическую сетку выставил он против её неопред ел ённостей – не

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru проскользнёшь? Что там! Как эта тёмная вода из озёрного недр сво-бодно вливается и проливается через рыбацью сеть, так и Инесса со своим пониманием „свободной любви“ никак нигде не задерживалась классовым анализом: была остановлена – и проходила свободно, была опровергнута – и непобедима.

Тем и сотрясла она его когда-то, что в мире изме-ренном, оцененном, закономерном, – велела ему пе-реступить и идти за ней, в этом самом мире, а как будто в другом, никогда и не предположенном, и он шёл неуверенным и восхищённым первоклассником, боясь потерять её ведущую руку – и ребячески бла-годарный ей, до синеватых жилок на тонкой ступне, собачье благодарный ей за то, что она это всё ему открыла – и длила, пока милость её была.

Как раз с того направления, с юго-запада, из Зёрен- берга, через морщ осеннего озера, в посвистывании даже ноябрьского ветра – разве вот не прилетало к нему помахивание её милости? колебание прищурен-ных век? узкий просвет зубов?

Зачем наказывала? Зачем не спускалась в Кларан, в тепло? В Зёренберге в прошлом году снег выпал в начале октября. Очень холодно.

Над крышей театра с рассыпанной по ней мифо-логией, фигурами трубатыми и крылатыми, вдруг про-ступило солнце в полную силу – такое холодное здесь, и оранжеватое там, на вершине Ютлиберг, ку-да уже набежало оно, а внизу, где громоздились зда-ния и зеленовато-серый купол с колокольней, остава-лось пасмурно.

Счастливые дни – лонжюмовские, брюссельские, копенгагенские, краковские... Да и в Берне. Счастли-вые годы. Семь лет.

Пяти минут не умея провести впустую, чтобы не раздражиться, не отяготиться бездельем, – с Инессой он проводил и по многу часов подряд. И не презирал себя за то, не спешил отряхнуться, но вполне отдавал-ся этой слабости. И вот высшая степень: когда всё без исключения доверяешь ей, когда хочется ей всё расска-зывать – больше, чем любому мужчине. Живость отклика её и живость совета! – как не хватает их эти пол года. С апреля. С Кинталя...

Что-то сломалось в Кинтале? Он не заметил тогда.

Из Берна уехать было необходимо: там домини-ровало влияние Гримма, никогда бы не собрать круга единомышленников. Это был правильный отъезд. Но, уезжая, отчего бы можно было подумать, что больше они не будут встречаться?

В Кинтале это было незаметно. В Кинтале был такой замечательный шестидневный бой!

Единственный человек, которого обидеть непопра-вимо: можно потерять навсегда. Это соотношение, не пережитое ни с кем, ставит даже в смешные положе-ния. Считаться с её несчастной страстью писать теоре-тические статьи. В критике их не говорить прямо, как думаешь, а выражаться очень осторожно, иногда и лгать: что ж я могу иметь против помещения твоей статьи? я, конечно, за, – а уж потом подставлять внешнюю причину, которая помешала. Упрёки ей и даже политические поправки сводить по мягкости поч-ти до похвал. Терпеть её самовольство с переводами: она вдруг не переводит ленинский текст, но – исправ-ляет смысл! но – цензурует даже: какая мысль ей не нравится – выбрасывает! Кому ж это можно по-зволить? А её – только мягко, предупредительно уп-рекнуть. В предупредительности к ней – заискивать. Написал ей длинное обычного – сразу оговориться: я, кажется, наболтал с три короба?..

Но даже и заискивание перед ней – не униже-ние. Ничто не унижение перед ней.

Она вот как может наказывать, не писать. Не отве-чать.

А если упрётся, что чего-нибудь не сделает – не уговоришь.

Отошёл белый пароход от пристани и нагнал сюда волны. На волнах раскачивались два немёрзнувших белых лебедя, изогнутые шеями как застыло, навсегда.

Холодно. Взял сумку, пошёл дальше вдоль ре-шётки.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Насколько подле Инессы он даже волю свою вы-вихивал, настолько в отдалении мог достигнуть почти полной от неё свободы.

В строго точном свете переменного пасмурно-сол-нечного осеннего утра над холодным озером.

Сколько помнил себя, столько знал он в себе существование защитной пружины. От неудач, от по-терянного времени, от проявленной слабости – она сжимается, сжимается – и вдруг отдаёт, швыряет в деятельность с такою силой, которой ничто уже сопротивляться не может.

Сэкономив на бездельных нежностях, не даёшь застаиваться делу.

В отдалении – к нему возвращалась осмотри-тельность. Осмотрительность не разрешала ко всем напряжениям его жизни добавить еще. Соединиться с Инессой навсегда? – не была бы жизнь, а сума-тоха. Слишком она разнообразна, отдельна, отвлека-тельна. Да еще ведь и дети, совсем чужая жизнь. Еще на этих детей уклонять, удлинять свой путь – он никак бы не мог, права не имел.

Жить с Надей – наилучший вариант, и он его правильно нашёл когда-то. Была Якубова и живеи, и лицом милей, – но не помогала бы так никогда. Мало сказать единомышленница, Надя и по третьестепен-ному поводу не думала, не чувствовала никогда иначе, чем он. Она знала, как весь мир тербит, треплет, раз-дражает нервы Ильича, и сама не только не раздра-жала, но смягчала, берегла, принимала на себя. На всякий его излом и вспышку она оказывалась той же по излому, но – встречной формы, но – мягко. И как переимчива! Был Радек мерзавцем – она была с ним суха и каменна, на порог не пускала, если являлся под предлогом; стал Радек отличным партий-ным товарищем, дружным союзником – и как же приветлива и радостна с ним. Она не готовится к это-му, не вырабатывает, тогда б и ошибиться можно, – но чувствует за Ильича с постоянной верностью. Жизнь с нею не требует перетраты нервов.

Инесса и не бережлива, что тоже не пустяк, не умеет вести разумного скромного образа жизни, чуда-честует нередко. Вдруг возьмёт да модно оденется. Надя же – в методичности, в бережливости не имеет равных. Она действительно нутром понимает, убеж-дать её не надо, что каждый лишний свободный франк – это лишняя длительность мысли и работы. А еще, что так редко для женщины, никогда не пробалтывает-ся, не хвастает, не выносит из дому ни словечка, о чём предупреждено ей не говорить. Да и сама верно знает, где молчать.

И перед всем этим было бы непристойно револю-ционеру стесняться на людях, что жена некрасива, или ума не выдающегося, или старше его на год. Для внешнего успеха требуется наименьшее внутрен-нее разделение, наименьшее отвлечение в сторону, наибольшая плотность усилий, ведущих к цели. Для существования Ленина как политической личности союз с Крупской вполне достаточен и разумен.

Правда, всё втроём, втроём – в лесу ли бернском, сойдясь из соседних улиц; на горных прогулках у Зёренберга по альпийские розы или грибы (только в дальние спальные хижины иногда с Инессой вдвоём);

у пансиона в тени над книжками сидя – он и Надя, а Инесса – у рояля часами; или на тёплом горном откосе на пнях – он и Надя постоянно с книгами, а Инесса – просто изогнувшись, нежась на весеннем солнце, как девчонка среди старших; наконец, и дол-гие те часы, когда он рассказывал обеим женщинам о своих идеях, планах, будущих статьях, – сколько раз приходилось вбирать в один взгляд несравнимое и даже удивиться, не поверить неправдоподобности, не-возможности: чтобы так держалось годами – а ведь держалось! Если кому писала Надя длинные подроб-ные дружеские письма – то именно Инессе. Если о ком говорила всем окружающим, всем товарищам с неутомимой похвалой – то об Инессе. И только в письмах Володиной матери (уж Надина-то видела всё), в письмах свекрови, описывая весь их с Володей быт и все прогулки, – единственно в этих письмах писала так, будто они всегда вдвоём. Очень тактично.

А тут и умерли матери одна за другой: Елизавета Васильевна – после инфлюэнцы прошлой весной в Берне, Мария Александровна – этим летом в Петер-бурге. В горный пансион их, около Флюмса, почта была – вьючными осликами, и так с опозданием при-несли телеграмму о смерти – как раз во вторую го-довщину войны, в день Швейцарского Союза – один из бесчисленных суматошных здешних праздников, когда

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru на всех вершинах зажигают костры, пускают ракеты и стреляют. Сидели вечером, смотрели на эти костры, под эти салюты и проводили мать. Да пожа-луй и легче так, когда издали.

Если обоим под пятьдесят. И вот умирают матери обе, от чего становитесь вы еще старей. Дружней. И – революционеры оба. То, пожалуй, и...

Наискось по озеру, как раз оттуда, со стороны Зёренберга, шла моторная лодка – быстро, вскинув нос, распахивая воду, за собой покидая треугольное поле пены и металлическим стуком разбивая тиши-ну.

Что-то было в ней! – неслась и распахивала, от-туда прямо сюда неслась и распахивала, разрежала, и нос выставляла безжалостный – прервала размыш-ления, ход мысли резким стуком – и мысль переско-чила – и через весь социальный анализ, через все аргументы – просто-просто-просто, как не виделось до сих пор почему-то:

так ведь если свободную любовь отстаивать теоре-тически, не дать себя убедить, – отчего ж её не осу-ществлять?..

Все-все пункты буржуазно-пролетарских отноше-ний он осмотрел, предвидел и перечислил ей, – и только одно вот это упустил: если после Кинтале они не виделись, – а так близко! – и она пол года не едет, и его не зовёт, и вот уже почти не пишет –

так она это лето... с кем-нибудь?..

Почему ж он всё время представлял, никак иначе не думал, что она – одна?..

По эту сторону еще было солнце блеклое, но с той стороны через Ютлиберг переваливали, перевали-вали быстро густые сизые тучи – и пёрли вниз тума-ном. Быстро заволакивало гору, склон, колокольню и подбиралось к тому берегу Цюриха.

Да как же просто..? И почему он – все стороны охватил, обдумал – только не эту?..

Да быть не может! Товарищ и друг! Как славно бились в Кинтале с центристами?..

За холодную решётку схватился руками – через решётку, через озеро, через Ютлиберг, через все-все горы, какие по дороге – завывать: Инесса! Не остав-ляй! И-несса!..

Написать, сейчас, не стыдясь унижения, что-ни-будь, – только вызвать ответ. Да ведь и почтамт открыт, прежде библиотечного часа – ах, не догадал-ся! почтамт открыт с восьми, надо было пойти и на-писать! А теперь уже поздно.

А теперь уже поздно: лупили, лупили в колокола как бешеные, как дурные! – по всему городу будто железо ремонтировали. Долбали колокола Фраумюн-стера над почтамтом, долбал двойной Гросс-Мюнстер, выше вывесок на всех этажах Бель-Вю, – да сколько еще церквей по Цюриху!

Туман и туча с той стороны озера накатились уже и на эту сторону, стало пасмурно.

Закоченевшими пальцами вытащил из жилетного кармана часы – ну да, раз колотят в свои вёдра – значит девять, десятый. И на почтамте не был, и время упустил, и зашёл далеко – теперь и самым гонким ходом он намного опаздывал к открытию кантональ-ной. Плохо начал день. Хотел хорошо, начал пло-хо.

Ладно уж, письмо потом, надо работать.

Пошёл как покатил – широкий, невысокий, почти не уворачиваясь от встречных. Городская была вот она, рядом, можно и сюда, но журналы и книги к сегодняшней работе отложены в кантональной. Гнал и гнал по мерзкой буржуазной набережной, где выпа-хивались из дверей гастрономические и кондитерские запахи, щекотать пресыщенных, где изворачивались предложить двадцать первый вид ветчины и сто пер-вый сорт печенья. Мелькали витрины шоколадов, Та-баков, сервизов, часов, античности... На этой чистень-кой набережной так трудно вообразить будущую

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru тол-пу с топорами и факелами, дробящую эти стёкла в дребезг.

А – надо!

Всё тут слишком устоялось и вжилось – дома, двери, звонки, запоры на дверях.

А – надо!

Колотили в колокола со всех концов города – бешено и мертво.

С почти пролетарской решимостью и здесь раз-махнулся Цвингли: на Церингер-плац Проповедничес-кую церковь рассек пополам между шпилей, показы-вая нам пример, и вот в половине её который век – библиотека. Доставляло особенное удовольствие, что обе главные библиотеки Цюриха торжествовали над религией.

Вошёл в тишину. Девять узких окон с угло-оваль-ными верхами подымались на высоту пяти-шести эта-жей. Еще выше, в недостижимой высоте, угло-оваль-ные стрелы сводов сходились по несколько в узлы.

Но вся эта высота пропадала почти впустую: толь-ко два этажа деревянных хоров прилеплены были по стенам. В простенках же и между книжных шкафов навешаны были многочисленные тёмные портреты – в камзолах и жабо надутые городские советники и бургомистры, ни разглядывать их, ни подписи про-честь никогда не оставалось времени.

Еще из тяжёлых дверей Ленин увидел, что его любимое место на хорах у центрального окна и еще другое удобное – оба уже заняты. Опоздал. Несклад-но начался день.

Расписался в книге посетителей, – а дежур-но-улыбчивый библиотекарь в очках, недоумеая, ни-как не мог найти одной из трёх отложенных стопок.

Одна мелкая досада, наворачиваясь на другую, могут украсть часы работы.

Удача или неудача рабочего дня зависит иногда от мельчайших мелочей, как начнёшь. Вот – опоздал. А у них до перерыва и полудня нет, всего три часа, и их теперь нет.

„Империализм" был уже давно отработан по двад-цати тетрадям, и написан, и потерян, и переписан – а еще стопку на ту же тему Ленин брал. Как будто нужно было что-то еще. А будто и не нужно. Все

выводы книги были Ленину ясны еще и до двадцати тетрадей. Последнее время так обострилось предви-дение – он видел выводы своих книг исключительно рано, еще не садясь их писать.

Самые сладкие удары во всей книге – и снять их? Мерзкий гнусный святочный дед! Более гадкого подлого лицемера не бывало во всей мировой социал- демократии!

Стопка не находилась – по Персии. Он уже начал делать выписки по Персии. Восточное направление ни у кого не продумано, а его надо готовить.

Ладно, по Каутскому удары не пропадут – в дру-гом месте где-нибудь вставим.

А еще он готовил, писал подробные важные тези-сы для швейцарских левых – методически исправлять, чего не добились на съезде. Но это даже удобнее было в Центральштелле, а не здесь.

Да нет, она всё время помогает и переводит. Вот спустится в Кларан – может приедет. Почему надо думать плохо? Это неправильная была мысль.

А еще пришёл он с ощущением недоделанности, недосмотренности статьи против разоружения. Она уже написана (ив сумке тут была), но что-то цара-пало по памяти. Все главные мысли были на месте: разоружение – требование отчаяния; разоружение – это отречение от всякой мысли о революции; тот не социалист, кто ждёт социализма помимо революции и диктатуры; в будущей гражданской войне у нас будут воевать и женщины и дети с 13 лет. Всё верно, но оставалось чувство, что где-то есть не вполне защи-щённые фразы. А надо быть архиосторожным, никогда не

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru допустить цитирования против себя – ко всем опасным фразам пристраивать оборонительные при-даточные предложения, все фразы должны быть во всех боках защищены, оговорены и противовешены – чтоб никто не мог выбрать незащищённую.

Итак, можно было (и даже он начал) просматри-вать. Да вот и сразу, написано в пылу: „Мы поддер-живаем применение насилия массой". Накинутся! При-строить: „...массой – против её угнетателей".

Впрочем, это можно и не в библиотеке, время ухо-дит.

Стал смотреть тезисы для левых швейцарцев. Тут еще много было работы. Нужно детально-детально им всё разжевать: листовки – кому разносить по домам? беднейшим крестьянам и батракам. Какие сельхоз-участки подлежат принудительному отчуждению? Ска-жем, свыше 15 гектар. После какого срока пребыва-ния требовать для иностранца швейцарского поддан-ства? Скажем – через три месяца, и важно, чтобы без всякой уплаты. Что значит „революционно высо-кие ставки налогов"? Общие слова, надо составить им конкретную таблицу: на имущество свыше 20 тысяч франков, свыше 50 тысяч – какой процент? и как облагать гостей пансионеров? Тоже написать им кон-кретную шкалу, ведь ни у кого никогда не доходят руки до конкретности: если платит 5 франков в день – это наш брат, один процент, а если платит 10 франков – с этого сразу 20 процентов...

А из груди так и поднимается, стоит изжогой, последняя подлость Гримма и Грёйлиха. Ах, поганые оппортунисты, подлейшие мерзавцы, ну, подождите, мы вас пристегнём к позорному столбу!

Что-то всё раздражения лезли, сбивали. Так бы-вает: им дашь разойтись – и невозможно сосредото-читься, невозможно работать по системе, даже на стуле усидеть.

А еще не улёгся, сколько сил отобрал и до сих пор мешает работать этот иступлённый недоспоренный спор с „японцами". Уже было написано несколько статей и две дюжины писем, и конфликт как будто преодолён – а вот не подавлен до конца!

Никогда не удаётся все усилия собрать только в одном главном направлении, всегда открываются противники на побочных, сейчас как будто бы совсем не важных, но неважных не бывает, наступит момент, когда и эти побочные направления станут главными,

– и приходится теперь же оборачиваться и с полной энергией огрызаться на эти побочные укусы. Не „япон-цы" одни (Пятаков со своей Бошихой, с тех пор как бежали из Сибири через Японию), с ними и Бухарин. Не имея ни капли мозгов, доводили себя вместе с Радеком до групповой глупости, до верха глупизма – то на „империалистическом экономизме", то на само-определении наций, то на демократии. Все эти моло-дые поросята, новое партийное поколение, очень само-довольны, самоуверены и готовы брать руководство хоть сегодня, а срываются и срываются на любом пово-роте любого вопроса, ни у кого нет готовной гибкости

– на этих поворотах мгновенно, предусмотрительно иногда брать где влево, а где вправо, заранее предвидя, куда угрожает ссунуть извилистая дорога революции.

Так и с демократией. У Бухарина примитивная молодая недооценка её. Открыто пишет: в период взя-тия власти придётся отказаться от демократии. А – нет! Вообще социалистическая революция невозмож-на без борьбы за демократию, и поросяткам это надо зарубить на розовом носу. Но, конечно, не терять из виду: в конкретной обстановке, в известном смы-сле, для известного периода. А наступит и такой пе-риод, что всякие демократические цели способны толь-ко затормозить социалистическую революцию. (Это – подчеркнуть двумя чертами!) Например, если движе-ние уже разгорелось, революция уже началась, надо брать банки – а нас позовут: подожди, сна-чала узаконь республику!?

Разъяснял им Ленин по многу страниц – нет, воротили носы прочь! А пришлось так долго возиться с такими склочниками и интриганами потому, что у „японцев" были деньги на журнал, без них не начали бы „Коммуниста". Но и союз с ними имел смысл лишь пока у Ленина было большинство в редакции, а дать равенство глупцам? – никогда! к дьяволу! идиотизм и порча всей работы! лучше ошельмовать дурачков перед всем светом. Не хотели мирного исхода – на-бьем вам морду!

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
С Бухариным не дошёл до публичности, объяснил-ся в письмах. А перед его отъездом такая злость на него взяла – не ответил ему. Теперь в Америку поехал

– небось, обиделся.

В глубине признаться – он очень умён. Но раз-дражает постоянным сопротивлением.

Всякая оппозиция всегда раздражает, особенно – в теоретических вопросах, от которых – претензия на руководство.

Но уж Радека, Радека, говённую душу, было очень полезно высечь для общей наглядности. Верх подлости Радека в том, что он исподтишка натравливал поросят, а сам прятался за циммервальдскую левую. (Да и в Кинтале пытался поссорить Ленина со всеми левыми, а с Розой и поссорил.) Радек держится в политике как наглый нахальный тышкинский торгаш, исконная политика швали и сволочи! За то, как он выпер Лени-на и Зиновьева из редакции „Vorbote“ – вообще бьют по морде или отворачиваются. Кто прощает такие вещи в политике – того считают дурачком или не-годяем.

В данном случае правильно было – отвернуться. Тем более, что разногласия с Радеком – не всеобщие, а только в русско-польских делах. А по делам швей-царским Радеку выхода нет, как идти против Гримма, он вынужден примкнуть союзником, да каким!

Но в этой истории сподличал и Зиновьев, предла-гал уступить „японцам“. Так шатаются все, нельзя на самых близких положиться.

Чтобы покончить эти все бухаринские выверты – необходимо было перенести спор также и в саму Рос-сию и добить „японцев“ на русской почве. Об этом велено Шляпникову. Но Шляпников и сам путаник, особенно его Коллонтайша. (Кстати, не забыть: хоро-шо бы подсунуть её на скандинавскую конференцию нейтралов, ну, хотя бы переводчицей при делегате,

– и так вынюхать планы нейтралов!)

Да сколько их, псевдосоциалистических путани-ков во всех странах, и воюющих, и нейтральных, и у нас. А разве лучше Троцкий с его благоглупостями – „ни победителей, ни побеждённых“? Вздор какой. Нет это сбор дешёвой популярности, а ты попробуй, чтоб царизм был всё-таки побеждён, не дай ему вырваться из этой свалки! Нельзя быть „против всякой войны“, социалист перестаёт быть социалистом.

Где сейчас Шляпников – неизвестно: еще ли в Стокгольме? или уже в Россию поехал? До Швеции письма проходят с оказиями, через Кескулу и его лю-дей, – а дальше Швеции? Там вообще темнота, регу-лярности никакой. У Шляпникова на всё вечные за-держки, в Россию ездит редко, каждый раз подолгу, очень неповоротливый. А скажешь ему – обижается. А если б не ездил – так и никого нет. Так что для придания важности пришлось кооптировать его в ЦК.

Тут подошёл к столу Ленина библиотекарь и, то-потом извиняясь и прикланиваясь в извинение, поло-жил ему стопку о Персии.

Спасибо! Каких-нибудь полчаса до перерыва, так теперь Персия! А что ж, взяться и за неё?

Конечно, до ЦК он никак не дорос, по развитию – не Малиновский. Но место его – занял, от звания „член ЦК“, „председатель Русского Бюро“ голова кру-жится, вошёл во вкус. То лезет в международные пе-реговоры с социалистами, оттирая Литвинова. То с дурацкими советами чуть не в каждом письме: почему не переезжаете в Швецию? Самоуверен надоедно, а отрезать нельзя, реальное действующее лицо, прихо-дится отвечать ему и даже по форме с почтением.

Что-то плохо вработывался. Слишком кипел мозг, не мог сосредоточиться, не уходил в медлительную феодальную персидскую экономику.

Ах, Малиновский, Малиновский! Несостоявшийся русский Бебель. Как работал! Как обращался с мас-сами! Что это был за тип, за лицо! – самозарождён- ный рабочий вожак, собранный символ российского пролетариата. Именно такого рабочего вождя и не хва-тало Ленину в партии – под правую руку, в дополне-ние, чтоб идеи

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru приводит в массовое действие. За то и любил его Ленин, что так он влился на предназна-ченное место, и всегда с такой готовностью, никогда не оспаривая – но как ярко и сильно выполнял! По буржуазным понятиям было у него так называемое уголовное прошлое – несколько краж – но это толь-ко оттеняло его пролетарскую непримиримость к соб-ственности, да и яркость натуры. И хотя чересчур подозрительные товарищи стали клепать на него – Ленин только утверждался в доверии: представить его провокатором? – невозможно! (да и сейчас невоз-можно.) Какие зажигательные речи произносил в Ду-ме, как маневренно раскололся с меньшевиками во фракции. Не только самого его с радостью включил Ленин в ЦК, но довольно было Малиновскому кого-нибудь посоветовать, там Сталина, – включал и того. Когда жили в Поронине, не было из России приятнее гостя, чем Малиновский. Кроме последней страшной майской ночи, когда вдруг появился он после своего самовольного внезапного ухода из Думы – но ведь появился же, не сбежал! если б он не был чист –: неужели бы смел появиться?.. И целую ночь это объ-яснение шло. Доказать против Малиновского всё рав-но было нельзя (да и – полезно ли?). кто может поверить этой глупой версии, что охранка сама сочла „неудобным" иметь осведомителя в лучших думских ораторах – и велела ему уйти? Вздор какой, что ж охранка – глупая, сама против себя?.. Собрали с ку-бой и Гришкой как бы партийный суд – и оправдали Романа Малиновского. И за верность его поручились перед Международным Социалистическим Бюро.

Однако, расстались пока, тихо. По личным при-чинам.

Такого помощника у Ленина уже не будет!.. шляп-ников? не-ет.

А тут – перерыв наседал. И когда они проголода- ваться успевают, швейцарцы, в 12 часов уже подавай им обедать?

Впрочем, замечал Ленин, что сегодняшней би-блиотекарь не всегда ходит обедать. Подошёл к нему, спросил. Не пойдёт. А нельзя в перерыв остаться? Можно.

Вот это удача. Не столько того обеда, сколько рассеяния. На пустой желудок лучше работается. И лишний час.

Теперь можно было заниматься, не торопясь. А даже вот что лучше – сейчас уже запастись газетами. Экономя деньги, Ленин ни одной не покупал и не подписывался, да их тридцать-сорок надо читать, все „Arbeiter-" и все „-Stimme".

Набрал, какие есть, принёс на стол.

Чтение газет – из главных ежедневных работ, это вход в жизнь мира. Чтение газет настраивает к ответственности, к упорству и к бою, даёт живое ощу-щение врагов. Рассыпанные по всему миру социалис-ты, социал-патриоты и центристы, не говоря уже о всех буржуазных ослах, все как будто сталпливаются вокруг тебя в читальном зале, и размахивают руками, гудят, кричат каждый своё, а ты выхватываешь – и отражаешь, замечаешь слабые места – и тут же бьёшь по ним. Читать газеты – значит, и конспектировать их. По аналогии, по ассоциации, по противоположности, по несоединимости и вовсе по непонятной связи высе-каются и высекаются искры мыслей, разлетаются под углами вправо, влево, на отдельные бумажки, в ли-нейчатые строки тетрадей и на свободные поля, и каждую мысль, пока не погасла, надо успеть огненной нитью вплести в бумагу, чтобы тлеть ей там и ждать своего часа, иную – в конспект, иную – сразу в письмо, начатое тут же, чтобы не терять горячего дви-жения фразы. Одни мысли – для выяснения самому себе, другие – для спора, укола, удара, третьи – как лучшая форма разжевать и архиразжевать для глу-пеньких, четвёртые – для теоретической спевки, осо-бенно с теми, кто удалён и даже в России.

Вандервельде и Брантинг, Гюисманс и Жуо, Пле-ханов и Потресов, Ледебур и Гаазе, Бауэр и Берн-штейн, два Адлера, даже Паннекук и Роланд Гольст, – всех их Ленин ощущал как своих достигаемых раз-дражающих оппонентов, где б они ни гнездились – в Голландии, Англии, Франции, Скандинавии, Австрии или Петербурге, – ощущал их на дистанции видимо-сти, на слышимости голоса, он связан был с ними со всеми единым пульсирующим нервным узлом – во сне и в бодрствовании, за чтением, за едой и на про-гулке.

А читателей – уже и не было, уже оказывается наступил перерыв. Библиотекарь ушёл за стеклянную дверь в глубину хранилища. Лампочки на всех столах погасли, храм-читальня грандиозно высился в полу-серости и гробовой тишине. И пользуясь

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru необычным этим случаем, еще и еще разряжаясь от избыточной натяжки нервов, Ленин взялся быстро ходить по прямой, по самой длинной центральной прямой здесь – от входной двери под деревянной галереей – до двух поперечных каменных длинных ступенек, перед бывшим алтарём. Получалось шагов пятьдесят, не перегороженных ни полками, ни столами.

Вся проходка его бывала на улицах и в горах, а жил он всегда в комнатках тесных, маленьких, не расходишься. Теперь в этом быстром наступающем хождении, шагом охотника, расталкивая, расталкивая Гильфердингов, Мартовых, Грейлихов, Лонге, Прессманов и Чхеидзе, не давая им фразы высказать связно, тут же обрывая, отсекая, ставя на место и рассеивая их, именно в этом колебании бешеного маятника – он отбивался, отбивался от врагов.

Освобождался от врагов.

И всё больше был готов к методической работе.

И пришёл момент – на полупроходке ощутилось: довольно!

И сел работать.

Неправильная эта мысль об Инессе. Нет оснований так думать.

Нет! Не за тем столом сидел. Теперь это всё – книги, газеты, тетради, перенести на хоры, за свой привычный стол. В два приёма пришлось нести.

Слегка поскрипывали ступени в готической серой тишине.

И что-то вдруг устал-устал. Как свалился в свой стул.

В голове как-то...

А голода от пропущенного обеда не ощущал никого. Ему – можно было и мало есть, в нём энергия вырабатывалась почти и без еды.

У самого окна, без лампы пока. Но день сумрачный.

Читал газеты. Читал – об общем военном положении. И было безрадостно.

Ну, не так плохо, как в августе, страшный момент, когда внезапно выступила свежая Румыния, гигантски укрепив союзников, и казалось – теперь Россия вывернется. Но нашлась в Германии сила разбить и Румынию как бы мимоходом, это изумительно, этого нельзя было предсказать два месяца назад. А тем не менее, также вопреки всем предвидениям, Германия не выигрывала целой европейской войны. На Западном фронте закупорилось прочно и безнадежно. И на Востоке – вот поразительно, и на Востоке никакой победы не принёс шестнадцатый год. Год назад был царизм уже сотрясён, уже почти повергнут – а вот опять стоял и не уступил ничего! Величайшая надежда, величайшая победа – растеклась, расплылась, ушла.

В одном местечке, всего в одном местечке головы, около левого виска, образовалась как бы пустота. Плохо. Перевозбудился.

И все народы даже от третьего года такой кровавой войны – не видно, чтобы просыпались. Но, как всегда, безнадежнее всех – русский народ. Именно он нес главные обильные потери, именно русские тела штабелями наваливались против немецкой организации и техники. О Восточном фронте вообще пишут невнятно, неточно, корреспондентов там нет, знают мало и интересуются мало, да пресса Антанты и стыдится такого союзника, стараются меньше писать, но часто приводят цифры потерь. Эти цифры русских потерь всякий раз находил и ногтём отмечал Ленин – с удовлетворением и удивлением. Чем крупнее были цифры, тем радостней: все эти убитые, раненые и пленные вываливались как колья из самодержавного частоккола и ослабляли монархию. Но и эти же цифры приводили в отчаяние, что нет на Земле народа покорней и бессмысленней русского. Границ его терпению не существует. Любую пакость, любую мерзость он слопает и будет благодарить и почитать родного благодетеля.

Или свет зажечь? как будто буквы поплыли.

Невоспламеняемые русские дрова! Отошли в исто-рию лучшие костры – соляные, холерные, медные, разинский, пугачёвский. Разве только на захват сосед-него поместья, всем видимого и известного, а то ведь никакой пролетариат и никакие профессиональные ре-волюционеры никогда не раскачают чёрную мужиц-кую массу. Развращённая, расслабленная правосла-вием, она как будто потеряла страсть к топору и огню. Если уж такую войну перенести и не взбунто-ваться – куда годен этот народ?

Проиграно. Не будет в России революции.

Закрыв глаза ладонями и сидел так.

Внутри – как будто обвисало. То ли от устало-сти, то ли от тоскй.

Читатели уже собираются. Стулом двинули. Книга упала. Лампочки зажигают.

А может случиться и еще хуже: царизм уже вы-бирается из капкана? Через сепаратный мир?? (Подчеркнуть тремя чертами.) И Германии, когда она не может выиграть войны на двух фронтах – что остаётся ?

Вот – страшно. Вот – не может быть хуже чего. Тогда проиграно – всё. И мировая революция. И ре-волюция в России. И – вся жизнь Ленина, все усилия двух десятилетий.

Такое сообщение – о подготовке сепаратного ми-ра, о тайных переговорах, уже официально идущих между Германией и Россией, и что в главном обе дер-жавы уже столковались, – недавно напечатала газе-та Гримма „Бернер тагвахт“. Подпись была – К.Р. Не надо спрашивать плута Радека, чтоб догадаться, что это – он. (Но как мог Гримма убедить!) И доста-точно зная его шипучую находчивость, можно дога-даться, что он не подслушал разговора 'дипломатов, не подглядел тайных бумаг, и даже слушка такого не подхватил нигде, а, залежавшись на полдня в постели, газеты на одеяле, газеты под одеялом и книги под кроватью, он иногда сочиняет что-нибудь такое „от нашего собственного корреспондента“ из Норвегии или Аргентины.

Но не в том дело, как родилось именно это сооб-щение. И не в том, что русский посол в Берне опро-вергает – а что ж ему иначе?.. Дело – в пронзитель-ной верности: для царя это действительно верный выход! Именно так и надо! Именно так и сделал бы Ленин на его месте!

И поэтому надо – ударить! Еще ударить в это место! Бить тревогу! Остановить! Предупредить! Не дать ему вытащить из капкана все лапы целыми! •

Конечно, от Николая II и его правительства сле-дует ждать всего самого глупого. Ведь и этой войны нельзя было ждать от них, если б сколько-нибудь были разумны -г- а начали! „а – сделали нам такой подарок!

Так что, может быть, и сейчас еще можно их на-пугать разглаской – и отвратить?

Сепаратный мир! Конечно, исключительно ловкий выход. Но всё-таки: не по их уму.

А всё равно уже: в России ничего не сделать. Кто там читает „Социал-Демократа“ ? А за Милюковыми и Шингарёвыми все следят. В России слышно – одних кадетов. И вон как встречали делегацию их на Западе. Царь додумается, потеснится немножко, уступит ми-нистерства Гучкову да кадетам – и уж тогда их сов-сем не возьмёшь, не пробьёшь.

И что ж можно вымесить из российского кислого теста! И зачем он родился в этой рогожной стране?! Из-за того, что четверть крови в тебе русская, из-за этой четвертушки привязала судьба к дрянной рос-сийской колымаге! Четвертушкой крови, но ни харак-тером, ни волей, ни склонностями нисколько он не состоял в родне с этой разляпистой, растяпистой, веч-но пьяной страной. Ничего не знал Ленин противнее русского амикошонства, этих трактирных слёз раска-яния, этих рыданий якобы загубленных натур. Ленин был – струна, Ленин был – стрела. Ленин с первого полузгляда оценивал дело, обстоятельства и верное и даже единственное средство к цели. И что ж его связывало с этой страной? Да не хуже, чем этим полу-татарским языком, он овладел бы и тремя европейски-ми, потрудясь больше. С

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Россией – двадцать лет конкретных революционных связей? Ну, только вот они. Но сейчас, после создания Циммервальдской ле-вой, он уже достаточно известен в мировой социали-стической сфере и может перешагнуть туда. Социа-лизм – безнационален. Вот уехал Троцкий в Америку – правильный выбор. И туда же Бухарин. Наверно и надо, в Америку.

Нет, что-то сегодня не то в нём самом. Не так день начался, не так завертелся. Как будто тело его, самый корпус, грудь не успевали за быстрой головной прора-боткой – и у левого виска была пустотка, и какое-то дупло усталости проявилось в нутре, – и вся оболоч-ка тела как будто стала оседать по дуплу.

Многое сошлось сразу, и вдруг он ощутил, что не вытянет сегодня хорошего рабочего дня, но катится под гору раздёрванный, неудачный, даже тоскливый.

Вообще, политик – это тот, кто совсем не зави-сит от возраста, от чувств, от обстоятельств, в ком во всякое время года и дня есть постоянная машинность – к действиям, к речам, к борьбе. И у Ленина есть эта отличная бесперебойная машинность, неиссяка-ющий напор, – но даже у него раза два в год выдава-лась дни, когда этот напор опадал – до уныния, до изнеможения, до прострации. И такие дни уже до вечера нельзя исправить, только раньше лечь и крепко спать.

Кажется отлично владел Ленин своей головой, своей волей – но против этих накатов безнадежности был бессилён даже он. Безусловная истина, твёрдая перспектива, проверенная расстановка сил* – вдруг начинало всё оплывать, сереть, сползать, всё оборачивалось к нему серым тупым задом.

А внутри сидящая, вечно сторожащая болезнь, вдруг выпирала углами, как камень из мешка.

К виску выпирала.

Да. Всегда он шёл путём неприятия компромис-сов, несглаживания разногласий – и так создавал по-беждающую силу. Уверен был, предчувствовал, что – побеждающую. Что важно сохранить как угодно ма-лую группу и из кого угодно, но – централизованную строго. Примиренчество и объединенчество уже давно показало себя как гибель рабочей партии. Примирять-ся – с разоруженцами? примиряться с нашесловца- ми? примиряться с русскими каутскианцами? с мер-завцами из меньшевистского ОК? идти в лакеи к со-циал-шовинистам? обниматься с социалистическими 'Иванушками? Нет, к чёрту! – малое меньшинство, но твёрдое, верное, своё!

Однако; постепенно он оказывался почти в оди-ночестве, преданный и покинутый – а всяческие объ- единенцы или разоруженцы, ликвидаторы или обо-ронцы, шовинисты или безгосударственники, помой-ные литераторы и вся паршивая перемётная обыва-тельская сволочь – все собирались где-то там тесным комом. И до того иногда доходило его меньшинство, что и вовсе никого вокруг уже не оставалось, как в тоскливом одиноком 908-м, после всех поражений – тоже здесь, в Швейцарии, самый страшный тяжёлый год. Интеллигенция панически покидала большевист-ские ряды – тем лучше, по крайней мере партия освобождалась от мелкобуржуазной нечисти. Среди этой мерзкой интеллигентщины Ленин чувствовал себя особенно униженно, ничтожно, потерян, отчаяние было ощутить себя утопающим в их болоте, иди-отство было бы походить на них. Каждым жестом и словом, даже ругательствами – только бы не похо-дить на них!.. Но уж совсем никого не остава-лось, уж до того дошло, что хоть десять-пятнадцать сторонников надо было задержать, оставить! – и для этого одного, в охоте за пятнадцатью большевиками, чтоб не отдать их махистам, гонять за материалами в Лондон и писать триста страниц философского тру-да, которого и не прочёл никто, но Богданова – опо-зорил! сбил с руководства! И потом сырой осенью всё ходить, ходить зябко вдоль Женевского озера и бодро повторять, что мы не упали духом и идём к победе.

И вот с умнейшими, как Троцкий и Бухарин, не находится общего языка. И в немногих, кто остался вблизи, как Зиновьев, тоже нельзя быть уверенным вперёд дальше месяца – так слабы его нервы, так непрочны убеждения. (Да никаких убеждений у Гриш-ки нет.)

Сила – не создалась. Весь его курс, 23 года не-прерывных боевых кампаний – против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма, вся эта твёрдая судьба под градом ненависти – к чему привела его, кроме изоляции? Он по инерции

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru продолжал свою ли-нию – разрывов, клеймлений, отмежеваний, но сам утомлённо понимал, что на том и завяз, что настоящего успеха – уже никогда не будет.

Одиночество.

И даже рассказать, поделиться, свой голос послу-шать – вот, не с кем...

Ну, день... Всё вываливалось и отвращалось, бес-плодно он просиживал часы.

Стопки книг, стопки газет... А за годы эмиграции – целые колонны бумаг, кип, дестей – прочитанных, просмотренных, исписанных...

Когда он был молод – носилось свежее ощущение близкой революции, простота и краткость ожи-даемого к ней пути. Он всем повторял: „Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции!“ Сча-стливое ожидание!

Но вот, последние девять лет, после второй эми-грации – чем же наполнены, набиты, напессованы? Одними бумагами, конвертами, пакетами, бандероля-ми, перепиской рутинной, срочной – сколько же, сколько времени уходит на одни письма (да и фран-ков на марки, но это из партийной кассы)? Почти вся жизнь, половина каждого дня – в этих нескон-чаемых письмах, никто не живёт рядом, единомышлен-ники рассеяны по всем ветрам, и надо издали держать их, стягивать, управлять ими, давать советы, расспра-шивать, просить, благодарить, согласовывать резолю-ции (это – с друзьями, а всё ж это время не прекра-щать острейшей борьбы с толпами врагов!) – и имен-но сегодняшнее, се-часовое письмо всегда кажется самым срочным и важным (а через день иногда – и пустым, и опоздавшим, и ошибочным). Обсылаться проектами статей, корректурами, возражениями, по-правками, рецензиями, конспектами, тезисами, чтень-ем и выписками из газет, целыми повозками газет, иногда выпусками своих журналов, по несколько но-меров, не дальше, – и никакого настоящего дела, и не поверить и не представить, что через мир, завален-ный ворохом бумаг и бандеролей, способно пробиться общественное движение – к заветной задуманной государственной власти и там понадобятся, от тебя качества иные, чем эту дюжину лет в читальных залах.

Кончал он свой сорок седьмой год – жизни нерв-ной, однообразной, всё чернилами, чернилами по бу-маге, в однодневных, однонедельных вспышках враж-ды и союзов, споров и соглашений – архиважных, архитактичных, архиискусных – и всё с политиками настолько мельче себя, и всё в бездонную бочку, без задержки, без памяти, без результата. Всё дело его подвижной, поворотной, переносной жизни билось, би-лось и упиралось в непроходимый хлам.

И вот – обвисали руки, и спина не держалась, и кажется – всё, выдохся весь до последнего.

А болезнь – грузнела внутри, иногда расхажива-ла и скребла. Она звука не подавала, она в спор не вступала, а сильнее её – не было оппонента.

Беда, вошедшая навсегда.

Единственно, к чему он был призван – повлиять на ход истории, не было ему дано.

И все его несравненные способности (теперь-то оценённые и всеми в партии, но сам он знал их еще верней и выше), вся его находчивость, пронизатель-ность, хватка ума, всё его бесполезно-ясное понимание мировых событий, не могли ему принести не только политической победы, но даже положения хоть члена парламента игрушечной страны, как Гримму. Или да-же – успешного адвоката (впрочем, адвокат – от-вратительно, в Самаре он проиграл все суды). Или хотя бы журналиста.

Оттого, что он родился в проклятой России.

Но со своим обычаем честно выполнять самую кропотливую неблагодарную работу, он всё еще пы-тался составлять свои подробные учительные тезисы швейцарским левым циммервальдистам. По дорого-визне, по невыносимому экономическому положению масс. Какой установить предельный максимум жало-ванья для служащих и чиновников. И как следить за партийными органами печати. И как выживать из партии реформистов-грютлианцев...

Нет! Не строилась работа... Ушла полнота из рас-считанного распорядка и осталось

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru дупло. Голова заболела. Дышалось плохо. Противно стало даже смотреть на бумаги. К утру должен был приступ миновать, но сейчас такое ко всему отвращение, что хоть на пол лечь.

И – преступно не досидев рабочего дня (впрочем, не так уж много и оставалось), он через силу скинул тетради, рукописи в свою провизионную сумку, собирал, захлопывал книги, стягивал газеты в пачку, что ставил на полки, что понёс библиотекарю, остро-рожно ногами по ступенькам, чтоб не грохнуться с этой кипой.

У двери натянул тяжёлое пальто, насадил котелок как попало, побрёл.

Каждый день одна и та же дорога не задавала задачи ни ногам, ни глазам: шлось само.

К сумеркам уже было, и еще туман. В окнах магазинов и ресторанов уже горело электричество.

По узкому переулку катили широкую бочку, за ней – тачку. Не обойдёшь.

Легко, легко не выбраться из этой стиснутой, ма-ленькой, закишей мещанской Швейцарии, так тут и кончить жизнь при Кегельном клубе.

У гастронома, видно через окно, никелированная машинка равномерной подачей резала ровные пластинки привлекательной ветчины. И видами мясного завалена была витрина. Бакалейщик, самодовольный по-швейцарски, вышел на порог своего заведения и одному прохожему за другим – знакомым, не знакомым? – отвешивал своё бесплатное „грётци!“. На третьем году войны магазины оставались навязчиво изобильны, только сильно подпрыгнули все цены от подводных лодок. А буржуа стояли и – переби-рали.

По холоду хоть не стали выставлять столиков из кафе на тротуары – а то сидят, развалились, на прохожих глазами лупают, а ты их обходи, чертыхаясь. И во всё своё эмигрантское время ненавидел Ленин кафе – эти обкуренные гнезда словоизвержения, где заседало 9/10 революционного словоблудия. А за войну, тут близко военная граница, натянуло в Цюрих еще новой мутной публики, из-за них и комнаты подорожали, авантюристы, дельцы, спекулянты, студенты- дезертиры и болтуны-интеллигенты, философскими манифестами и художественными протестами якобы бунтующие, сами не зная, против чего. И все – по кафе.

Да такая же благополучная, наверно, и Америка. Везде верхушка рабочего класса предпочитает бога-тетя и не делать революции. Ни там, ни здесь никому не нужен был его динамит, его взмах топоринный.

Способный весь мир раскроить, взорвать и пере-строить – он слишком рано родился, только себе на муку.

Середина Шпигельгассе – сильно горбатая, на своей отдельной горке. От себя – в какую сторону ни иди – размашисто вниз. К себе, откуда ни возвращайся – круто вверх. Когда разогнан или бодр – не замечаешь. Но сейчас еле-еле тащился. Не шёл, а ногами заскребал.

Узкая крутая лестница старого дома с многолетними запахами. Уже темно, а лампы не зажгли, на- ощупь ногой.

Третий этаж. Всеязычный галдёж, тяжёлые запахи квартиры.

И своя комната как тюремная камера на двоих. Две кровати, стол, стулья. Печка чугунная, в стенку труба, нетопленная (а пора бы). Перевернутый ящик из-под книг как посудный столик (из-за вечных пере-ездов не покупали мебели).

При последнем дневном свете Надя еще писала за столом. Обернулась. Удивилась.

Но, привыкая к этому свету, разглядела жёлто-бурую кожу на шестидесятилетием лице Ильича, тяжёлый мёртвый взгляд – и не спросила, отчего так рано.

Уж знала она у него приход этих упадков до про-страции – иногда на дни, а то – на несколько недель. Когда он слишком вырабатывался в возбуждении, или когда в борьбе надламывалось даже его железное тело. После II съезда был такой упадок

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru нервный, после „Шаг-два шага“, после V-ro, да не раз.

Котелок утомлял голову, старое пальто утомляло плечи. С трудом их с себя сдирал... Надя помогла снять... Потасил по комнате ноги и сумку с тетра-дями.

Нашёл силы посмотреть, что Надя писала, к гла-зам поднёс. Расходы.

Набирался, набирался столбик цифр удручающий.

В 908-м году хоть и мрачно было, хоть и одиноко, так денег завались, после тифлисского экса. Счёт в „Лионском кредите“. С тоски ходили в концерты по вечерам, ездили в Ниццу в отпуск, путешествовали, гостиницы, извозчики, в Париже сняли тысячефранко-вую квартиру, зеркало над камином.

Сел на кровать.

Сел – и осел, уменьшился. И в пружинах утоп, и голова утопла в плечи, совсем не осталось шеи: оттяжка темени – на спине, подбородок – на груди.

И одной рукой, впереди себя, держался за край стола.

Один глаз был полузакрыт. А рот полуоткрыт. С губы торчала бесформенная щетинка крупноволося усов. И нос придавленным своим передом выставлен вперёд.

Так сидел. Минуту. Другую. Третью.

– Ляжешь? Раздеть? – своим мягко-деревянным голосом спрашивала Надя.

Молчал.

– Ты что ж в обед не пришёл? Зазанимался?

Кивнул, с усилием.

– Сейчас будешь? – Но голос её не обещал гу-стого плотоядства, так никогда и не научилась го-товить.

То ли было в Шушенском! И натоплено, и нава-рено, и нажарено, на неделю баран, разносолов кадуш-ки, дупеля, тетерева на столе, молоком залейся, и до блеска всё вымыто девчонкой-прислугой.

Уж совсем облысел купол Ильича, только и оста-вались волосы задние, тоже не густые. (Ещё попор-тили и сами в 902-м: на врача денег пожалели, по совету русского медика недоучившегося сыпь на го-лове йодом лечили, и посыпались волосы.)

Надя переступила ближе. Тихо, осторожно при-гладила.

Несколько глубоких длинных морщин пролегли через весь, весь лоб его, вдоль.

Ильич вздохнул толчками тяжёлыми – как в оглоблях, с силой некабинетного человека. И нисколь-ко не подымая голову из утопления, не видя жену, а – перед собой, над столом, заморён-но-заморён-но:

– Кончится война – уедем в Америку.

Да он ли это?

– А циммервальдская левая как же? А новый Интернационал? – стояла печальной распустёхой.

Вздохнул Ильич. Глухо, хрипло, без силы в голосе:

– В России ясно к чему идёт. К кадетскому пра-вительству. Царь – с кадетами сговорится. И будет пошрое нудное буржуазное развитие на двадцать- тридцать лет. И – никаких надежд революционерам. Мы – уже не доживём.

А что? И уехать. Она приглаживала его дальние редкие волоски.

Тут – постучала хозяйка: кто-то к ним пришёл, спрашивает.

Ну, только! Ну, нашли время! Надя и не советуясь пошла – отказать и выгнать.

А вернулась в недоумении:

– Володя! Скларц! Из Берлина...

С кем угодно можно установить прочную тайную связь, никогда не встречаясь прямо, если составить цепочку из постоянных посредников – двух, а лучше трёх. Твой посредник встречается кроме тебя еще с двадцатью человеками, и только один из них – следующий в цепи; тот встречается еще с двадцатью – уже четыреста возможностей, это проследить не может никакая полиция и никакой Бурцев.

У сверхосторожного Ленина существовало таких несколько линий.

Прошлым летом, после встречи с Парвусом в Берне, Ленин отпустил к нему Ганецкого в Скандинавию – директором его торгово-революционной конторы. Так развернул своё коммерческое призвание неутомимый изыскливый Ганецкий, и так установилась прямая неостывающая связь с Парвусом. Однако, провисла линия между Копенгагеном и Цюрихом – и посредником определили Скларца, берлинского коммерсанта, тоже пайщика парвусовской конторы, который свободно мог ездить и в Данию и в Швейцарию. Но условлено было, что когда приедет в Цюрих, всё по тому же правилу промежуточных звеньев он не должен встречаться с Лениным сам, а здесь подошёл Дору Долину, подружку Бронского. И то, что он вот пришёл прямо на квартиру сам, значило или нарушение конспиративной дисциплины или чрезвычайные обстоятельства.

Как же некстати! Не только – сил, но даже не было ясного соображения в голове, но даже перебои

в груди. И отказывать поздно: уже всё равно пришёл, видели его на улице, на лестнице, в квартире.

Навстречу Скларцу подняться надо было не с кровати, надо было ослабевшими ногами подать вверх одуплевшее тело как будто через целый колодец – туда, наверх. И лишь там, высунутой головой увидеть этого маленького энергичного еврея из юго-западных.

Однако, с большим самозначением, всё богаче одетого, и пальто такое, и шляпа (на единственный обеденно-письменный стол положил, нахал, а впрочем куда её деть тут?), и в руке – коммивояжёрский лёгкий баул из кожи крокодиловой или бегемотовой, как её.

Спасибо, хоть без этих церемонийных немецких „wie geht's?", без натянутой улыбки радости от встречи. Деловито поклонился, протянул маленькую ручку с важностью. Огляделся насчёт безопасности, свидетелей. А уже – и Надя вышла, никого.

Почему же всё-таки – прямо, сам?

А – вот. Из глубокого внутреннего кармана – конверт.

Богатой, бледнозелёной бумаги, с гербом продавленным. И толстый, пузатый.

Как не стесняется Парвус и в мелочах показывать богатство! Вот – конверт. А приезжал в Цюрих – останавливался в самом дорогом „Бор-о-ляке". В Берне по дешёвой студенческой столовой (обед – 65 рап-пенгов) шёл, ища Ленина, и пыхал самой дорогой сигарой.

И с этим человеком начинали когда-то в Мюнхене „Искру"!

Ну так что, что письмо? Нельзя было через Дору? Эти визиты-мелькания приходится объяснять товарищам.

Скларц даже удивляется, как это плохо воспитан господин Ульянов. Дела – так не делаются. Сказано: уничтожить, не уходя.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru И показывает пальцами: мол, чирк – и к кон-верту.

Удивил! Мы иначе и не делаем. Уж мы-то в жиз-ни сожгли!..

Значит, читать. Ситуация для подпольщика при-вычная. Ленин и сам должен обеспечить, чтобы его ответное письмо не сохранилось после прочтения. Та-кой один клочок бумажки может быть смертелен для целой жизни политического деятеля.

Ни ножа, ни ножниц под рукой, стол голый. А Надя на кухне. Оторвав уголок, Ленин всунул толстый указательный и повёл как разрезным ножом. Рвалось с лохматыми закраинами в одну и в другую сторону, как собака зубами – и чёрт с вами, вот так вашему богатству! Насколько приятней держать в руках самый дешёвый конверт, писать – на самой дешёвой бумаге.

Вынул. Оттого и толстый, что бумага – еще бога-че и толще. И написано – с размашистыми пропис-ными буквами, разведёнными строчками, да с одной стороны. Вот так-то дела и не делаются. Уже забыл, как „Искру" посылали в Россию – на сверхтонкой бумаге.

Внимание. Стянуть нервы, прояснить головой (так и не ел ничего после утреннего чая). Вникнуть.

Сklarц – не хочет мешать, нет, он не развязен. Не болтая, пальто не снимая, идёт к тому стулу у окна. И только шляпу мягкую серую, с фигурно про-давленной тульей, оставил на столе.

Да свой баул не донёс до окна, опустил посередине-не комнаты на пол.

Вежливо-то вежливо, но в пасмурный день как раз и читать бы там, у окна. А Skларц уже занял тот стул, достал из кармана помятый иллюстрированный журнал, развернул важно.

А тут, что ж, лампу зажечь? Спичек не видно. И Надя на кухне.

Ба, лампа уже горит! Сбоку шляпы – стоит и го-рит малым прикрученным фитилём. Надя? Как будто не зажигала. Разве когда чиркнул Skларц? Так он же...? Странно.

Толстая веленевая бумага с гербами. А всего – три страницы. И – строчка на четвёртой, пустая четвёртая.

И ничего не было особенного – враждебного, властного или наглого, в почерке Парвуса, и вполне безлична подпись – „д-р Гельфонд".

Но из письма как током била в горячущие руки, вливалась в жилы, сплескивалась с ленинской кровью и боролась с ней бегемотская кровь Парвуса. Дальше локтей не пуская её, Ленин обронил письмо на стол, как тяжёлое. И сам опустился в стул, еле держась.

За двадцать лет своей жизни-борьбы переиспытал Ленин все виды противников – высокомерно-иронич-ных, язвительных, хитрых, подлых, упорных, стойких, уж там не считая риторично-захлёбчивых, дон-кихот- ствующих, вялых, ненаходчивых, слезливых и всякого дерьма. И с некоторыми возился по многу лет, и не всех сбил с ног, не всех уложил наповал, но всегда ощущал неизмеримое превосходство своего ясного ви-дения обстановки, своей хватки и способности в конце концов перевалить любого.

И только перед этим одним не ощущал уверен-ности. Не знал, устоял ли бы против него как против врага.

А Парвус и не был противником почти ни дня, он был естественным союзником, он много раз за жизнь предлагал, навязывал, настаивал себя в союзники, и год назад особенно, и вот, конечно, сейчас.

Но и союза этого почти никогда Ленин принять не мог.

Читал. Ходили глаза по строчкам, но почему-то смысл никак не вкладывался в голову. Плохое состо-яние.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Всех социал-демократов мира знал Ленин или каким ключом отомкнуть или на какую полку поста-вить, – только Парвус не отмыкался, не ставился, а дорогу загораживал. Парвус не укладывался ни в какую классификацию. Он никогда не был ни в боль-шевиках, ни в меньшевиках (и даже наивно пытался мирить их). Он был русский революционер, но в де-вятнадцать лет приехал сюда из Одессы – и сразу избрал западный путь, стать чисто-западным социа-листом, в Россию уже не возвращаясь, и шутил: „Ищу родину там, где можно приобрести её за небольшие деньги“. Однако, за небольшие он её не приобрёл, и 25 лет проболтался по Европе Агасфером, нигде не по-лучив гражданства. И только в этом году получил гер-манское – но слишком большой ценой.

Случайно скопились глаза на скларцев баул – тяжёлый, набитый, как он его таскает? Сам малень-кий, зачем?

А, вот что, света мало, потому и не читается. Под-винул лампу к самому письму.

Тут в конце два отдельных пункта ясны. Две жа-лобы. Одна – на Бухарина-Пятакова за их чересчур усердное следствие о немецкой сети в Швеции, нельзя же распускать дураков-мальчишек, надо сдерживать. И вторая – на Шляпникова: очень своеволен, сотруд-ничать не хочет, отбивается, а в Петербурге нашим силам нужно единство. Пусть не отвергает наших представителей, напишите ему.

Он назвался Parvus – малый, но был неоспоримо крупен, стал – из первых публицистов германской социал-демократии (был работоспособен – не мень-ше Ленина). Он писал блестящие марксистские ста-тьи, вызывая восторг Бебеля, Каутского, Либкнехта, Розы и Ленина (как он громил Бернштейна!), и под-чинил себе молодого Троцкого. Вдруг – покидал свои газеты, завоёванные публицистические посты, уезжал, бежал, то начинал торговать пьесами Горького (и обокрал его), то опускался в ничтожество. У него был острый дальний взгляд, он первый, еще в XIX веке, начал борьбу за 8-часовой рабочий день, провозгласил всеобщую стачку как главный метод борьбы проле-тариата, – но едва предложения его превращались в движения, находили сторонников, – он не органи-зовывал их, а отлипал, отпадал: он умел быть только первым и единственным на своём пути.

Всё письмо прочёл до конца, а не воспринял даже, на каком оно языке – на немецком или на русском? На обоих, фразы – так, фразы – так. Где на русском – с орфографическими ошибками.

И многое в Парвусе противоречило. Отчаянный революционер, не дрожала рука разваливать импе-рии – и страстный торговец, дрожала рука, отсчи-тывая деньги. Ходил в обуви рваной, протёртых брю-ках, но еще в Мюнхене в 901-м году твердил Ленину: надо разбогатеть! деньги – это величайшая сила! Или: еще в Одессе при Александре III сформулировал задачу, что освобождение евреев в России возможно только свержением царской власти – и тут же утерял интерес к русским делам, ушёл на Запад, лишь раз возвращался нелегально, и то спутником врача, экс-перта по голоду, напечатал: „Голодающая Россия, путевые впечатления.“ И как будто весь ушёл в гер-манскую социал-демократию. Но едва началась япон-ская война, почти не замеченная в женевских эми-грантских кругах, – Парвус первый объявил: „Крова-вая заря великих событий!“

Света мало. Фитиль выкручивал – а он только калился и копил. А-а, пустая, керосина нет, не налила.

И в том же 904-м предсказал: промышленные го-сударства дойдут до мировой войны! Парвус всегда выскакивал – нет, по грузности тела его выступал – предсказать раньше всех и дальше всех. Иногда очень верно, как то, что промышленность взорвёт нацио-нальные границы. Или: что в будущем неразлучны станут война – и революция, а война мировая – и революция мировая. И об империализме он, по сути, успел сказать всё раньше Ленина. А иногда – чушь какую-нибудь: что вся Европа ослабнет и зажмётся в тисках между сверхдержавами Америкой и Россией; что Россия – новая Америка, ей только не хватает школ и свободы. То, пренебрегая самой сутью марк-сизма, предлагал не национализировать частную про-мышленность, будто окажется это невыгодно. Или чу-довищно бредил, что социалистическая партия свою выигранную власть может обратить против большин-ства народа и подавить профсоюзы. Но и в удачах и в неудачах всегда необычностью своей позиции и мас-сивностью своей слоноподобной фигуры, он загора-живал половину социал-демократического горизонта и, как-то оказывалось, всегда загораживал Ленину – не всю дорогу, не весь истинный путь, но половину его, так что нельзя

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru было обойти Парвуса, не столк-нувшись. Он был – не противник, он всегда был союзник, но такой, что, смотри, не обомнёт ли тебе бока. Он был единственный на Земле несравненный соперник – и чаще всего успешливый, всегда впереди. Никак не враг, всегда с протянутой рукой союз-ника – а руку принять не бывало возможно.

Что за баул? Величиной как будто со свинью.

Да между ними многое пошло бы иначе, если бы не Девятьсот Пятый. Во всей революции Пятого года не участвовал Ленин и не сделал ничего – исключи-тельно из-за Парвуса: тот топал всю дорогу впереди и топал верно, не сбиваясь, – и отнял всякую волю идти и всякую инициативу. Едва прогремело Кровавое Воскресенье, Парвус тут же объявил: создавать р а- бочее правительство! Эта быстрота взгляда, эта стремительность предложения перехватила дыха-ние даже у Ленина: не могло решаться уж так быстро и так просто! И он возражал Парвусу во „Вперёде“, что лозунг – опасный, несвоевременный, нужно – в союзе с мелкой буржуазией, революционной демокра-тией, у пролетариата мало сил! А Парвус и Троцкий скропали брошюрку и кинули её женевской эмигра-ции, большевикам и меньшевикам вместе, как вызов: в России нет парламентского опыта, буржуазия слаба, бюрократическая иерархия ничтожна, крестьянство невежественно, неорганизовано, и пролетариату даже не остаётся ничего другого, как принять руководство революцией. А те социал-демократы, кто удалятся от инициативы пролетариата, превратятся в ничтожную секту.

Но вся женевская эмиграция осталась на месте, коснея, как будто чтобы сбылось над ней это проро-чество, и только Троцкий кинулся в Киев, потом в Финляндию, всё ближе для прыжка, а Парвус ринулся по первому сигналу всеобщей октябрьской стачки, ка-кую опять-таки он и предсказывал еще в прошлом веке. Не большевики и не меньшевики, они оба были свободны от всякой дисциплины и дерзко действова-ли вдвоём.

С большую свинью. Напрягся, перегородил комна-ту. А Скларц у окна как будто уменьшился?

Ну что ж, чего не выразишь печатно и не скажешь на самой узкой конференции: да, я тогда ошибся. И вера в себя и политическая зрелость, и оценка обста-новки приходят не сразу, лишь с возрастом, с опытом. (Хотя и Парвус только на три года старше.) Да, я тогда ошибся, не всё видел, и дерзости не хватало. (Но даже близким сторонникам так нельзя говорить, чтоб не лишить их веры в вождя.) Да как было не ошибиться? Тянулись месяцы, месяцы того смутного года, всё бродило, погромыхивало вокруг, а настоя-щая революция не раздражалась. И ехать было всё еще нельзя, и отсюда, из Женевы, разбирало негодование: что они там, олухи, не поворачиваются, что они рево-люции как следует не начинают? И – писал, писал, посылал в Россию: нужна бешеная энергия и еще раз энергия! о бомбах полгода болтаете – ни одной не сделали! пусть немедленно вооружается каждый кто как может – кто револьвером, кто ножом, кто тряп-кой с керосином для поджога! И пусть отряды не ждут, никакого отдельного военного обучения не бу-дет. Пусть каждый отряд начинает учиться сам – хотя бы на избиении городских! А другой пусть убьёт шпика! А третий взорвёт полицейский участок! Чет-вёртый – нападёт на банк! Эти нападения, конечно, могут выродиться в крайность, но ничего! – десятки жертв окупятся с лихвой, зато мы получим сотни опыт-ных бойцов!..

Нет, не бралось усталым умом несвоевременное письмо, не понималось. Читал – и не понимал.

...Казалось так ясно: кастет! палка! тряпка с керо-сином! лопата! пироксилиновая шашка! колючая про-волока! гвозди (против кавалерии)! – это всё ору-жие, и какое! А отбился случайно отдельный казак – напасть на него и отнять шашку! Забираться на верхние этажи – и осыпать войско камнями! и обли-вать кипятком! Держать на верхних этажах кислоты для обливания полицейских!

А Парвус и Троцкий ничего этого не делали, но просто приехали в Петербург, просто объявили и со-брали новую форму управления: Совет Рабочих Депу-татов. И никого не спрашивали, и никто не помешал. Чисто рабочее привительство! – и вот уже заседало! И всего-то приехали на каких-нибудь две недели рань-ше остальных – а всё захватили. Председателем Сове-та была подставной Носарь, главным оратором и люб-бимцем – Троцкий, а изобретатель Совета Парвус управлял из тени. Захватили слабую „Русскую газету“ – однокопеечную, вседоступную, народную по тону, и стал тираж её полмиллиона, и идеи двух друзей полились в народ.

Скларц у окна в своём стуле сидел всё дальше, всё мельче, как птица с опущенным носом, в иллюстрированный журнал.

В последние женеvские дни Ленин писал, писал пером торопливым – всю теорию и практику революции, как он находил её в библиотеках по лучшим французским источникам. И гнал, и гнал в Россию письма: надо знать, по сколько человек создавать боевые группы (от трёх до тридцати), как связываться с боевыми партийными комитетами, как избирать лучшие места для уличных боёв, где складывать бомбы и камни. Надо узнавать оружейные магазины и распорядок работы в казённых учреждениях, банках, заводить знакомства, которые могут помочь проникнуть и захватить... Начинать нападения при благоприятных условиях – не только право, но прямая обязанность всякого революционера! Прекрасное боевое крещение – борьба с черносотенцами: избивать их, убивать, взрывать их штаб-квартиры!..

И, нагоня последнее своё письмо, сам поехал в Россию. А там – ничего похожего. Никаких боевых групп не создают, не запасают ни кислот, ни бомб, ни камней. Но даже буржуазная публика приезжает послушать заседания Совета Депутатов. И Троцкий на трибуне взвизгивает, изгибается и самосжигается. И будто для этой открытой жизни и родяся, они с Парвусом блещут по всему Петербургу – в редакциях, политических салонах, всюду приглашены и везде приняты под аплодисменты. И даже создавалась какая-то фракция „парвусистов“. И не то, чтобы тряпку обмачивать в керосин и красться за углом здания, – но Парвус готовил собрание своих сочинений или закупал билеты на сатирическое театральное представление и рассылал своим друзьям. Хороша тебе революция, если вечерами не чеканка патрулей по пустынным тротуарам, но распахиваются театральные подъезды!..

Пробежаться бы до окна и назад – так чёрный раздутый баул стоял как сундук, не пройдёшь. Да и сил нет в ногах.

В ту революцию Ленин был придавлен Парвусом как боком слона. Он сидел на заседаниях Совета, слушал героев дня – и висла его голова. И лозунги Парвуса повторялись и читались, правильные вполне: после победы революции пролетариат не должен выпустить оружия из рук – но готовиться к гражданской войне! Своих союзников-либералов рассматривать как врагов! Отличные лозунги, и уже не с чем выступить с трибуны Совета самому. Всё шло почти как надо, и даже настолько хорошо, что вождю большевиков не оставалось места. Вся жизнь его была спланирована к подполью – и не было сил в ногах – подняться на открытый свет. Он не поехал и на московское восстание, уж там восставали по его ли женеvским инструкциям, или не по его. Упала уверенность в себе – и

Ленин как продремал и пропрятался всю революцию: просидел в Куоккале, – 60 вёрст от Петербурга, а Финляндия, не схватят, Крупская же ездила каждый день в Петербург собирать новости. Даже сам понять не мог: всю жизнь только и готовился к революции, а пришла – изменили силы, отлили.

А тут ещё Парвус выдвинул из тени (он всегда старался действовать из тени, не попадать на фотографии, не давать пищи биографам) и подсунил Совету безымянно, как бы его, Совета, резолюцию – финансовый Манифест. Под видом заскоружло-стихийных требований неграмотных масс – программу опытного умного финансиста – единый удар по всем экономическим устоям российского государства, чтоб рухнуло проклятое разом! Не откажешь – величайший, поучительный революционный документ! (Но и правительство поняло и через день арестовало весь петербургский Совет. Случайно Парвус не был на заседании, уцелел, и тут же создал второй Совет, другого состава. Пришли арестовывать второй – а Парвус снова не попал.)

Керосина в лампе не было – а горела уже час, не уменьшая света.

Надо было годам пройти, чтобы рёбра, подмятые Парвусом, выправились, и вернулась уверенность, что тоже на что-то годишься и ты. А главное, надо было увидеть ошибки и провалы Парвуса, как и этот слонобегемот опрометчиво ломил по чаще, и обломки прокалывали ему кожу, как он оступался в ямы на бегу, исключался из партии за присвоение денег, занимался спекуляцией, открыто кутил с полными блондинками – и наконец открыто поддержал немецкий империализм: откровенно высказывался в печати, в докладах, и явно поехал в Берлин.

Шляпа позади лампы – качнулась, показав атлас-ную подкладку.

Да нет, лежала спокойно, как оставил её Скларц.

Через Христю Раковского из Румынии, через Да-вида Рязанова из Вены уже доходили до Ленина слухи, что Парвус везёт ему интересные предложения, так развязно не скрывался он. Но слава открытого со-юзника кайзера опередила Парвуса, пока он вёз эти предложения, пока кутил по пути в Цюрихе. Все привыкли бедствовать годами, а тут прежний товарищ явился восточным пашой, поражая эмигрантское во-ображение, раздавая впрочем и пожертвования. И ког-да нашёл он Ленина в бернской столовой, втиснулся непомерным животом к столу и при десятке товари-щей открыто заявил, что им надо беседовать, – Ле-нин, без обдумывания, без колебания, в секунду от-ветил резкими отталкивающими словами. Парвус хо-тел разговаривать как вояжёр мирного времени, при-ехав из воюющей Германии?? (и Ленин хотел! и Ленин хотел!) – так Ленин просил его убраться вон! (Верно! Только так!)

На бауле ручка перекинулась с одной стороны на другую – хляп!

Но увидеться – надо было! Не бумагами же всё переписываться, какая-нибудь да попадёт к врагам. И Ленин шепнул Зифельду, а тот нагнал толстяка, по какому адресу ему идти. (А Зифельду Ленин потом сказал: нет, отправил акулу ни с чем.) И в спартанско-нищей комнатке Ульяновых, толстозадый Парвус с бриллиантовыми запонками на высунутых ослепитель-ных манжетах, сидел на кровати рядом и не помещал-ся, и наваливался, толкал Ленина к подушке и к спин-ке железной.

Тр-ресь!! – распёрло наконец баул, – и осво-бождая локти и выпрямляя спину, разогнулся, под-нялся в рост во всю свою тушу, в синей тройке, с бриллиантовыми запонками – и разминая ноги, ступ-нул, ступнул сюда ближе.

Стоял – натуральный, во плоти – с непотяга-емым пузом, удлинённо-купольная голова, мясисто-бульдोजья физиономия с эспаньолкой – и блеклым внимательным взглядом рассматривал Ленина. Дру-желюбно.

Да ведь и правда! – давно же надо поговорить. Всё мельком, всё некогда, или в отрыве или в противо-положности, и так трудно встретиться, следят враги, следят друзья, нужна тайна глубочайшая! Но уж если пробрался, какие тут письма, пришёл момент крити-ческий, поговорить накоротке:

– Израиль Лазаревич! Я удивляюсь, куда вы рас-тратили свой необыкновенный ум? Зачем всё так пуб-лично? Зачем вы поставили себя в такое уязвимое положение? Ведь вы же сами закрываете все пути сотрудничества.

Ни – „здравствуйте“, ни – руки не протянул (и хорошо, потому что и у Ленина не было сейчас сил подняться и поздороваться, рука как в параличе, и „здравствуйте“ тоже горло не брало), – а просто плюхнулся, да не на стул, а на ту же кровать, впри-тиску, неуклюжей тяжестью навалившись, боком вы-тесняя Ленина по кровати.

И наставляя прямо к лицу бледно-выпуклые глаза, речью неясной, не оратора, но собеседника иронич-ного:

– Удивляюсь и я, Владимир Ильич: вы всё аги-тацией да протестами заняты? Что за побрянчушки? – конференции какие-то, то тридцать баб в народном доме, то дюжина дезертиров?

И толкал бесцеремонно по кровати, нависал бо-лезненно раздутой головой:

– С каких пор вы вместе с теми, кто хочет мир изменить пером рондо? Ну что за дети все эти социа-листы с их негодованием. Но вы-то! Если серьёзно делать – неужели же прятаться по закоулкам, скрывать, на какой ты воюющей стороне?

Хотя горлом речь не выходила, но прояснела го-лова как от крепкого чая. И без языка было всё взаимопонятно.

Ну конечно же, это был не жалкий Каутский – демонстрировать „за мир“, а в войну не вмешиваться.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
– Мы же оба не рассматриваем войну с точки зрения сестры милосердия. Жертвы, кровь и страда-ния неизбежны. Но был бы нужный результат.

Ну, конечно же, Парвус был основательно прав: надо, чтобы Россия была разбита, а для этого надо, чтобы Германия победила, и надо искать поддержки у неё – всё так! Но – только до этого пункта. А даль-ше – Парвус зарвался. Увлёкшись своими успехами, он оступается, это не первый раз.

– Израиль Лазаревич, если у социалиста что-ни-будь реально имеется, то это – честь. Чести – мы не мо-жем терять, мы тогда всё теряем. Говоря между нами, по расположению наших с вами позиций – ну конеч-но союз. И конечно, мы еще очень понадобится и поможем друг другу. Но по вашей теперь политичес-кой одиозности... Один какой-нибудь Бурцев найдёт-ся – и всё погибло. Так что придётся допустить между нами публичные разногласия, газетную полемику. Ну, не настойчивую... спорадически так, иногда... Так что если,... – Ленин никогда не смягчал и в глаза, жёст-че сказать, крепче будет, – ... если там, например... морально опустившийся подхалим Гинденбурга... рене-гат, грязный лакей... Поймите сами, вы же не остав-ляете другого выхода...

– Да смешно, да пожалуйста, – горькая усмеш-ка перерезала одутловатое лицо Парвуса. – Вот я весной в Берлине получил миллион марок, из того миллиона сразу перевёл Раковскому, Троцкому с Мар-товым, да и вам в Швейцарию, не получали? Ах, не вникали? Проверьте, проверьте у своего кассира, если не растратил... И Троцкий деньги принял, – а от меня уже и отрёкся публично: „политический фальстаф"... Написал мне живому – некролог. Я ничего не говорю, это можно конечно, я понимаю.

И застыло-стеклянно смотрел из-под поднятых ред-коволосых бровей.

Разошлись они с Троцким раньше, на перманент-ной революции. А любил он его как младшего брата.

Но на Ленина – он очень надеялся, и толкал, толкал его по кровати своею массивной рыхлостью, заставляя двигаться к подушке, уже локтем ощущать спинку сзади.

– А ваши лозунги голые не лопнут без денег, а? Нужно деньги в руках иметь – и будет власть! А чем вы будете власть захватывать? – вот неприят-ный вопрос. Да хотя позвольте, в 904-м на III съезд и на „Вперёд" вы же, кажется, приняли деньги, очень похожие на японские, – ничего, пошли? А я теперь

– лакей Гинденбурга? – пытался смеяться.

Всё было – точно, как прошлый раз, или это и было – прошлый раз?... – в комнате бернской ме-щанки? или в комнате цюрихского сапожника? или

– ни в какой комнате? Как будто всё это говорилось уже раз, и вот по второму. Ни стола, ни Скларца, – а только кровать железная швейцарская массивная с ними могучими двумя – плыла над миром, беремен-ным революцией, ожидавшим революции от них двоих, с ногами свешенными, – неслась по тёмному кругу, опять. И ровно столько было невидимого света, чтобы видеть собеседника, и ровно столько звука, чтобы слы-шать его:

– Ничего, это можно... Я понимаю...

Он – презирал мир. Тамшний, далеко внизу, под кроватью.

– А по-моему, если *войну превращать в граждан-скую – так любой союзник хорош. Ну, у вас сейчас

– сколько? – издевался. – Не спрашиваю, не принято. А у меня – не у меня, а для дела – вот, миллион весной получил, этим летом еще пять мил-лионов получаю. И будет еще не раз. Как?

Вместе с Парвусом они всегда презирали эмигра-цию за призрачность, за неделность, за интеллигент-скую слюнявость, всё слова, слова. А деньги – это не слова. Да.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Душила Ленина его самоуверенность. И восхища-ла реальность силы.

Вытаращивал бледные глаза, похлопывал губой с неровными усами:

– План! Я составил единый великий план. Я представил его германскому правительству. И на этот план, если хотите, я получу и двадцать миллионов! Но главное место в этом плане я отвёл – для вас. А вы...

Дышал болотным дыханием, близко в лицо:

– А вы?.. ждате?.. А я...

Этот купол – не меньше ленинского, пол-лица – голый лоб, пол-голова – темя со слабыми волоса-ми. И – беспощадный, нечеловеческий ум во взгляде:

– А я – НАЗНАЧАЮ РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ НА 9 ЯНВАРЯ БУДУЩЕГО ГОДА!!!

48

Как рождаются простые и великие планы? Под-сознательным вынашиванием мыслей, когда еще нику-да определённо не предназначаешь их. Потом элемен-ты давно известные, может быть и не тебе одному, вдруг проступают дружно к центру и именно в твоей голове соединяются в единый план – и до того же простой и ясный, что удивляться надо, как он не сложился ни у кого прежде.

Как не сложился прежде у германского генераль-ного штаба, хотя ему-то и думать бы первому?

Правда, у них не хватало понимания России. И от осени 14-го года, после Марны, осознав неудачу бы-строй победы, они до осени 15-го всё надеялись на сепаратный мир с Россией, тыкались попытками кон-тактов, никак не думали, что Романовы всё отвергнут. Это их и отвлекло.

А Парвус, отъединённый от главных событий, от-брошенный в бронзово-голубой Константинополь, до-стигнув жажданного богатства, а с ним – всех вообра-зимых телесных нег на Востоке, умеющем насытить мужской дух и мужские желания, в стороне от вели-кой битвы („в социалистическом резерве", как сове-товал ему Троцкий) и обеспеченный никогда не узнать последствий этой битвы, – ни в каком насыщении, ни в каком расслаблении ни на миг не покидал своего поиска, рождённого в дальней юности тут же, на чер-номорском берегу, по диагонали.

Он не покидал его, еще когда ехал на Балканы, где книги его читались шире, чем Маркса и Энгельса. Не забывал, когда кормился в константинопольских притонах и собирал портовых голодранцев на перво-майскую демонстрацию. Тем более не забывал, возвы-шаясь при младотурках, обратив свой финансовый ге-ний из топора, подрубавшего русский ствол, в лопату садовника, подпитывающего турецкий. Не ошеломил-ся, не забыл и от миллионов, так напльвно, и для всех таинственно, понесших его. Не забывал, основывая банки, торгуя с Одессой-мамой и с мачехой Германией. Он как хлыстом был протянут от сараевского выстре-ла: обладал Парвус сейсмическим чувством недр и уже знал, что – поползут пласты! что – попадётся старый глупый медведь! Наконец-то она пришла, на-ступила Великая, Мировая! Он давно её предсказывал, называл, вызывал – самый мощный локомотив исто-рии! самую первую колесницу социализма! Пока там, по всей Европе, бушевала социал-демократия вокруг военных кредитов – Парвус ни речи не произнёс, Парвус ни строчки не напечатал, он не тратил време-ни, минуты не ждали, он сновал своими тайными ходами, убеждая правителей, что только на стороне Германии вырвется Турция из нескончаемых своих капитуляций, он спешил доставать оборудование и запасные части для турецких железных дорог и мель-ничного дела, снабдить зерном турецкие города, обес-печить, чтобы Турция осенью не просто объявила вой-ну, но как можно скорей могла бы начать реальные боевые действия на Кавказе. (И такие же заботы нагоняли его с Болгарией, он успел подготовить к войне и её.) Лишь после этих существенных сверше-ний мог позволить себе Парвус откинуться в забро-шенную любимую публицистику, в балканскую прессу, с лозунгом: „ЗА ДЕМОКРАТИЮ! ПРОТИВ ЦАРИЗМА!"

Это надо было объяснить, обосновать, чтоб убедить как можно многих, – и неотупевшее перо легко раз-брызгивало искры: не надо ставить вопроса о „винов-никах войны" и „кто напал", мировой империализм десятилетиями готовил эту

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru схватку, и кто-то должен был напасть, неважно. Не надо искать этих пустых причин, но надо думать социалистически: как нам, мировому пролетариату, использовать войну, значит: на чьей стороне сражаться? У Германии – самая мощная в мире социал-демократия, Германия – твердыня социализма и поэтому для Германии эта война – обо-ронительная. Если социализм будет разгромлен в Гер-мании – он будет разбит везде. Путь к победе миро-вого социализма – военное укрепление Германии. А то, что царизм на стороне Антанты, еще более открывает нам, где истинный враг социализма: значит, победа Ан-танты принесёт новое подавление всему миру. Итак, рабочие партии всего мира должны воевать против русского царизма. А советовать пролета-риату принять нейтралитет (Троцкий) – значит само-исключиться из истории, революционный кретинизм. Итак, задача мирового социализма – уничтожающий разгром России и революция в ней! Если Россия не будет децентрализована и демократизована – опас-ность грозит всему миру. А Германия несёт главную тяжесть борьбы против московитского империализма, и революционное движение в ней должно на время прекратиться. А потом победа в войне принесёт и клас-совые завоевания пролетариату. ПОБЕДА ГЕРМАНИИ – ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА !

На эту публикацию первые приехали к Парвусу посовещаться – „Союз вызволения Украины“ из Вены (среди них были знакомые по „искровским“ време-нам), потом армянские, грузинские националисты, – всем борцам против России открывались двери его константинопольского дома.

Так напряжённый поиск Парвуса магнитно притя-гивал опыт других, а сопоставленный этот опыт, со-циалистов и националистов, стянутый во взрывную точку, рождает и План. До сих пор болтали социали-стические программы всё об автономии – нет! Только разрывом и расчленением России можно было сва-лить абсолютизм, дать нациям сразу – и свободу, и социализм.

Пока проваливались первые экспедиционные груп-пы украинцев и кавказцев (второпях набрали и хва-стунов и авантюристов, конспиративная затея вдруг разгласилась в эмигрантской прессе, и Энвер-паша остановил экспедиции), в раздутой ёмкой голове Пар-вуса досовершалось магнитное соединение железных элементов в единый План. Как любит механика тре-угольные скрепы за их устойчивость к деформациям, так элементам националистическим и социалистичес-ким не хватало третьего союзника – германского правительства: цели всех троих ближайšie – сов-падали!

Вся предыдущая жизнь Парвуса была как нароч-но состроена для безошибочного создания этого Плана. И оставалось теперь ему – тому счастливому, чем Парвус был, скрещению теоретика, политика и дельца, – сформулировать план по пунктам в декабре Четыр-надцатого, в январе приоткрыть его германскому по-слу, получить гостеприимный вызов в Берлин, на лич-ном свидании поразить верхушку министерства (19 лет эта страна не кинула ему простого гражданства закрывала его редакции, гоняла из города в город, могла выдать русской охранке, – теперь высшие пра-вительственные глаза предусмотрительно засматрива-ли в его пророческие), в марте Пятнадцатого предста-вить окончательный подробный меморандум и полу-чить первый миллион марок аванса.

План был: собрать под единое руководство все возможности, все силы и все средства, вести из единого штаба – действия центральных держав, русских рево-люционеров и окраинных народностей. (Он знал этого быка – но и обух достойный готовил ему.) Никаких разрозненных частных импровизаций. План убеждал настойчиво, что никакая германская победа не окон-чательна без революции в России: неразрезанная Рос-сия останется неугасающей постоянной угрозой. Но и никакая отдельная сила не может разрушить рус-скую крепость, а только единопавленный их союз: совместный взрыв революции социальной и революции национальной при германской денежной и материаль-ной поддержке. Опыт революции 1905 года (уж автор- то знал её! и в глазах имперского правительства гаран-тией солидности советчика то и было, что он – не приبلудный коммерсант, но Отец Первой Революции) позволяет видеть, что все симптомы повторяются, все данные для революции сохранились и даже, в усло-виях мировой войны, она потечёт еще быстрее, но если умело её толкнуть, воздействием извне ускорить катастрофу. Центрами социального восстания будут подготовлены Путиловский, Обуховский и Бал-тийский заводы в Петербурге и кораблестроение в Николаеве (на юге России у автора особо прочные связи). Назначается дата, уже есть такая наболевшая в России: годовщина Кровавого Воскресенья, сперва только – для однодневной забастовки в память по-гибших, для одноразовой уличной манифестации – 8-часовой рабочий день, демократическая республика, но когда будут разгонять, то оказать

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru сопротивление, прольётся хотя бы малая кровь – и огонь побежит, побежит по всем бикфордовым шнурам! Однодневные стачки сливаются во всеобщую забастовку „за свободу и мир!“ Листовки на главных заводах – и к тому времени уже подготовленное оружие в Петербурге и в Москве! В 24 часа будет приведено в действие сто тысяч человек! К забастовке тотчас присоединятся железнодорожники (подготовлены будут и они), оста-навливается всякое движение на линиях Петербург-

Москва, Петербург-Варшава, Москва-Варшава и на юго-западных. Для всеобщности и дружности взрывают-ся некоторые мосты, как бывало в 905-м. В нескольких местах взорвать мосты и на сибирской магистрали, для чего послать туда экспедицию из опытных агентов. О Сибири отдельная часть плана: дислоцированные там войска чрезвычайно слабы, города под влиянием ссыльных настроены революционно. Это облегчает ус-тройство диверсий, а когда уже беспорядки начнутся – произвести массовое перемещение ссыльных в Пе-тербург, чтобы впрыснуть в столицу тысячи действен-ных агитаторов, успеть захватить пропагандой мил-лионы русских рекрутов. Пропаганда будет вестись и всей левой прессой в России и поддержится потоком пораженческих эмигрантских листовок (их печатанье нетрудно развернуть например в Швейцарии). Будет полезна всякая публикация, которая ослабляет волю к сопротивлению у русских и указывает на социаль-ную революцию как выход из войны. Остриё пропа-ганды будет направлено в действующую армию. (Рисо-валось и восстание в Черноморском флоте. Проезжая Болгарию, уже Парвус завязал связи с одесскими моряками. Он сильно подозревал всегда, что „Потём-кина“ сделали японцы.) Опытные агенты посылаются также и – поджечь нефтяные промыслы в Баку, что не представляет трудности при их слабой охране. Ди-намика социальной революции должна быть усилена и финансово: с немецких самолётов разбрасывать рус-скому населению фальшивые рубли, одновременно –пустить в международное обращение, в Петербург и в Москву – банкноты с одними и теми же номерами и сериями – подорвать международный курс рубля и создать панику в столицах.

Со всеми их Клаузевицами, Мольтке-старшим и Мольтке-младшим, со всей их самоуверенной страте-гией и надменной чёткостью штабов – никогда не вырастали узкие прусские лбы до такого размаха! до такого замысла!!!

Никогда не имела Германия такого советчика по России, по всем слабостям её. (Настолько никогда не имела, что даже и теперь оценить не могла.)

И это же – далеко не всё! Одновременно нач-нётся революция национальная. Главный рычаг – украинское движение, без украинской под-поры быстро опрокинется русское здание на бок. Украинское движение перебросится дальше на кубан-ских казаков, а может заколеблется и донские. Есте-ственно сотрудничество и с наиболее созревшими, поч-ти уже свободными финнами: легко посылать им ору-жие, а через них – в Россию. Польша – всегда за пять минут до антирусского восстания и только ждёт сигнала. Между восставшими Польшей и Финляндией всколыхнётся и Прибалтийский край. (По другому варианту предусмотрел Парвус, что остзейские губер-нии охотно присоединяются к Германии.) Национа-листы Грузии и Армении – уже и сегодня в реальном и денежном сотрудничестве с правительствами Цен-тральных держав. Кавказ – раздроблен и возбудить его будет трудней, но посредством Турции, через му-сульманскую агитацию, подыдем его на газават, свя-щенную войну. И в том окружении вряд ли терские казаки захотят класть головы за царя, а не отделиться тоже.

И централизованная Россия – рухнет навсегда! Внутренняя борьба сотрясёт Россию до основания! Крестьяне станут силой отбирать землю у помещиков! Солдаты толпами побегут из окопов обеспечивать свою часть в земельном разделе. (Восстанут против офице-ров, перестреляют генералов! – но эту часть перспе-ктивы прикрыть, она может вызвать у пруссаков не-приятные предчувствия.)

Однако (захватывая дыхание) – и это не всё! и это – не всё! Сотрясши Россию разрушительной про-пагандой изнутри – обложить её и извне враж-дебностью мировой прессы! Антицаристскую кампанию поднимут социалистические газеты разных стран – однако, захватывая слева направо, эта травля увлечёт затем и либеральную, то есть подавляющую прессу всего мира. Газетный крестовый поход на царя! И особенно важно при этом – захватить общественное мнение Соединённых Штатов. А разоблачением цариз-ма будет одновременно демаскирована и подорвана вся Антанта!

Вот что предложил Парвус Германии: вместо без-надёжной пехотно-артиллерийской мясорубки – од-ним только впрыскиванием денег, без немецких жертв – в несколько

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru месяцев из Антанты вырывался много-люднейший член её! Еще бы не схватилось германское правительство за эту программу!

Да в этом Парвус не сомневался. Он тревожился, как примут её другие в Берлине: социалисты. Как примет его проект мачеха-партия, которой идеи его и всегда были слишком глубоки, чтобы применить их для массовой агитации, слишком залётны вперёд, что-бы казаться реальными даже вождям; партия, где ко-лотился он 19 лет, рассыпая идеи – и не получил никогда ни единого партийного поста, ни на одном съезде не имел права голосовать. Короткое время он был в ней героем – вернувшись из Сибири, и все зачи-тывались его мемуарами „В русской Бастилии“. Затем измазался он в несчастном горьковском деле, и тайная партийная комиссия обрекла его на изгнание – и пятно не отмылось даже теперь, 5-летней отлучкой. Но главное – необъяснимое легендарное, в один год, обогащение, которого по ограниченности не могут простить люди, а соци – особенно. (Странная психо-логия: будь это же богатство наследственным – ни-кто б и не укорил никогда.) За одно богатство должны были его возненавидеть и отвергнуть – но нашли для возмущения более благородный повод: он стал пособ-ником империалистов! Уж конечно там Клара и Либ-кнехт, но – Роза! когда-то близкая женщина (впро-чем, и в близости стыдилась – его наружности? – всегда скрывала связь) – и Роза показала ему на дверь. Бебель за это время умер, Каутский и Берн-штейн – отъединились, слабели, новое же самодо-вольное руководство искало слабостей в позиции пе-рекатного социалиста: а как поведёт себя пруссачес-кое правительство после победы? а почему оно от рус-ской революции смягчится и подобрееет к социализму? а не накроет оно заодно и демократию Англии и фран-ции?..

И в возражениях этих – истина была, и сомнения

– лежали там, – но никому из них не доставало той захватывающей цельности, которая одна и сотрясает миры и творит их! Никто, почти никто в Европе не мог перескочить и увидеть: что ключ мировой истории лежит сейчас в разгроме России! всё остальное – второстепенно.

А социалисты Антанты уже поднимали против Парвуса разоблачительную кампанию.

Острота социалистических упреков ему отравляла всю радость успеха, хотя большинство социалистов Европы не были ни люди науки, ни люди реального дела. Они не могли ни подняться на высоту обзора, ни смекнуть живой поворот действия по живому пово-роту дела. Это были уже – чиновники от социализма, заклинные в коридорах догм как в гробах: они даже не ходили, не ползали по этим коридорам, но – лежа-ли вдоль них и не смели представить себе никакого поворота. Первые же открытые призывы Парвуса по-могать Германии вызвали у них девственный ужас. Как хорошо бы им просидеть войну в невинной ней-тральности и отделяться моральным негодованием

– на войну и на тех, кто смелость имеет вмешаться в неё!..

Но – решительна для Плана была роль социа-листов русских, и им отводилась в Плате существен-ная разработка, представленная германскому прави-тельству. Они все раздроблены, рассеяны на мелкие группы, бессильны – а ни одну из них нельзя упу-стить, всех использовать. Для этого надо привести их к единству – устроить объединительный конгресс, удобно в Женеве. Одни группы, как Бунд, Спилка, поляки, финны, безусловно поддержат План. Но нель-зя создать единства, не помилив большевиков и мень-шевиков. А всё это будет зависеть – от вождя боль-шевиков, живущего сейчас в Швейцарии.

Тут могли быть разные трудности, и даже та, что часть русских социалистов окажется патриотами и не захочет раздела русского царства. Но была и обеспе-ченность: нищие эти эмигранты десятилетиями нужда-лись в деньгах: и для обычной простой жизни, что-то класть в рот, а заработать они не умели никогда; и для своих непрерывных поездок и съездовой для своих нескончаемых брошюрных-журнальных-газетных писа-ний. Не устоят они перед протянутым набитым ко-шельком. Уж если крепкие легальные западные пар-тии и профсоюзы всегда податливы на денежную под-держку, скажем для своих трудящихся, всё равно, – кому в мире не хочется жить сытей, теплей, нарядней, просторней? (незаметная тихая помощь скромно жи-вущим вождям тоже очень укрепляет с ними дружбу)

– как могут отказаться эмигранты?

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Однако, едучи в Швейцарию, более всего предсма- ковал Парвус успех от встречи с Лениным. Давно со-старилось их мюнхенское сотрудничество, годами не выделялись они, – но зоркий глаз Парвуса никогда не упускал этого единственного неповторимого социали-ста Европы – совершенно непредвзятого, свободного от предрассудков, от чистоплюйства, в любом поворо-те дела готового принять любой нужный метод, при-носящий успех: единственного жестокого реалиста, никогда не увлечённого иллюзиями, второго реалиста в социализме после Парвуса. Чего не хватало Ленину

– это широты. Дикая, нетерпимая узость раскольника гнала попусту его огромную энергию – на дробление, отмежевание, мелкое шавканье, перебранку, драчку, газетные уколы, изводила его в ничтожной борьбе, в кипах исписанной бумаги. Эта узость раскольника обрекала его быть бесплодным в Европе, оставляла ему только русскую судьбу, но значит и делала неза-менимым для действий в России. Сейчас!

Сейчас, когда младший сподвижник Троцкий, серд-ца кусок, отрёкся навсегда, когда Троцкому изменила жизненная сила и точность взгляда, – как призывно вспыхивала Парвусу жестокая ленинская звезда из Швейцарии: независимо, он высказывал всё то же: что не надо искать, кто первый напал; что царизм – твердыня реакции и должен быть сокрушён первым; что... По оттенкам побочных замечаний, потерявшихся в придаточных предложениях и не заметных более никому, Парвус видел, что Ленин не изменился ни в своей нетребовательности, ни в своей требовательно-сти, что он не перекривится взять в союзники хоть и Вильгельма, хоть и сатану – только бы сокрушить царя. Оттого уже заранее слал Парвус ему вести об интересных предложениях: что союз заключится – сомнений не было. Лишь вот эти несчастные приду-маные разногласия с меньшевиками, где Ленин был особенно глупо-непреклонен. Но и миллионы марок в поддержку – весили же что-то? В меморандуме гер-манскому привительству Парвус прямо назвал Ленина с его подпольной организацией по всей России – как свою главную опору. Взять Ленина своей правой ру-кой, как в ту революцию Троцкого, – был верный успех.

На верный успех и ехал Парвус в Берн, и шёл по столовой с сигарой во рту, и был удивлён шумным отказом, но потом оценил разумную тактичность. И на скудной кровати теснил, теснил легковатого Лени-на – своими пудами:

– Да вам капитал нужен! Чем вы бу-дете власть захватывать? Вот неприятный вопрос.

Эт-т-то-то Ленин понимал прекрасно! Что на одних голых идеях не прошагаешь, что революцию нельзя делать без силы, а в наше время начальная сила – деньги, а уже из денег рождаются другие виды силы – организация, оружие и люди, способные этим ору-жием убивать, – всё верно, кто ж возразит!

Со своей бесподобной схватчивостью ума, без нуж-ды на обдумывание, со своими мгновенными перемене-нами в лице, вот уже усмешка соучастника обещаю-щего, безо всякого задора отступая, прикартавливая:

– Почему – неприятный? Когда к деньгам отно-сятся партийно – партии это приятно. Неприятно, когда из денег делают оружие против партии.

– Ну, да впрочем, у вас же там что-то сочтется, дружелюбно-усмешливо вспоминал Парвус, – на что- то же „Социал-Демократ" выпускаете. Или, – фаль- стафовский живот его подрагивал от смеха, – или вы, положим, швейцарским налоговым агентам пише-те, что, наоборот, живёте гонорарами с „Социал-Демо-крата"?..

Усмешка – часто была у Ленина, улыбка – очень редко, – вместо того он прищурился, еще пряча, пряча природой запрященные глаза. И осторожно вы-бирал слова:

– Филантропические фонды всегда откуда-ни-будь идут. Принимать благотворительность – вполне партийно, отчего же?

(Да денег не так уж скудно, можно бы всем жить посвободнее, как по бесстыдству и делают некоторые, через кого течёт. До неприличия швыряет деньгами Багоцкий, и никто не возьмётся проверить австрийские деньги у Вейсса. Но тут – нельзя давить, можно всё испортить. Уж как течёт.)

Глазу не на чем остановиться – ни на обтрёпан-ном ленинском пиджаке, ни на

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru латанном воротнике, ни на скатерти протёртой, ни в голой комнате, где вместо книжной этажерки – два ящика один на другой. Но Парвус – ничуть перед ним не стыдился своих бриллиантов, ни – шевюта, ни английских ботинок: всё это ленинское нищенствование – игра, партийная линия, чтоб задавать тон, служить примером, „вождь без упрёка“. В этой задуманной, много лет исполняемой роли – в ней-то и ограниченность, и убогость мышления. Но она – поправима, и Ленину тоже можно будет придать размах.

(А – нет! а – нет! По внутреннему протесту, по противоположности вело Ленина – самому во всяком случае и всегда отгородиться от всякого доступного близкого избытка. Достаток – другое дело, достаток

– разумен, но избыток – начало разложения, и Парвус на этом попался. Деньги пусть текут и миллионами, но – на революцию, а самому – держаться в границах необходимого, самому считать даже раппены и гордиться этим. Совсем не для маскировки и лишь отчасти для примера другим, кого нельзя заставить.)

Быстрым взглядом искоса, снизу вверх, Ленин не враждебно, не обиженно:

– Израиль Лазаревич! Ваша вечная вера во всевластие денег – вас и подвела. Поймите, подвела.

(То ли при малых тратах – как в замкнутой комнате, как при полной секретности: ничто не утекает, твёрже себя чувствуешь, никогда не распустишься, всё сковано и связано. А богатство – подобно распушенной болтовне. Нет! Дисциплина во всём, и в этом тоже. Только в ограничениях развивается и движется настоящий напор. И даже: залог за то, чтобы жить в Швейцарии, основа безопасности и всей деятельности, 1200 франков – есть, но: нет! не платить!

– хлопотать – писать – подавать заявления о несостоятельности – просить персонального снижения в 10 раз – тратить золотое время на проходки к полицейному президенту и даже вместе с Карлом Моором, у кого свой бумажник в кармане раздутый и только руку протянуть, ассигнацию вытянуть. И получив на-конец снижение до трёхсот – уплатить только сто и еще потом долго торговаться, а переехавши в Цюрих

– и вовсе не платить, но писать и просить, и переписываться с Берном: ту сотенку перевести в здешний кантон. Это умел Ленин: сжиматься – умел. Только сжатый – дышал хорошо.)

Смысл каждой беседы: себя без надобности не открыв – собеседника понять, понять до дна.

Колким прощупывающим взглядом, с усмешкой скептической:

– Ну – зачем вам собственное богатство? Ну, скажите! Ну, объясните.

Вопрос ребёнка. Из тех „почему“, на которые даже отвечать смешно. Да для того, чтобы всякое „хочу“ переходило в „сделано“. Вероятно, такое же ощущение, как у богатыря – от игры и силы своих мускулов. Утверждение себя на земле. Смысл жизни.

Вздыхнул:

– Да это просто человечески: любить быть богатым. Неужели вы не понимаете, Владимир Ильич?

И – посмотрел. И вдруг в этой плешатё, и старой коже на висках, и уж слишком заострённом, уж слишком напряжённом изломе бровей заподозрел: а – не понимает, не притворяется. Всепронизывающий взгляд, а сбоку – совсем не видит.

Помягче ему:

– Ну, как вам сказать... Как приятно иметь полное зрение, как приятно иметь полный слух – вот так же и богатство...

Да разве Парвус из головы придумал, да разве это было его теоретическое убеждение – стать бога-тым? Это была – врождённая потребность, а порывы

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru торговли, гешефта, не упустить возникающую в поле зрения прибыль, были не планомерным программным, а почти биологическим действием его, происходящим почти бессознательно – и безошибочно! Это был – инстинкт его: всегда ощущать, как вокруг происходит экономическая жизнь и где возникают в ней диспро-порции, несоответствия, разрывы, так сами и прося-щие, кричащие – вложить туда руку и вынуть от-туда прибыль. Это было настолько его существом, что все свои разнообразные финансовые дела, теперь уже раскинутые на десять европейских стран, он вёл без единой бухгалтерской книги, весь подвижный де-бет-кредит – в одной голове.

(Ну, в конце концов, личное богатство – это Privatsache, частное дело, верно. Но глаза бурлили и добывали: вообще ли он – социалист? Вот догадка: 25 лет социалистической публицистики – а социалист ли он?..)

Но если ближе к предмету разговора:

– Я же говорю вам! богатство – это власть\ Пролетариат к чему стремится – к власти? Имя – у меня было 25 лет, и побольше вашего, и оно ничего мне не дало. А богатство – открывает все пути. Да хоть вот и эти переговоры. Какое же правительство поверит нищему – и даст ему миллионы на проект? А богатый – себе не возьмёт, у него свои миллионы.

Несоразмерная, несимметричная голова доверчиво свисала на бок, и дружелюбно, мирно смотрели на Ленина бесцветные философские глаза:

– Не теряйте момента, Владимир Ильич. Такие предложения жизнь подносит – один только раз.

Да, это понятно. Еще в первые дни войны, испытал непривычное удобство – благоприятствующее, подхва-тывающее крыло (тогда – австрийское), во мгновение перенесшее, куда заказано (не было к Швейцарии пас-сажирского движения – понёс семью Ульяновых воин-ский эшелон), захвачен был Ленин открытием такого преимущества: не зависать, не плавать среди слов и понятий, слов и понятий, но раз навсегда покончить с беспомощным зябким эмигрантством, прильнуть и соединиться с движением настоящих материальных сил. Как всегда и во всём – ив этом Парвус опять его опередил.

– Чтобы сделать революцию – нужны большие деньги, – убеждал Парвус, налегши плечом на плечо, дружески. – Но, чтобы к власти придя, удержаться – еще большие деньги понадобятся.

С другого конца – а поражало верностью.

По высшему центру своей мысли Парвус был не-сомненно прав.

Но по высшему центру мысли своей – несомнен-но прав был Ленин.

– Вы подумайте, если соединить мои возмож-ности – и ваши. И при такой поддержке! При вашем несравненном таланте к революции! – сколько ж можно околачиваться по этим дырам эмигрантским? Сколько ж можно: ждать революцию где-то там впе-реди, а когда она уже вот пришла, за плечо берёт – не узнать?..

Э, нет! Ничем! Ничем – ни совместной радостью, ни жаркой надеждой, ни уж, конечно, лестью, нельзя было на пелену ослабить зоркость ленинского взгляда! Самая узенькая трещина расхождений замечалась им прежде и больше, чем массивы сдвинутых платформ. Пусть – отодвинутый, пусть – неудачник, но во всех удачах Парвуса, и в пророчествах Парвуса посто-янно зная: нет, не так! или: нет, не полностью так! А хоть я – ничего не достиг, а правота у меня!

Да Парвусу – смешно, сотрясает смех грузное тело, любящее бутылку шампанского натошак и ванну принять и с женщинами поужинать, когда ревматизм не куёт к одру:

– Так и дальше думаете – деньги через налёт-чиков добывать? Теперь – „лионский кредит“ будете грабить? Так вас же в Каледонию сошлют, товарищи! На галеры!

Смех одолел.

В несогласии тонко шевельнулись брови Ленина. Но взгляд испытующий –

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru беспристрастно смотрит на проблему.

Налетать на банки еще прежде законной всеобщей экспроприации капиталов – теоретически здесь никакой ошибки нет, это – как бы взять займы у самих же себя из будущего. А практически – ну, как удаст-ся. В чём за революционные годы большевики несомненно успели – так именно в эсках. Начинали с налётов на билетные кассы, на поезда. А уж первые 200 тысяч из Грузии преобразили жизнь партии. А если бы в 907-м взяли в Берлине в банке Мендельсона 15 миллионов (Камо по пути арестовали, сорвалось) – так о-о-о! Метод рискованный, но очень эффективный, и во всяком случае не марает партию, как связь с иностранными штабами.

– Марает? Попасться боитесь? – тоже в щёлки сдвинул глаза, нарочно, стыдит, презирает и поучает Парвус. – А я вам скажу из верного опыта: на боль-ших... предприятиях – никогда не попадётся. А вот кто на маленьких жмётся – вот тот и попадается.

Толстокож! Что говорят – ему наплевать, прёт по миру тумбами-стопами, давит.

Косит у Ленина правый глаз. Сердится.

Парвус – в сочувствии. Он студенистыми руками берёт Ленина за обе руки, неприятная манера, он говорит как глубокий друг (с ним когда-то чуть не стали на „ты“):

– Владимир Ильич, не упускайте анализировать! Надо же проанализировать: отчего вы уже проиграли одну революцию? Не от ваших ли собственных недо-статков? Это важно на будущее. Смотрите, не про-играйте вторую.

Да откуда эта наглая самоуверенность?! Какого чёрта лезет в учителя? Опять себя навязывает в новые вожди? Уже ослеп от самолюбования!

Вырвал руки! И – с усмешкой, с прорезающей своей усмешкой при вздёрнутых бровях, в издеватель-ской естественной стихии усмешки, когда краснеет радостно в глазах, наслаждённый торжествующей из-дёвкой:

– Израиль Лазаревич! Вы бы больше – свои недостатки анализировали. Ту революцию я не про-игрывал, потому что я её не вёл. А проиграли её – в ы ! Как же вы сорвались?

И еще тут – ничего не сказано, деловой аргумент, еще остановиться можно. Но всё задыханье от этой туши, давившей рёбра столько лет, но сама стихия издёвки прорывает дальше нужного (и что у него кро-ме честолюбия? кроме жажды власти? кроме богат-ства?):

– А в Петропавловке – что вы так быстро упали духом, от одиночки, от сырости? Что за жалость над своим трупом? Что за патетический дешёвый дневни-чок на вкус немецкого филистера? Да бред об амни-стии! Да без пяти минут жалоба царю? Да разве это похоже на вождя революции? Какой вы вождь ре-волюции!

А сам? – маленький, плешатый, остробровый, остроглазый, с движеньями ёрзкими, суетливыми?

Но кроме них двоих – никому не оставалось быть.

Парвус никогда не краснел, как будто не было в нём той приливающей жидкости красной, а – водо-зеленистая, и такая же кожа. И – никак бы ему сейчас не гневаться, но когда Ленин выпячивался в издевательскую насмешку и еще подрагивал при этом, и еще подрагивал – бросало забыть о всех его до-стоинствах! И неразумно отбрить:

– Можно подумать – вы дрались на баррикадах! Можно подумать – вы хоть один раз прошлись в уличной демонстрации, когда ждали нагайки! Я по крайней мере бежал со ссыльного этапа! А вам – зачем бежать, если вы по ложному свидетельству вместо севера Сибири получаете Сибирскую Италию?

(Да тут чего только не вырвется: хорошо вам призывать к войне, из нейтральной Швейцарии да всю жизнь без воинской повинности!)

Если вот такое оскорбление выслушать публично

– то надо политически убивать, шельмовать до уни-чтожения. Когда непублично – можно разные реше-ния принять. Может быть, допустить и сочувствен-ность в этой критике. Может быть, и сам забрал острее нужного, такая дискуссионная привычка.

Ах, неразумно было так говорить! Не за тем ехал в Швейцарию, чтобы ссориться.

Парвус – очень может быть полезен, занял ис-ключительные позиции, зачем же ссориться с ним?

Ленин – основа всего Плана. Если он отшатнётся

– кто же будет революцию делать?

И – опять усмешка ленинская, но совсем другая, не кусачая, а – пронизательнейшая между умнейши-ми в мире людьми, и руку на плечо, и полушопотом:

– А знаете? А хотите знать вашу главную ошибку Пятого года? Из-за чего проигралась революция?

Со встречной самоотверженностью учёного, гото-вый любое тяжкое признание принять:

– Финансовый Манифест? Поторопился?

Между сдвинутыми их головами – покачал Ленин,

покачал пальцем, и улыбнулся как калмык на астра-ханском базаре, хваля арбуз:

– Не-ет! Финансовый Манифест – гениальный! Но ваши Советы...

– Мои Советы – объединяли весь рабочий класс, а не дробили его как социал-демократы. Мои Советы уже постепенно становились властью. И если б мы добились тогда 8-часового рабочего дня, только его одного! – в подражание нам начались бы восстания по всей Европе – и вот вам перманентная революция!

Ленин хитро, щёлками глаз смотрел, как самолю-бие Парвуса само себя выгораживало, и не торопился перебивать. Еще эта проклятая путаная перманентная революция всех их троих рассорила: в разные годы, как по карусели, друг другу в затылок, они занимали её положение, а выйдя из тени её – настаивали, что двое других неправы. Двое других всегда были или еще или уже несогласны.

– Да нет! – отмахивался Ленин заговорщицким шопотом, и всё с тем же хитро-добродушным азиатским оскалом. – Вы же сами так верно писали тогда: непре-кращаемая гражданская война! пролетариат не должен выпускать из рук оружия! – а где ж было ваше оружие?

Парвус насупился. Никому не нравится вспоми-нать свои промахи.

Всё так же держась за плечо собеседника, прикло-нясь, со щёлками глаз и пронизанием (он много думал об этом! да больше всего об этом и думал он!), и в расположении теперь поделиться:

– Не надо было ждать никакого Национального Собрания, еще другого, помимо Советов. Собрали Пе-тербургский Совет – вот вам и Национальное клас-совое собрание. А надо было...

Еще доверительней, вперёд как на конус, как в фокус, всем острым лицом, и взглядом, и мыслью, и словами:

– А надо было со второго дня завести при Совете

– вооружённую карающую организацию. И вот – это было бы ваше оружие\

И – замолчал, в свой конус упёртый. Уже больше ничто не казалось ему столь важно.

Особенность кабинетного мыслителя, мечтателя – он думал годами, и вот открыл, и вот ничто не каза-лось ему и через десять лет сравнимо по важности. Разрушительное эмигрантство, далёкое от действия, от истинных сил! – жалкая участь. Вся энергия лет и лет ушла на раздоры, на споры, на расколы, на грызню – и вот распахивал ему Парвус всемирное поле боя! – а он сидел на кровати сжатым сусликом и усмехался в конус.

Второй по силе ум европейского социализма – погибал в эмигрантской дыре. Надо было спасать его

– для него же самого.

Для дела.

Для Плана.

– Да вы – план понимаете мой? Вы – План мой принимаете?!?

Пробить это его окостенение: он задремал? он коркой покрылся? он ничего не воспринимает.

Еще придвинулся – и вплотную к уху, должен же вобрать:

– Владимир Ильич! Вы – в союз наш всту-паете?

Как глухонемой. Глаз – не прочтёшь. Язык не отвечает.

Рукой повиснув на его плече:

– Владимир Ильич! Пришёл ваш час! Пришло время вашему подполью – работать и победить! У вас не было сил, то есть не было денег, – теперь я волю вам, сколько угодно. Открывайте трубы, по которым лить! В каких городах – кому платить день-ги, назовите. Кто будет принимать листовки, литера-туру? Оружие перевозить трудней – но повезём и оружие. И как будем осуществлять центральное руко-водство? Отсюда, из Швейцарии, удивляюсь, как вы справляетесь? Хотите, я перевезу вас в Стокгольм? это очень просто...

Навязывал, вкачивал свою бегемотскую кровь! Вывернул из-под него плечи.

49

Прекрасно он всё слышал и всё понимал. Но за-слонка недоверия и отчуждения перегородила грудь Ленина для откровенности.

Довольно он уже ему о Девятьсот Пятом годе раскрыл.

Еще бы мог он не оценить этого Плана, кто же бы другой тогда мог оценить? Великолепная, твёрдая про-грамма! Удары – осуществимы, избранные средства – верны, привлечённые силы – реальные.

Теперь уже можно было признать: такого треть-го сильного ума, такого третьего проницающего взгля-да – не было больше в интернационале, только их два.

Так пятикратно осмотрительным надо было быть. В политических переговорах на самом даже гладком месте – подозревай! ищи западни.

Что ж, Парвус – опять впереди? Нет, теорети-чески, в общем виде, Ленин это самое и сформулиро-вал еще в начале войны. В общем виде – Ленин так и хотел, того и добивался. Но у Парвуса поражали деловые конкретности. Финансист.

Против этой грандиозной программы Ленин *не мог выдвинуть ни довода неверности, ни довода не-желания.

Всё так. По простому расчёту – главный враг моего главного врага – первым союзником во всём мире оказывалось правительство кайзера. В допусти-мости такого союза Ленин и не колебался ни мига: последний дурак, кто пренебрегает серьёзными сред-ствами в серьёзной борьбе.

Союз – да. Но выше союза – осторожность. Осторожность – не как предупредительная мера, но как условие всего действия. Без архи-архи-осторожно-сти – и к чёрту весь ваш союз и к чёрту весь ваш план! Нельзя ж было давать ахать и плевать хору социал-демократических бабушек по всей Европе. Под-пускал и Ленин осторожно, что там, Франция – рес-публика рантье, её не жалко. Но он всегда знал меру, где не договорить и сколько запасных выходов оста-вить. А Парвус – афишированно кинулся и безвоз-вратно потерял политическое лицо.

Вот когда Ленин понял слабость его и своё пре-восходство. Парвус всегда успевал выйти на открытие первым, и топал впереди, загораживая дорогу. Но у него не хватало выдержки на дальний бег: он не мог вести Совет больше двух месяцев, переубеждать немец-ких соци больше двадцати лет – срывался, отваливал-ся. А Ленин чувствовал в себе выдержку – на вечный бег, никогда не сорвать дыхания, бежать, сколько пом-нил себя – и до гроба, и в гроб свалиться, никуда не добежав. А – не сорваться.

Союз – да, охотно, пожалуйста. Но в этоМ союзе быть переборчивой невестой, а не настойчивым жени-хом. Пусть ищут – тебя. Держаться так, чтоб и при слабости иметь позицию преимущественную, незави-симую. Даже кое-что такое Ленин уже и сделал в Берне. Конечно он не пошёл стучаться к немецкому послу Ромбергу, как Парвус в Константинополе. Но Ленин разглашал свои тезисы, отлично зная, чьим ушам они могут понравиться – и тезисы до ушей дошли. И Ромберг сам прислал к нему революцион-ного эстонца Кескулу на переговоры, узнать намере-ния. Что ж, оставаясь в пределах своей истинной программы – свержение царизма, сепаратный мир с Германией, отделение наций, отказ от проливов – допустимо было чуть-чуть и подмазать: не изменяя себе, не искажая линию, можно было пообещать Ром-бергу и вторжение русской революционной армии в Индию. Измены принципам тут не было: ведь надо же штурмовать британский империализм, и кому ж еще другому? когда-нибудь и вторгнемся. Но, конечно, была уступка, подачка, извив, колёса затягивали, од-нако случай не опасный. Да и Кескула был со взгля-дом и повадками волчьими, характером и деловито-стью куда посильней размазанных российских с-д, – но и тут не чувствовал Ленин опасности: Эстонию так и так отпускать, как и все народы, из российской тюрьмы, искривления линии не было: каждый использовал дру-гого, не отступаясь. Вставили в цепочку Артура Зифель- да и Моисея Харитоновна, Кескула уехал в Скандина-вию, и очень-очень там помог, особенно в издательской деятельности, находил деньги на наши брошюры, по-мог наладить связь со Шляпниковым, а значит – и с Россией.

Во всём этом не было грандиозности парвусов- ского плана, но малая тихая верность – была. А зато политическое лицо – чистое.

Что появилось в Парвусе – это нетерпение (вот еще его недостаток). Уже видя, что разговор идёт не так, он кандидата своего упускает, – с горечью, с пре-зрением (а это помочь не может):

– Значит – и вы?.. Как все? Боитесь носик зама-зать? ждёте?

А он так надеялся на Ленина! – уж этот-то, думал, с ним! А если и с этим не сойтись – то с кем же еще?

И вытягивая последние доводы, волновался, поте-рял своё миллионерское самодовольство:

– Владимир Ильич. Не отставайте от времени. Кому бы-кому, но вам это непростительно. Неужели вы не видите, не поняли: эпоха революционеров с пачкой нелегальщины или с самодельной бомбой – отошла безвозвратно. Такие – ничего уже сделать не могут. Новый тип революционера – это гигант, как с вами мы. Он взвешивает миллионами – людей, рублей, и ему должны быть доступны те рычаги, какими госу-дарства переворачиваются и ставятся. А к тем рыча-гам дойти нелегко, вот приходится попасть и в шови-нисты.

Тоже верно. Верно. Но...

(Можно бы спросить: а что заплатит русская ре-волюция за немецкую помощь? Не спросил, избежал, только выхватил для себя, для памяти. Было бы наив-но ожидать бесплатно.)

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Но... Вступая в союз, прежде всего не доверяй союзнику. На зыби дипломатических
игр – в каждом союзнике прежде всего подозревай обманщика.

Ленин нисколько не дремал – он взвешивал. Если кто дремал – только не он, может
быть Парвус в берлинских переговорах? Ленин вот открыл глаза и насылал
допытчивую тревогу. И допрашивал, как до- стукивался в барабан:

– Да разве захочет правительство Вильгельма свергнуть русскую монархию? Зачем это
им? Им нужен только мир с Россией. А с русской монархией они будут охотно и
дальше жить и дружить. И все наши забастовки им только нужны, чтоб напугать царя
и вынудить к миру, не больше.

Да Па-арвусу ли надо объяснять! Это вид у него такой – богатый, упитанный,
холёная эспаньолка с оплывшего двойного подбородка. А если сказать от-кровенно
(а когда-то же, кому-то же и откровенно), тень сепаратного мира замучала все его
переговоры с германским правительством. Русско-германский мир был бы могилой
всего Великого Замысла. Всё время это подозрение, что они вот уже и деньги
платят на революцию, а в душе только и думают о сепарат-ном мире с царём,
кого-то невидимого посылают на контакты. Глухо, тайно такие попытки роятся и
надо о них догадываться – и вовремя высмеять, опроки-нуть: да царь уже и не в
состоянии заключить мир! если он, вдруг, и заключит с вами мир – то тогда власть
в России может перенять сильное национальное правое правительство, которое не
посчитается с обя-зательствами царя – и вы только усилите их пози-ции!..
Втолковывать пруссакам: нет уж, нет, реальный мир с Германией может подписать
только правитель-ство народного доверия. Дайте же миру быть первым лозунгом
революции, первой заботой нового прави-тельства! Ему будет и легче идти на
уступки: потому что оно не виновно в войне. От такого правительства

– Германия получит значительно больше...

Он уже видел тот договор, и готов был бы сам его подписать, обгоняя время.

И перехватил вспышку ленинского взгляда, что и он видел.

Всех подробностей не скажешь (не надо!): там есть разные направления, у немцев.
Большинство-то склоняется, что Англия – главный враг, и готовы к миру с Россией.
И, по несчастью, даже статс-секретарь Ягов, пруссак из пруссаков, хотя считает
натиск сла-вянства большей опасностью, чем Англия, но ему, ви-дите ли, неприятен
план разложить Россию револю-цией. (Этого совсем объяснить нельзя, выверты
аристо-кратической традиции, скептическая интеллектуальная расслабленность, он
не скрывает брезгливости к дипло-матии агентов, доверенных лиц и маклеров. Что
таков

– глава министерства иностранных дел, конечно, за-держивает очень.)

Но при своём изысканном уродстве Парвус умеет и покорять людей. И германский
посол в Копенгагене граф Брокдорф-Рантцау – это уже взятый человек, очарованный
несравненностью парвусовского ума.

Всеми аргументами против катастрофы сепарат-ного мира! Напряжённо убеждать:
революция в Рос-сии неизбежна, брожение пошло уже по всей стране, оно уже и в
армии, затронуло и офицерство, а обра-зованное общество всё кипит, что ж
говорить о рабо-чих, и даже военной промышленности, – довольно бросить спичку и
всё взорвётся! Вот можно даже на-значить точную дату – и выполнить её!

Но головастый, лбастый, маленький, юркий, ус-мешка почти не стирается с губ, а
убеждённый, ка-жется, еще меньше Ягова, безжалостно:

– Так соглашения у вас там – и нет? Недогово-рённость? Видимость?

Все вечное преимущество того, кто не действует: переспрашивать, быть недовольным,
указывать недо-статки.

Гребущими движениями обеих рук, как бы мешку туловища не опрокинуться назад,
выравнивается Пар-вус:

– Не на бумаге с гербами, конечно! Оно всё в динамике! – и надо в каждый момент
видеть все контуры и направлять его.

Направлять даже и стратегические удары. Объяс-нять, уговаривать, напряжённо советовать: только не наступление на Петербург! Этим бы создан патриотический подъём, Россия бы объединилась, а револю-ция заглохла. Но и – никаких военных успехов не давать царю и особенно важно не допустить до Дар-данелл, то было бы непоправимое укрепление его пре-стижа. А самый верный удар – на южном фланге: через союзную Украину, отнять донецкий уголь – и Россия кончена.

А еще они боятся, как бы это землетрясение да не отдалось в Берлине. И еще приходится убеждать, что русская революция не перекинется в Германию.

– Как это? как это? – дёрнулся маленький, всё же и поталкивая брюхатого, всё ж отвоёвыва себе место на кровати. – Да вы что?! Вы – примирились, что революция ограничится одной Россией? Вы – и в самом деле так думаете? – остро, колко, допытливо, исследовательски досматривал, проверял, нет, уже и с возмущением, как привык он ради принципа никогда не сдерживаться в оценках: – Так это ж – преда-тельство!

(Нет, Парвус – просто не социалист, он кто-то другой!)

Никуда не вылезая из Швейцарии, никакого дела нигде не коснувшись, он опять был прав, атаковал, порицал:

– Вот и куцо! Вот и не хватает предвидения! Да разве может революция устоять в одной стране?

Ну да, это всё была та самая перманентная, та заклятая бесконечная карусель, на которой обречены они были кружиться, кружиться, всё меняя места и разя друг друга попреками вчерашними или завтра-шними, и никто никогда не прав.

Он – и не хочет германской революции? Он к ней – и не стремится? Ну, не серьёзно же пишут о нём, что он стал немецким патриотом?

Но Парвус – уже не мальчик, на той карусели кружиться. Революционер нового типа, революционер- миллионер, финансист-индустриал ист, может себе по-зволить выражаться и откровеннее:

– Мировая революция сейчас недостижима, а со-циалистический переворот в России – достижим. Именно против царизма должны сплотиться все рабо-чие партии мира!

Откровеннее – не значит откровенно. Деликатная проблема, её нельзя открыто выразить в публичной дискуссии социалистических кругов. Но вот и с глазу на глаз единомышленнику не каждому скажешь.

Этот шароголовый, перекатчивый, колкий – поч-ти неуловим. Почти никогда нельзя предсказать его лозунга – удивляет всех и всегда. И совсем никогда не узнать, что он думает. Особых задач социа-лизма в России – он не понимает? Или не принимает? У него – вообще ослаб специфический интерес к России?

Даже с Брокдорфом эту проблему легче обсу-ждать. (Парвус вообще заметил, что с дипломатами всё обсуждать и прямее и проще, чем с социалистами.)

И остаётся только настаивать по поверхности:

– Любым путём уничтожить сейчас – именно царизм, надо думать об этом только!

И – к главному: как уничтожить? Весь смысл приезда и весь смысл этого разговора в том и есть: какие столичные, какие провинциальные подпольные организации согласен Ленин поставить сейчас на под-готовку восстания? Кто и где эти люди в их железной связи и в их непобедимой готовности? Знал же Парвус, кого рекомендовал германскому правительству как са-мого неистового русского революционера! Знал, за ка-ким союзником теперь приехал! Десятилетиями каза-лось: безумный раскольник! Он отметал всех союзни-ков, раздроблял все силы, не хотел слышать о партии профессоров, не хотел слышать о плавном экономичес-ком развитии, всегда – подполье! только – подполье! партия профессиональных революционеров! В мирную эпоху это казалось дико – и Парвусу, и всем, – но вот, при войне, прорисовалось, наконец, какой же он запасливый догадливый умница! Но вот когда, нако-нец, пришла пора использовать его могучую трениро-ванную скрытую

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru армию! Вот когда, наконец, приго-дится, что она есть. В расчёте на неё и велись перего-воры в Берлине, в расчёте на неё и составлен План.

Но Ленина так не собьёшь, не повернёшь, он – своё видит и своё настойчиво ведёт:

– И как вы так примитивно переносите револю-ционную ситуацию Пятого года на ситуацию нынеш-нюю?

Ну, это же ясно: война – разрушительней, дли-тельней, изнурение и горечь масс – несравнимы, ре-волюционные организации – сильней, либералы – и те сильнее, а царизм нисколько не укрепился.

А Ленин всё – своё, его глаза как будто не прямо смотрят, а – по кривым линиям заворачивают:

– Хорошо. Но как вы отсюда так смело назна-чаете дату начала?

– Ну, Владимир Ильич, ну какую-то же надо на-значить – как цель, для единства действий. Ну пред-ложите другую. Но 9 января – наилучшая, символи-ческая, все помнят, и многие даже без нашего сигнала начнут. Легче на улицу выйдут. А – лишь бы первые вышли, а там – пойдёт!!

Что-то жмётся, жмётся Ленин. Ну, понятно: из-любленное подполье открыть – значит, отдать. Не-охотно.

Уже то, что Парвус так горячо настаивает, – показывает, что хочет тебя использовать.

– Так как же, Владимир Ильич? Пришло время действовать!

(О, понятен ваш план! Вы выступите сейчас объ-единителем всех партийных группировок плюс ваша финансовая сила плюс ваш теоретический талант, и вот вы – вождь единой партии и Второй революции? Снова?!)

Но – из глаз невычитываемых, но с губ непро-шевелившихся, но через лысоту непроницаемого кот-ла, – с прониканием тоже нерядовым, вырвал Парвус ленинские мысли, развернул, прочёл и ответил с боко-вого захода:

– Почему и предлагаю я вам ехать в Стокгольм: чтоб вы сами руководили от начала и до конца. Вы мо-жете мне никого не называть, ничего не открывать – только берите деньги, листовки, оружие – и посылай-те! Я, – вздохнул Парвус с ослаблением, измотаешься ж в этих политических переговорах, – я, Владимир Ильич, – не тот, что десять лет назад. Я – в Россию не поеду. Я – считаю себя немцем теперь.

(Тем подозрительней. А что ж он всё – о России?)

– Мне только нужно, чтоб выполнен был План.

...Только может быть и План – мы понимаем

неодинаково?..

Ртутно-неуловимый, ни в руки, ни в аргументы:

– Это значит – как и вы, открыто измараться о германский генштаб? Революционер-интернациона-лист этого себе позволить не может.

Раза два еще загребя, загребя обеими руками, привалился к собеседнику непробиваемому:

– Да не марайтесь! Не надо! Эту грязь – я беру, я взял на себя. А вам – даю чистые миллионы. Только – подайте мне трубы, по которым их лить. Только сплетём наши подземные, подводные, тайные нити – и мы взорвём Вторую русскую революцию!! А??

И глазами, где ум не потратил себя ни на радугу красок, ни на ресницы, ни на брови, – бесцветным концентрированным умом – проникал, хотел понять: отчего же –

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru отказ?

Но в ленинские глаза, бурящие, выкапывающие, нельзя было войти, как нельзя войти в шило.

Двумя шильцами, двумя шильцами и с усмешеч-кой косенькой – недоверчивой, угадчивой и опровер- жительной, встретил Ленин такой заман:

– И для этого, вы сказали, – шелестел его голос ехидно, – примирительная конференция в Женеве? Будем примиряться? С меньшевичками? – И откинул-ся, как отброшенный, еще б и дальше, да спинка кро-вати держала: – Да вы что?!? Что значит – прими-ряться? Уступить меньшевикам ??? – Встряхами головы как бил, как бодал: – Ник-огда! Низ-зачто! С меньшевиками? Да пусть лучше царизм стоит еще тысячу лет, но меньшевикам – не уступлю ни миллиметра!

Да он вообще – социалист ли?!.

А Ленин еще доканчивал молча удары головой. Добивал кого-то. Договаривал что-то – со всею ярост-ной мимикой, но – беззвучно.

Нич-его Парвус понять не мог. Всё-таки, ехал – такого не ждал. Великий неутомимый и самый край-ний революционер при самой лучшей ситуации, при всех высланных ему услугах – и не хотел делать революцию??.

Уже теряя надежду, уже так просто:

– Но для чего же тогда двадцать лет этих теоре-тических сражений, разграничений? Где же ваша по-следовательность? Вы готовили подполье? Вот ему луч-шее применение, другого такого не наступит во всю вашу жизнь! Что же вы, роль играли?

А у того – не замкнутся губы, аргументы всегда в десятках:

– Будем ли упрекаться в непоследовательности? Вы тоже говорили: кучка не может принести револю-цию массе. А сейчас?

Свесился, свесился Парвус, подбородком с головы, головою – с шеи, шеей – с туловища, руки между колен.

– Да-а-а-а...

Отказом Ленина Великий План казался почти раз-рушенным.

– Ну что ж... Хорошо... Плохо... Времени оста-лось мало... Значит, буду создавать собственную орга-низацию.

Просчитался Ленин! Пожалееет когда-нибудь.,

– Хоть уступите мне кого-нибудь? Нашего обще-го друга?

(Рвать мостов не надо, ссориться не надо, Парвус еще ого как пригодится.)

– Кого это?

–: Ганецкого.

– Берите.

– Чудновский, Урицкий – у меня уже там. Бу-харина?..

– Не-ет, Бухарин не для этого.

– Так. А – сами в Скандинавию? Быстро пере-везу.

Шилыда-глаза:

– Нет. Нет, нет!

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru Тяжело-тяжело мешку себя таскать. Тяжело вздох-нул, от души:

– Да-а-а... А еще была, всей жизни моей мечта, и вот теперь по средствам доступно: выпускать свой собственный социалистический журнал. – Силился гордо закинуть одутловатую голову, повторить отважного, горячего, с кого пошло: – „Колокол“!

Ух-хнула, бух-хнула кровать их четырьмя ножка-ми, опустясь на сапожников пол.

50

Удачливый подпольщик – не тот, кто прячется под полом, как мышь, избегает света и общественного движения. Удачливый находчивый подпольщик – са-мый деятельный участник всеобщей естественной жизни с её слабостями и страстями, он – на виду, в жизненном кипении, и занят чем-то понятным для всех, и допустимо ему тратить на эту повседневную деятельность большую часть времени и сил, – а главная тайная деятельность его течёт рядом и тем успешней, чем она органичнее связана с открытой повседневной. В этом высшая простота: тайное дело делать в простой связи с открытым.

Так это понимая (у Парвуса невелик был опыт подполья – несколько месяцев 1905 года, после раз-грома Совета и до ареста, потом после ухода из ссылки и до ухода за границу), а еще более понимая, что естественнее заниматься человеку именно тем, к чему его влечёт, в чём его призвание и дарование, – Парвус после разрушительного отказа Ленина в мае 1915-го делать революцию совместно и берясь теперь за всё то один, придумал, да даже не придумал, а как дыша-ние это к нему пришло: что он и его сотрудники будут заниматься в первую очередь и главным образом коммерцией – а революция будет к ней при-стёгнута.

И тем же летом он создал в нейтральной Дании, сохранившей первую привилегию свободного западно-го государства свободно торговать, – Импортно-Экс-портное бюро, которому и естественно было теперь начать торговлю с фирмами любого другого государства – Германии, России, Англии, Швеции или Нидер-ландов, брать где что выгодно и продавать, куда вы-годно. Коммерческим директором этого предприятия Парвуса тотчас и стал, с согласия Ленина, Ганецкий. Соединение двух таких огненных коммерсантов, есть не удвоение коммерческой мощи, но умножение её. А затем к ним примкнул и третий, мало чем уступаю-щий двум первым – Георг Скларц (нельзя сказать, чтобы нанесла его судьба-случайность, но был он дру-жественно прислан на сотрудничество от разведки гер-манского генерального штаба). Этот Скларц (после войны много погреевший в Германии, даже и в суде-бных процессах, где еще и артистом выдающимся выявил себя), оказался самый наинужный третий к ним двоим – тоже гений коммерции, находчивый, со-образительный, молча и быстро готовый к любому поручению и любому обороту дела, изо всякого выйти успешным. (А за собою он вёл и еще двух братьев Скларцев: Вольдемара, который стал работать непо-средственно в их торгово-революционной конторе, и Генриха, – тот под псевдонимом Пундик уже вёл в Копенгагене с Романовичем и Догопольским тайное бюро, ловя для германского генштаба незаконный экс-порт из Германии.) Задуманное соединение хозяй-ственной и политической деятельности быстро оправ-дывало себя: гешефт работал на политику, а политика создавала льготы для гешефта. Поддержкой герман-ских военных властей деятельность парвусовской кон-торы облегчалась и делалась еще более доходной.

Едва возникнув, Импортно-Экспортное бюро за несколько месяцев расцвело, и покупало, продавало и перевозило, не ища себе скрупулёзной специализации – медь, хром, никель, резину, из России в Германию особенно – зерно и продукты, из Германии в Россию особенно – технические приборы, химикалии, лекар-ства, а были в ассортименте и чулки, и противозача-точные средства, и сальварсан, икра и коньяк, и по-держанные автомобили (в России удалось договорить-ся, чтоб они не подлежали далее у покупателей воен-ной мобилизации). В западной торговле много и дру-гих подобных контор толкалось рядом локтями, но в торговле с Россией, на главном для себя направле-нии, контора Парвуса заняла монопольное положе-ние. Часть товаров везлась открыто, по легальным экспортным лицензиям, другая – по фальшивым де-кларациям или даже контрабандой, это требовало изобретательности в упаковке и погрузке, кому-то при-ходилось попадаться и отвечать, – но во всём этом и вертелись Ганецкий со Скларцем, позволяя Парвусу покойно оставаться в излюбленной им тени и вести большую политику.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Гениальность соединения торговли и революции в том и состояла, что революционные агенты под видом торговых, во главе с петербургским адвокатом Козловским, ездили от Парвуса совершенно легально и в Россию, и по России, и назад. Но высшая гениальность была в отправке денег: кажется, неосуществимая задача – беспрепятственно и быстро переливать деньги германского правительства в русские революционные руки, осуществлялась торговой конторой с лёгкостью: она везла в Россию лишь товары, только товары, но – с избытком против закупленного в ней, – а выручка сотрудничающих фирм, вроде фа-биан Клингслянд, по общепринятому порядку посту- пала в банк (Сибирский банк в Петербурге), а там дальше было внутреннее дело конторы – забирать её из России или нет, даже для России выгоднее, чтобы деньги оставались в ней. Петербуржанка Женя

Суменсон, посредница Ганецкого, в любое время любую сумму вынимала и передавала в революционные руки.

Вот был гений Парвуса: импорт товаров, таких нужных для России, чтоб вести войну, давал деньги выбить её из этой войны!

Тем же своим настойчивым методом соединения тайного и явного Парвус набирал и революционных сотрудников конторы. Для этого он создал в Копен-гагене еще одно подсобное учреждение – Институт по изучению последствий войны, и для набора сотрудников его открыто и много встречался, знакомился, беседовал с социалистами. И всякий раз, когда кандидат проявлял желание и способность нырнуть в глубину – он нырял и становился тайным. А если оказывался неспособным или неподатливым – ничто ему не разъяснялось, и разговор был натурален, и можно было оставить его легальным сотрудником Института: Институт тоже не был фикцией, он тоже отвечал прилегающей страсти Парвуса к теоретическим экономическим исследованиям, как и издаваемый в Германии, хорошо оплаченный „Колокол“ удовлетворял его социалистической страсти. (Очень рвался в этот Институт – Бухарин, и, действительно, не было для него лучшего места, а для такого института – лучшего сотрудника, но разборчивый и чистоплотный Ленин запретил своему молодому однопартийцу связываться с этим темным Парвусом, как и Шляпникову – прикасаться к этому двусмысленному Ганецкому.)

Всё это Парвус решил блистательно – ибо всё это было в его природной стихии. Куда трудней было дальше: кому же передавать в России те деньги? и как вызвать революцию в огромной России дюжиной торговых агентов, да несколькими западными социалистами вроде Краузе? Легче всего было в Петербурге, много связей, тут и Козловский бесподозренно мог вести адвокатский приём и вербовать нужных из заводской среды, тут и действовала рьяная группа меж-районцев, не признающая ни меньшевиков, ни большевиков, как раз исконное направление Парвуса, и через их единомышленника Урицкого был в эту группу действенный вход. Несмотря на раскол социалистических сил в Петербурге, там у Парвуса сколотился хороший актив, и особенно – на Путиловском заводе. Но хотя и верно замечено, что революции в государствах совершаются одними лишь столицами,

– для надёжности первичного толчка такой обширной стране непременно нужны были волнения и в провинции. А собственные живые связи были у Парвуса только в Одессе и из Одессы в Николаев. Всю эту немую косную необъятную страну некем; было поднимать: несколько агентов, даже денег не жалея, в несколько оставшихся месяцев не могли создать сети. А Ленин свою готовую – предательски скрыл.

Но отлично понимал Парвус, но помнил по Пятому году и: как волнения рождаются. Для забастовки, для возбуждения, для выхода на улицу не только не требуется согласное решение большинства, но даже и одной четверти массы, но даже и одну десятую избыточно подготавливать. Одиночный резкий выкрик из толпы, один оратор на проходной, два-три молодца, поднявших кулаки или палки, бывают вполне достаточны, чтобы дать импульс целой заводской смене не идти по цехам или выйти на улицу. А еще оставались

– осуждающие власть разговоры с соседями, передача пугающих слухов (такой слух как электрический разряд ударяет дальше без усилий), а еще оставался разброс листовок по заводским уборным, по курилкам, под станками, – для всех этих первых толчков на пяти тысячный завод довольно и пяти человек, а таких пять человек всегда можно если не по убеждениям найти, то купить в соседнем трактире: кто из трактирных попрошаек не хочет привольных денег?

И – отдельных заводских толчков было бы недостаточно в обстановке иной, но на

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
втором году войны, уже проглотившей столько, при внезапно подступившем голоде, при поражениях армии, при всеобщем брожении и после одной испытанной этим поко-лением революции – таких нескольких толчков до-статочно, убежден был Парвус, чтобы породить спол-зание лавины. Его стратегия была – лавина от не-скольких снежков. Без помощи Ленина за оставшиеся месяцы он не мог успеть больше. Но и в самой дате

– 9 января – уже таился рок для царизма: даже безо всяких агентов и без единого рубля от Жени Суменсон

– этот день не мог пройти спокойно. Но хорошо было

– подтолкнуть его.

И так, безраздельно очаровав графа Брокдорфа- Рантцау, едва не диктуя ему его копенгагенские доне-сения в министерство иностранных дел, Парвус уверен-но обещал русскую революцию – 9 января Шестнад-цатого года.

Он – надеялся, что будет так. Избалованный да-ром своих далёких пронзительных пророчеств, он, оставаясь человеком Земли, не всегда отделить умел вспышку пророчества от порыва желания. Разруши-тельной русской революции он жаждал настолько яро, что простительно было ему ошибиться в порыве.

Но не было это простительно перед германским правительством, а особенно – перед статс-секрета-рём Готтфридом фон-Яговым. И всегда – иронист, презиравший этого социалистического грязного мил-лионера, Ягов теперь заключил, что Парвус надувал германскую империю, никакой революции реально не готовил, а взятые миллионы скорее всего положил себе в карман. По правилам разведок за такие расходы не спрашивается бухгалтерский отчёт. Но далее в Шестнадцатом году из министерства иностранных дел Парвусу не заплатили более ни феннига.

Это – не было поражение полное и даже внешне

– совсем не поражение. Импортно-Экспортное бюро продолжало вращаться и обогащаться. На замену ми-нистерству иностранных дел сочувственно влился ген-штаб. Институт по изучению – что-то собирал и изу-чал. Парвус деятельно вмешался в снабжение Дании дешёвым углем, привлёк датские профсоюзы, сошёлся на равных с вождями датских, а затем и немецких социалистов. Он получил, наконец, немецкое граждан-ство, которого искал и просил с 1891 года – и теперь при первых же послевоенных выборах несомненно вы-ходил бы в лидеры социалистического парламентского крыла. Его „Колокол“ продолжал выпускаться, зовя Германию к патриотическому социализму. Его соб-ственное избыточное богатство росло, капиталы были вложены пакетами акций почти во всех нейтральных странах и уж, конечно, в исходных своих Турции и Болгарии. В аристократическом квартале Копенгагена его особняк был обставлен диковинностями нувориша, охранялся лютыми собаками, а на выезд ему подавал-ся элегантный „Адлер“. И даже влияние на графа Брокдорфа ему удалось сохранить ненарушенным – этому постоянному собеседнику впечатать в сознание всю сложность революционной задачи и всю механику затруднений. И через Брокдорфа, сколько позволял такт, – мешать возобновившимся германским поискам сепаратного мира с Россией.

И казалось бы: вереница успехов на прямом пути этого человека могла бы вполне насытить его. Но нет! – таинственным образом беспокойство так и не вы-полненной задачи, – хотя в т у страну он никогда уже не собирался возвращаться, – томило и тянуло его. И в долгих ужинах с прусским аристократом он ва-рьировал и пояснял в применении к немецкому взгля-ду эту свою скорей уже не программу теперь, но – политическое завещание, но – зыбкий очерк буду-щего. Как революция, едва начавшись, должна наби-рать свой размах подобно Великой французской – судебным преследованием и казнью царя: только та-кая первичная жертва открывает революции безгра-ничность! Как должен быть расщеплён крестьянам самовольный раздел поместий – и только этим от-кроется подлинный размах анархии. А когда анархия достигнет своего высшего взлёта и широчайшего раз-лития – именно в этот момент Германия военным вмешательством могла бы при самых ничтожных по-терях и самых огромных выгодах навсегда освободить-ся от глыбной восточной опасности: потопить её флот, отобрать её вооружения, срыть укрепления, навсегда запретить армию, промышленность военную, а то и, лучше, всякую, ослабить её отсечением всего, что толь-ко можно отсечь, – и оставить её выкатанной гладкой доской, пусть забудет десять веков своих мерзостей, и начинает свою историю снова!

Парвус никогда не забывал зла.

Но сегодня не видел, что хмог бы сделать еще.

А имперское привительство позорно искало сепаратного мира с этой неуничтоженной державой.

А здоровье статс-секретаря фон-Ягова всё подтачивалось, всё подтачивалось – и поздней осенью шестнадцатого года он счастливо ушёл в отставку, уступая пост деятельному Циммерману, не перенявшему от своего предшественника устарелого пренебрежения к тайным доверенным лицам и политическим маклерам.

И – взмыли новые планы действовать! И – естественно поднялся старый укор Ленину: что же он!! что же он??.

Кровать – ударила четырьмя ножками о сапожников пол, – и Парвуса выдавило, поставило на ноги- тумбы. И он, тяжело разминаясь, переступил, неся мешок своего изнеженного тела. Обошёл, сел по ту сторону стола, не брезгуя измазать белоснежные ман-жеты о нечистую клеёнку Ульяновых.

И усмехался – уже не как сильному, уже не как равному, но жалковатому норному зверьку:

– Н-ну?.. Так говорите: Циммервальд?.. Кинталь?.. И хорошо голосуют левые?.. А что же сделала великая партия за два года у себя на родине?.. Почему – ни пузыря на российской поверхности?

Ленин так и сидел на кровати, утанывая, и кло-нилась тяжёлая голова без ответа.

– Вы же говорили – денег вам не надо?

Ленин отвечал потерянно, еле слышно:

– Мы – так никогда не говорили, Израиль Лаза-ревич. Деньги – оч-чень нужны. Чертовски нужны.

– Да я же предлагал! А вы отказались!

Ленин – с пересыхающим усилием:

– Почему – отказались? От разумной нетребовательной помощи – мы никогда не отказываемся. И даже охотно...

– В детские игры вы тут играете, в Швейцарии,

– хотела бы туша торжествовать, да торжества не было: Россия не проигрывала войны, Германия не выигрывала, их общий главный союзник сдавал.

Ленин еле выводил фразы из горла:

– А за крупные игры надо крупно платить и са-мим.

У него был – больной взгляд. Открыл глаза до-ступней обычного – глаза больные, и как будто чтоб от этой боли отвлечься, лишь для этого, но, по болезни, и без напора:

– Да ведь и ваша революция, Израиль Лазаревич

– тоже тю-тю, мыльный пузырь... Да и наивно было ждать другого.

Заколыхался возмущённый Парвус, и огонь фи-тиля, повторяя его дыхание, закачался, запрыгал, за-коптил:

– Да сорок пять тысяч бастовало в Петербурге! А ну-ка, подняли б вы отсюда еще своих сорок пять?!

Не давал Ленину возразить, что в тех сорока пяти

– и его были.

– ... Путиловский у меня по сроку сбился – а молодчина, как забурлил! А вот Невская Застава меня подвела – что ж вы её не подняли? В Николаеве – я прекрасную разыграл стачку – 10 тысяч! и с условиями – невыполнимыми, обеспечено было восстание! – так тоже на четыре дня опоздало. Отсюда не так легко там к одному дню стянуть. А Москва вообще

не шелохнулась? Что же ваш московский комитет?!

(Хотел бы Ленин и сам это знать!)

А Парвус – разошёлся, хвастался, как богатством, на пальцах загибал:

– Екатеринославский металлургический – я поднял! И Тульский меднопрокатный! И Тульский патронный!..

Все эти стачки, действительно, прогрохнули в январе, не 9-го, но – кто их там поднял, кто их там вёл? Отсюда не видно, не доказать, и каждый себе приписывает, меньшевики тоже.

– Совсем немного оставалось – где же ваши были? Межрайонцы мне помогли беззаветно, огневые ребята, да кучка их. А вы с меньшевиками – всё мячики перекидываете? Может – вашими листовками, не моими, Россия завалена, а?.. А – „Императрицу Марию“ я взорвал – не заметили? – громыхал, глаза вычудились. – Броненосец на Чёрном море – не заметили??!

Руки белые холёные подкинул – вот этими руками броненосец взорвал!

– Почему ж не хотели вы соединиться, Владимир Ильич? Где же ваши стачки? Где же ваши восстания? На каких заводах вы можете обеспечить забастовку в назначенный день?.. С какими национальными организациями вы работаете?..

Неужели не понимает?.. Со всем его умом? Так это удача, хороша маскировка, значит и дальше так держаться.

Почему не соединились!.. Конечно, как-то можно было заманеврировать меньшевиков. И как-то можно было бы разделить руководство (хотя вот это, вот это, вот это больней и невозможней всего!). А...

А... ограничено умение каждого. Ленин – писал статьи. Брошюры. Читал рефераты. Произносил речи. Агитировал молодых левых. Всеевропейски сек оппортунистов. Он, кажется, досконально успел узнать вопросы промышленный, аграрный, стачечный, проф-союзный. Теперь, после Клаузевица, и военный. Он понимал теперь, что такое война, и как ведётся вооружённое восстание. И с настойчивой ясностью мог это всё разъяснить, кому угодно.

И только одного он не мог – сделать. Только не мог он – взорвать броненосца.

– Но даже и сейчас не потеряно, Владимир Ильич! – утешал, подбодрял Парвус через стол. Он вынул часы золотые из жилетного кармана, кивнул им одобрительно. – Революцию – переносим на 9 января Семнадцатого года! Но только уж – вместе! Но в этот раз – вместе?

Ну, почему – не вместе?? Не понимал пронизывающий Парвус.

А – не из чего было кроить разговор. А – не из чего было ответить. В позиции, скрываемо, почти ничтожной – в какой там союз можно было вступить или не вступить? Надо было только достойно утаить своё бессилие: что никакой действующий организации у него в России нет, никакого подполья – нет. Если что есть – оно там шевелится само, неподвластно ему и в неподвластные сроки. Что там есть – он просто не знает, у него нет бесперебойной связи с Россией, нет возможности послать распоряжение или получить ответ. Он рад бывает, если единственный шляпников перекинет через границу пачку „Социал-Демократов“. С Аней, сестрой, переписывались химически-ми чернилами – и это оборвалось. Какие там еще национальности поднимать? – тут бы партии своей сохранить хоть кусочек...

А Парвус, из скрипящего стула вывешиваясь в обе стороны, еще великодушно:

– А как там ваши сотрудники русскую границу пересекают? Неужели – своими ногами да в лодочке? Да это же старьё, XIX век, это забывать надо! Пожа-луйте, сделаем им хорошие документы, будут ездить первым классом, как мои...

Парвус, может, и уродлив, но, там, для женщин или на трибуну выйти. А глаза его бесцветные, водянистые – неотвратимо умны, уж это Ленин мог оценить.

Только бы – уйти от них. Только бы не догадался.

Что именно делать – Ленин не мог. Всё остальное – умел. Но только не мог: приблизить тот момент и сделать его.

А Парвус со своими миллионами, вероятно ору-жием в портах, со своей конспирацией, уже надёжно захватя Путиловский, – схлопывал белые пухлые ру-ки, однако умеющие делать, и допытывался:

– Да чего же вы ждёте, Владимир Ильич? Почему сигнала не даёте? До каких же пор ждать?

А Ленин ждал – чтобы случилось что-нибудь. Что-бы какая-нибудь попутная материальная волна пере-кинула бы его челночек – в уже сделанное.

Как на посмешку, все ленинские идеи, на которые он жизнь уложил, вот не могли изменить ни хода войны, ни превратить её в гражданскую, ни вынудить Россию проиграть.

Челночек лежал на песке как детская игрушка, а волны не было...

А письмо на дорогой зеленоватой бумаге лежало и спрашивало: так что же, Владимир Ильич? Участие ваших – будет или нет? Ваши явочные адреса? Ваши приёмщики оружия?.. Что у вас есть реаль-но, скажите?

Что есть – Ленин как раз и не мог ответить, потому что: не было ничего. Швейцария была на од-ной планете, Россия на другой. У него было... Крохот-ная группа, называемая партией, и не все учтены, кто в неё входит, может и откололись. У него было... Что- Делать, Шаг-Два шага, Две Тактики. Эмпириокрити-цизм. Империализм. У него была – голова, чтобы в любой момент дать централизованной организации – решение, каждому революционеру – подробную ин-струкцию, массам – захватывающие лозунги. А боль-ше не было ничего и сегодня, как полтора года назад. И потому – из военной предусмотрительности и из простой гордости – не мог он обнажить своё слабое место Парвусу и сегодня, как полтора года назад.

А Парвус – нависал через стол, с насмешливо-рыбьими глазами, со лбом, не меньше накатистым, чем у Ленина, и ждал и требовал ответа.

Он так хорошо перехватил инициативу: спраши-вать, спрашивать, тогда не надо объяснять самому. Но у него тоже были причины – почему он молчал пол-тора года, а именно теперь обратился?

Избегая нависшего недоумённого взгляда из-под вскинутых безволосых бровей, Ленин катал и катал шар головы по письму, ища, как благовиднее отказать в помощи, а не потерять союзника, как скрыть свою тайну и угадать тайну собеседника. Обходя, что было в письме, и ища, чего в письме не было.

Встречную слабость как всякую трещинку выхва-тывал Ленин прежде всего.

Не было: почему обращается Парвус снова так настойчиво? Значит – сил не хватило? А может – и денег? Ослабела агентура? А, может, немецкое пра-вительство не так уж и платит? Ох, тяжела эта служба, когда увязла лапа...

Как хорошо быть независимым! Э-э, мы еще не так слабы, мы не последние по слабости.

Правая рука с карандашом привычно шла по письму, размечая для ответа – чертами

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru прямыми, волнистыми, хвостиками, вопросительными, восклица-тельными... А левая быстро-быстро потирала лбину, и лбина набирала аргументы.

Упрекал Троцкий своего бывшего наставника в легкомыслии, нестойкости, и что покидает друзей в беде – это всё сантиментальная чушь. Это всё недо-статки простительные и не мешали бы союзу. Если бы не делал Парвус грубых ошибок политических. Нельзя было так бросаться на мираж революции, открывая себя публично. Нельзя было делать из „Колокола“ –

клоаку немецкого шовинизма. Вывалялся бегемотина в гинденбургской грязи – и погибла репутация! И – погиб для социализма навсегда.

А – жаль. А – какой был социалист!

(Погиб – но ссориться, всё-таки, не надо. Еще

– ой-ой, как может Парвус помочь.)

От самой бумаги, от обреза стола, Ленин осмеле-ло поднял голову – посмотреть на своего неутомимо-го соперника. Контур головы его, и без того бесфор-менной, рыхлых плеч – расплывались и колебались.

Колебались – как качались от горя. Что даже с Лениным не умел он объясниться начистоту.

И, потеряв черты лица, уже больше как облако синеватое – печально оттягивался, клонился, перехо-дил, перетекал в окно.

Но пока еще было не совсем поздно, Ленин вы-крикнул вдогонку, без торжества, но для истины:

– Дать связать себя в политике? Ни за что! Вот в чём вы ошиблись, Израиль Лазаревич! Взять от дру-гих нужное? – да! Но себе связать руки? – нет!!! Союз с кем-нибудь нелепо понимать так, чтобы свя-зали руки нам\

Утянуло всё дымом, не оставив осадком ни Склар- ца, ни баула. И шляпа опоздавшая сорвалась со стола

– и швырнулась вослед.

Оказался Ленин дальновиднее! Пусть он не делал никакой революции, пусть он был беспомощен и без-рук, но знал он свою правоту, не сбивался: идеи дол-говечнее всяких миллионов, без миллионов можно и перетерпеть. Ничего, ничего, и эти конференции с ба-бами и с дезертирами – они тоже все оправдаются. С алым знаменем Интернационала можно и еще 30 лет переждать.

Сохранял он главное сокровище – честь социа-листа.

Нет, рано сдаваться! И рано бросать Швейцарию. Еще несколько месяцев настойчивой работы – и мож-но будет швейцарскую партию расколоть.

А тогда вскоре – начать здесь революцию!

И отсюда зажётся – всеевропейская!

из Узла III

«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»

Л-1

Эта минувшая зима была наполнена архидрама-тической борьбой и могла бы завершиться пролетар-ской революцией в Швейцарии, а через неё и во всей Европе, – если б не подлая измена шайки вождей, измаравших, оплевавших, заблудивших всю швейцар-скую партию, а прежде и гаже всех – из-за негодяя, интригана, политической проститутки Гримма. И ста-рой развалины Грёйлиха. И других грязных мерзавцев.

Поверхностному филистерскому взгляду – а та-ков взгляд большинства людей и даже революционе-ров, свойственно не замечать крохотных трещин в колоссальных горных массивах и не понимать, что через такую трещинку при умении можно развалить весь массив. Напуганному обывателю, наблюдающему всеевропейскую войну миллионов армий и миллионы снарядных разрывов, невозможно поверить, что оста-новить этот железный ураган (изменить его направ-ление) доступно самой малой кучке, но предельно решительных лиц. Для того необходимо, правда, собы-тие огромное – всеевропейская же революция. Но для европейской революции может достаточна оказаться революция в маленькой нейтральной, но трёхязычной, но в сердце Европы, Швейцарии. А для того надо овладеть швейцарской социал-демократической парти-ей. А если её нельзя овладеть, то её нужно расколоть и выделить боеспособную часть. А для того, чтобы расколоть такую партию, как швейцарская, – не по-верят оппортунисты и книжные теоретики! – нужно всего человек пять решительных членов этой партии да человека три иностранца, способных дать местным товарищам программу, готовить им тексты и тезисы выступлений, писать для них брошюры.

Итак, чтобы перевернуть Европу, достаточно мень-ше десятка умелых неуклонных социалистов! Кегель- клуб.

В Кегель-клубе обдуманное осенью, вокруг Кегель- клуба и завязалось начало этой работы. После неудачи на ноябрьском съезде швейцарской партии, сперва как бы лишь для психологического реванша молодых, Ленин составил им реальные практические тезисы – об их задачах в их борьбе. Углубление многих меся-цев, даже чтение ничтожных швейцарских газет – всё пригодилось тут. Потом вокруг тезисов стал соби-рать разъяснительные заседания с молодыми левыми. Пустили тезисы течь по всей Швейцарии. Замысел был: хотя бы одна самая крохотная местная партий-ная организация приняла бы их – и тогда законно можно было бы требовать, чтобы социалистические газеты их опубликовали – и так тезисы потекли бы в обсуждение еще шире. Искали, как напечатать те-зисы листовками, как распространить их несколько тысяч (все – говоруны, безрукие, кто хандрит, кто притворяется – никто не может толком распростра-нить).

Начать вообще самостоятельное издание листовок? Но главная опора, вождь молодёжи, Мюнценберг вор-чал, что литературы и без того хватает. (Как будто такая литература бывала у них когда!) Слабы швей-царские левые, дьявольски слабы.

И нетерпеливый взгляд революционера заметил другую желанную трещину, она обещала больше и бы-стей: приближался* новый съезд швейцарской партии, назначенный на конец января и специально посвящён-ный (верхушку вынудили обещать) отношению к вой-не. Замечательная это была возможность, чтобы рас-трепать, расколотить всё оппортунистическое руковод-ство и на глазах швейцарских масс расстрелять его

неотклонимыми жизненными вопросами: допустимо ли довести Швейцарию до войны? допустимо ли потом-кам Вильгельма Телля умирать за международные банки? допустимо ли... и т. д., и т. д., тут можно много наработать. Такой съезд был еще потому особенно опасен для оппортунистов, что в сентябре будущего 17-го года предстояли выборы в парламент, и как бы теперь ни постановили они – за отечество или против – партия на выборах неизбежно расколется или даже перестанет существовать – а то и нужно нам!

Оппортунисты смекнули и стали маневрировать: нельзя ли вообще отложить опрометчиво обещанный съезд, нельзя ли вообще никак не решать военного вопроса, пока, мол, Швейцария еще не воюет, или уж решать военный вопрос, когда кончатся все войны?

И они еще не знали, как будет нанесен им удар, как будет поставлено: не просто „за отечество" или „против милитаризма", но – с беспощадной реши-тельностью: невозможно бороться против войны ина-че как через социалистическую революцию! Голосо-вать, по сути, уже не по поводу войны, а: за или против немедленной экспроприации банков и промышленно-сти! В Кегель-клубе деятельно готовилась резолюция для съезда – Платтен написал, слабо, Ленин пересо-ставил от имени Платтена. (Работа нелёгкая, но бла-годарная. Надо было всеми интернациональными си-лами помочь швейцарским левым.) Надо было зао-стрячь по всем направлениям: немедленно демобили-зовать швейцарскую армию! защита Швейцарии – лицемерная фраза! именно швейцарская политика ми-ра – преступна! Успех мог быть колоссален: такая резолюция швейцарского съезда вызвала бы самую восторженную поддержку

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru рабочего класса всех цивилизованных стран!

Но – оппортунисты зашевелились. Конфиденциально узналось, что верхушка готовит отложить съезд, каковы наглещи! В таких случаях – предупреждающий удар! отнять инициативу! И поручили Вронскому на собрании цюрихской организации выставить резолюцию – „против тайной закулисной агитации за отодвигание съезда! признаки впадения в социал-шовинизм, осудить!“ А была возможность подправить подсчёт голосования – и сделали так, что резолюция принята! Хор-роший удар по центристам! – они ведь боятся прослыть шовинистами.

Но так обнаглела их шайка, что и этого не испугались: через день же собрали президиум партии и сбросили маску. (На президиуме были и Платтен, и Нобс, и Мюнценберг, так что всё известно достоверно.) Старый Грёйлих полез порочить всю цюрихскую партийную организацию: в ней, мол, много дезертиров, мы за них поручались, и можно бы ожидать, что именно в вопросе защиты родины они будут... А другой кричал: если партия будет так мараться, мы, сент-галленцы, выйдем из неё! Эти товарищи невысокого мнения о швейцарских рабочих (и даже с намёком, что это иностранцы мутят) ... Еще один закатился до шовинистической истерики: идите вы с вашими фор-мулами международных конгрессов! Обсуждение военного вопроса во время войны – безумие! в такие минуты всякий народ, мол, соединяется в общности судьбы. (Со своими капиталистами...) Как же демобилизовать армию, если она защищает наши границы? Да, если Швейцарии возникнет опасность, то рабочий класс пойдёт её защищать! (Слушайте, слушайте!) Но бесстыднее всех вёл себя Гримм. Председатель Циммервальда, Кинтала – и такой подлец в политике: что ж, война начнётся – а нам поднимать восстание?.. Делал гнусные намёки против иностранцев и молодых. И, соединясь с шовинистами, 7 против 5, с ничтожным перевесом именно его, гриммовского, центристского голоса – отложили съезд на неопределённое время (считай – до конца войны)... Неслыханно позорное решение! Полная измена Гримма.

Ах, мошенник, скотина, предатель, бешенство берёт! Так тем более теперь развернуть в партии войну как никогда! Оставалось одно: сбить Гримма с ног!

Всё упиралось в Гримма – и важно было сейчас же ошельмовать его, разоблачить, сорвать маску.

Как в драке ищет рука, какой предмет подсобнее схватить и ударить, так и мозг политического бойца выхватывает молниевидные извилины возможных ходов. Первая мысль была: Нэн! Необычно, что Нэн, не очень-то левый, голосовал за нас. Значит: выгоднее всего опрокидывать Гримма через Нэна! А как? Написать в газету Нэна открытое письмо, публично назвать Гримма мерзавцем и что невозможно дальше оставаться с ним в одной Циммервальдской организации!.. Нет, не так, пусть все пишут открытые письма в газету Нэна, все, кого только найдём, – и под этой лавиной открытых писем и резолюций протеста похоронить Гримма навсегда! Каждая минута дорога, повсюду собирать левых – и направлять против Гримма!

Драматический момент. В Шо-де-Фоне присоединился верный Абрамович. В Женеве колебались Бриллиант и Гильбо.

А в Цюрихе вечер за вечером собирались левые и молодые, вырабатывали методы нападения. И стало понятно: открытых писем – мало. Надо совершить политическое убийство – чтобы Гримм уже не встал никогда.

И вот какая форма. Не теряя часа, подхватились вместе с Крупской, Зиновьевым, Радеком, Леви, все силы, какие были в тот момент, – и за много кварта-лов пошли к Мюнценбергу на квартиру. И тут, когда все решительные собрались – Вилли позвонил по телефону и вызвал к себе Платтена, не объясняя ему, в чём дело, а – срочно! Надо было взять его в западню, неожиданно. Платтен последнее время явно боялся – и Гримма, и раскола, не хотел учиться интернациональному опыту, проявлял себя слишком швейцарцем, ограниченным швейцарцем, как впрочем и Нобс. (Если вспомнить – откуда взялись они? В Циммервальде они просто записались в „левые“...) Так вот, надо было взять Платтена врасплох, за горло.

Он вошёл – и когда увидел не одного Мюнценберга, как ожидал, а шестерых, плотно сжатых в комнатушке, трое впритыку на кровати, и все мрачные – на большелобом открытом его лице, не приспособленном играть, выразилась растерянность, тревога. Хоть одного бы он искал себе в союзники или ободрительного! – но не было ни одного. Затолкнули, посадили ефто в угол – дальше от двери и за комодом, в тупик, а шестером – еще надвинулись, кто на

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
стульях, еще нагнулись, кто на кровати. И Мюнценберг (так по ролям) – звонким дерзким голосом объявил: мы, вот все мы, наша группа, решили немедленно и окончательно рвать с Гриммом и опозорить его на весь свет! Платтену – выбор: или с нами, или с Гриммом. Платтен заёрзал – а подвинуться некуда, заволновался, переглядывал лица, искал, кто помягче, но и Надя смотрела как застывшая ведьма. Платтен лоб вытирал, мямлил подбородок свой бесхарактерный, про-сил отсрочки, подумать, – он говорил, а все шестеро не шевелились, хмуро молчали и смотрели на него, как на врага (это забавник Радек всё придумал) – и это было самое страшное. Платтен растерялся, подавался, он предлагал: не надо же так сразу! послать Гримму предупреждение, предостережение... Нет!!! Всё – решено!!! И остаётся Платтену только выбор: или – с нами, в честном интернациональном союзе, или – со своим швейцарским предателем, и опозорим обоих вместе! И отвечать – сейчас же!

Двумя руками схватился Платтен за голову. По-сидел.

Сдался.

Брошюру на опозорение поручили Радеку писать. И он – в ту же ночь, в одну ночь, искуривая трубку свою, без всякого труда мог написать, лентяй. Но – не написал. И еще много часов пришлось Ленину ходить с ним по Цюриху, уговаривать и поджучивать, чтоб написал, да похлеще, как он один умеет. Всё-таки, журналист – несравненный!

Следующий шаг – напали на Гримма в заседании Интернациональной Социалистической Комиссии. Сам Ленин не пошёл, чтоб не выставиться, а Зиновьев, Радек, Мюнценберг и Леви напали, что деятельность Гримма в Швейцарии – преступление, бесчестие, педерастия! – а потому он должен быть исключён из Циммервальдского руководства! (Свергнуть с престола.) Тут же напали на Гримма и в мюнценберговском молодёжном Интернационале. Тут же возникла идея добиваться внутрипартийного референдума – устроить съезд теперь же, в марте! А мотивировка референдума была (пришлось самому написать) лучшее во всей кампании: что отсрочка съезда есть поражение социализма!

Что поднялось! Какая буча и пыль! Ч-чудесно!!! Вожди партии заревели от негодования, кинулись в опровержения! – кто ж может выстоять в социализме против смелого резкого принципиального обвинения слева?! Один обвиняющий голос может свалить тысячу оппортунистов!

Ч-чудесно! Это – удалось! Это – и нужно было!

Еще на кантональном партсъезде удалось собрать за резолюцию левых одну шестую часть голосов – это было крупной победой!

Но и – высшей точкой кампании. Стала она спадать.

Гримм бешено напал на референдум – и испугал наших молодых.

Лисьи-осторожный Нобс публично отмежевался ют референдума.

А Платтен – а Платтен смолчал, раскисляй... Вот так и строй на нём борьбу. Нет, он безнадежен. Он не хочет учиться, как организовать революционную партию.

И даже брошюру Радека – отказались печатать: „Напечатаем – выгонят из партии/! Ну и левые\ Ну, и вояки!..

А Гримм, почувствовав нашу слабость, собрал ар-хичастное совещание и пригласил левых. Мюнценберг и Вронский конечно не пошли. А Нобс и Платтен поплелись... к хозяину.

Нет, они на три четверти уже свалились к социал- патриотизму. Нет, левые в Швейцарии – архидрянь, бесхарактерные люди.

Запутывать, замазывать разногласия вместо того, чтобы их заострять – какая ж это подлость!

А тут совершилась возмутительная история с Вронским. На общегородском собрании выбирали правление, несколько избранных отказались, поэтому список спустился

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru ниже – и счастливо захватил Вронского, Вронский вдруг попал! Так обнаглевшие правые зая-вили, что с Вронским дружной работы не будет, они отказываются. А Нобс был председателем – и согла-сился выборы аннулировать!

И Платтен – скушал эту оплеуху...

Ленин сидел на собрании – молча, но вне себя! И уже на минуту не заснул в ту ночь.

Вообще от этих ежедневных собраний – нервы швах, головные боли, сна нет.

Да вся швейцарская партия – насквозь оппорту-нисты, благотворительное учреждение для мещан. Или чиновники, или будущие чиновники, или горстка, за-пуганная чиновниками.

Разбежались левые от нашей помощи – ив Цю-рихе, и в Берне. У одного Абрамовича хороши дела, но он далеко. А Гильбо и Бриллиант колеблются.

И вожди молодых, даже острый резкий непреклон-ный Мюнценберг – потянулись на компромисс. Мюн-ценберг! – и тот отклонил брошюру Радека! (И уехал Радек в Давос, подлечиться, тоже замучился.)

Было бы смешно, если бы не так гнусно. Видимо, в Цюрихе – конец возни с левыми...

Но – не надо жалеть, хоть и проигрыш. Знал всегда, как гнили европейские социалистические пар-тии. Теперь и на практике сам испытал.

Не надо жалеть. Что было сделано – не пропадёт совсем бесследно. После нас, преемники наши – а создатут левую партию в Швейцарии!

23 февраля назначено было собрание левых – и даже не состоялось: просто не пришли, никому не нужно. Собирался Ленин доклад делать – сходил впустую, вернулся в бешенстве. В бешенстве на всю ночь.

Он завидовал – Инессе, Гришке Зиновьеву, как они там где-то ездили, выступали с рефератами: там видишь перед собой не социалистических мещан, а

– свежих людей, рабочих, толпу, и влияешь сразу на массу.

Тут много было и других расстройств. С Радеком

– вперемежку дружба и ссоры (он невыносим, когда в академизм лезет), а Инесса и Гришка восприняли их разлад тяжело. То ссора с Усиевичем. (А с Бухариным и не вылезали из ссоры, хорошо хоть не вынесли на публичность.) То Шкловский растратил партийную кассу. То Инесса вздумала „пересматривать" вопрос о защите отечества – и сколько же лишних убеждений пришлось потратить.

В письмах. Так и не приехала в Цюрих ни разу.

Скоро год...

То – слух, что Швейцария на днях втянется в войну, жутковато, и быстрые расчёты: самим остаться в полосе немецкой оккупации, а Инесса пусть едет в Женеву, её там захватит Франция – и так мы улуч-шим связь с Россией. То отлегло: не будет войны. То Надя болела – бронхит, жар, бегал за врачом, вся жизнь в расстройстве.

Однако, не складаывать же бездеятельно руки. А что если прямо самим, безо всяких швейцарцев, – да взбунтовать швейцарскую армию? И вырос такой замысел: написать листовку („разожём революцион-ную пропаганду в армии! превратим опостылевший гражданский мир в революционные классовые дей-ствия!") – но в абсолютной скрытости (за это можно сильно пострадать, из Швейцарии вышлют) – а под-писаться „швейцарская группа циммервальдских ле-вых" (пусть думают на кого из них, хоть на Платтена)

– и распространять стороной, как бы не от себя.

Инесса быстро переведёт на французский. Только абсолютно секретно, сжигая

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru черняки. (А почта писем не проверяет, убедились.)

Стали делать. Но отсюда новый замысел: а не сделать ли опять-таки нам самим, а подписать от дру-гих, такую листовку: поднять весь европей-ский пролетариат на всеобщую стачку 1 мая? Отчего бы нет? Неужели пролетариат не от-зовётся? А в разгар войны – какая это была бы сили-ща! Какая демонстрация! А от стачки, смотришь, сами собой начнутся и массовые революционные дейст-вия?! Одна хорошая листовка – и поднята вся Европа, а?! Только надо спешить, до 1 мая не так много вре-мени – скорей переводить на французский, скорей издавать, скорей распространять, скорей рассылать эту листовку. (И – совершенно конспиративно!)

Но не успела всеевропейская стачка хорошо обду-маться, только еще готовили переводы листовки – пришло внезапно письмо от Коллонтайши, вернувшей-ся из Америки в Скандинавию. И к пороху – новый огонь: оказывается – раскол на съезде шведской партии!

Какая внезапная удача! Да как же было забыть своих верных циммервальдских соратников? И какие же там у шведов в головах сейчас, наверно, разброд и путаница дьявольские!

Как же бы повлиять? Как помочь? Осветилось: так вот она где задача ожидаемая, самая важная и благородная: не в Швейцарии надо революцию делать, а в Швеции! Оттуда начинать!

Дальше писала Коллонтай: решили шведские мо-лодые собрать 12 мая съезд для основания новой пар-тии на „циммервальдских принципах“. Ах, юнцы-птен-цы, искренние и неопытные, да кто ж вам разъяснит: преданы принципы Циммервальда-Кинталя! пре-даны, в болоте потоплены почти всеми партиями Евро-пы! умер Циммервальд, умер и обанкрутился! Но вы – искренни и чисты, и во что бы то ни стало еще д о съезда нужно вам помочь разобраться в пошло-сти каутскианства, в гнусности циммервальдского боль-шинства. (Ах, что ж я не с вами там?!.) Пришла пора обрезать когти Брантингу! Надо немедленно послать вам на помощь мои тезисы! Морально и политически мы все ответственны за вас. Решительный момент в скандинавском рабочем движении!

И весь тот временный пессимизм и ту опущенность рук, какие овладели после неудач с дрянными бесха-рактерными безнадежными швейцарскими левыми – перехлестнуло теперь радостным нетерпением под-жечь Европу с севера!!! А сроки остались короткие, а дел – уйма, а переписка через Германию идёт с затруднениями. Но – энергичная, деятельная, осмысленная борьба! Возродилась жизнь! Новым све-том осветились сумрачные своды цюрихских церков-ных читальных залов, газетные кипы и шершавые брошюры в Центральштелле: к 1 мая – листовку! к 12 мая – тезисы и спеться! Все силы – на европей-скую стачку и на шведский раскол! Только над моло-дёжью и стоит работать! Нам уже никогда ничего не сделать и не увидеть. Но им еще взойдёт багровое солнце революции!

2-го марта кончал дома обедать, вдруг стук. Вронский. Что-то не вовремя. (В этой неудаче с левыми так много было на Вронского ставлено, и эти выборы-невыборы, что видеть Вронского сейчас было малоприятно. А к новым проектам его еще не приспособили.) Вошёл – и не садясь, в своей вялой манере, как он всегда, меланхолично немножко:

– В ничего не знаете?

– А что?

– Да в России – революция... будто бы... Пишут...

Еще манера у него – никогда голоса не повысит,

растяжка эта, как от неуверенности, – поднял Ильич глаза от тарелки с варёной говядиной, суп уже доел, посмотрел на тихого Вронского – не больше было впечатления, чем сказал бы он, что килограмм мяса поде-шевел на 5 раппенов. В России? революция?

– Чуть какая. Откуда это известно?

Ел дальше, резал кусок поперёк, чтоб и мясо и жир. Откуда ни с того, ни с сего?

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Такое ляпнут. Макал куски в горчицу на отвале тарелки. Еще неприятно, когда сбивают еду, не дадут спокойно.

А Вронский стоял, не снимая пальто, и шляпу мокроватую фетровую, которую очень берёг, – мял. Это для него уже было большое волнение.

И Надя, по бокам своего серо-клетчатого платья провела руками, как вытирая:

– Что это, Моисей? В каких газетах? Где вы чи-тали?

– Телеграммы. Из немецких.

– Ну! Немецкие да про Россию! Врут.

Доедал спокойно.

О России в европейских газетах писали скудно и всегда переврано. Не имея своих верных сведений, с трудом надо было оттуда истину отделять. А письма оттуда почти не приходили. Вот промелькнуло двое свежих русских, бежавших из немецкого плена, – бегал на них посмотреть, поговорить, интересно. При-ходилось Россию поминать в докладах, но не больше, чем Парижскую Коммуну, которой давно уже не было на свете.

– И как же именно там сказано?

Вронский попытался повторить. И по обычному свойству большинства людей – а профессиональному революционеру стыдно! – не мог повторить не толь-ко точных выражений, но и точного смысла.

– В Петербурге – народные волнения... толпы... полиция... Революция... победила...

– А в чём именно победа?

– ...Министры... в отставку ушли, не помню...

– Да вы ж сами читали? А – царь?

– Про царя – ничего...

– Про царя – ничего? А в чём же победа?

Чушь какая. Может, Вронский и не виноват, а

само сообщение такое неопределённое.

Надя перебирала в рубчики на груди заношенное платье, еще заношенной от малого света в комнате – на улице моросил дождь с утра:

– А всё-таки – что-то есть, Володя? Откуда?

Откуда! Обычная буржуазная газетная утка, раз-дувание малейшего неуспеха у противника, сколько раз за эту войну всё вот так раздувалось.

– Разве о революциях – так узнают? Вспомни Женеву, Луначарских.

Шли январским вечером с Надей по улице – навстречу Луначарские, радостные, сияющие: „Вчера, девятого, в Петербурге стреляли в толпу! Много уби-тых! !“ Как забыть его, ликующий вечер русской эми-грации! – помчались в русский ресторан, все соби-рались туда, сидели возбуждённые, пели, сколько сил добавилось, как все сразу оживились... Длинный Троц-кий, еще вытянув руки, носился с тостами, всех поз-дравлял, говорил, что едет немедленно. (И поехал.)

– Ладно, чаю давай.

Или – не пить?

Идти опять в читальню и продолжать регулярную работу – кажется, тоже не

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru получится: что-то всё-таки зацепилось, мешает. Надо бы выяснить. Какая-то по-меха всем планам.

Но газеты с сегодняшними телеграммами будут в читальнях только завтра.

А на Бель-Вю в окне « Neue Zürcher Zeitung » вы-вешиваются экстренные.

Ладно, сходим.

Надя еще мало выходила после февральского не-давнего бронхита и осталась дома. И Ильич натянул тяжёлое старое подчиненное пальто, насадил старый котелок как на болванку – пошли.

„Здесь жил поэт Георг Бюхнер...“ на соседнем до-ме. Сырым узким переулком, где рыхлый намоклый снег еще не вытаивал у стен – быстро пошли под гору, как покатили. Сокращая переулками и туда ближе к Бель-Вю.

. По швейцарской манере все ходили с зонтиками, еле разминаясь в переулках, чуть не выкалывая друг другу глаза. Но Ленин не любил его таскать: когда пригодится, а когда нет. Да и старое всё на себе, не жалко. Шёл и Вронский так.

В витринах нашлось примерно, как говорил Врон-ский. Только министры будто бы арестованы. Аресто-ваны?.. И еще: у власти – члены Думы. А – царь? ни слова о царе. Так ясно тогда, что царь – на свободе, с войсками, и сейчас задаст им баню.

Если вообще это всё не брехня.

Да нет, такое невозможно в сегодняшней России.

И у витрины не толпились, кроме них двоих и не было никого.

Мелкий дождь моросил на площадь, на озеро. Рав-номерно было заволочено всё над озером, и в молоч-но-сизой пелене Ютлиберг по ту сторону. Ехали из-возчики с тёмными верхами, равномерно шли зонтики тёмные. Какая там революция!..

А всё-таки бы выяснить до конца.

Пошли на Хайм-плац в газетный киоск, может быть что-нибудь попадётся. Газет Ленин никогда не по-купал, но для такого случая можно было, из партий-ной кассы.

Однако, простодушный киоскер признался, что ни в одной ничего такого нет – и ни одной не купили.

Оборвать этот вздор, идти в читальню и работать. А Вронский расслабился, потерялся и готов был, ка-жется, теперь не отставать, таскаться по улицам или ждать под дождём у витрины следующих телеграмм

– размывчивость людей без направления. Отчитал его

– и расстался. И опять, опять, тысячу раз пройденны-ми переулками, не замечая ни домов, ни витрин, ни людей – пошёл к кантональной читальне.

Но перед самыми стрельчатыми окнами – замялся.

Что-то не пускало. Как будто должен был в двери застрять. Как будто разбухло что-то внутри за эти пол-часа – и не пускало.

Между тем дождь прекратился.

Постоял, сердясь. Конечно, мог себя заставить, и мог бы до вечера высидеть, а... Прямая ясная работа звала – для шведов, а... Отвлекало вот, некстати. И выписки – „марксизм о государстве"... А не шлось.

Напротив, вывернулась чужая, несвойственная, даже преступная мысль: пойти в русскую читальню. Гнездо эсеров, анархистов, меньшевиков и всякого просто русского сброда. Как гнездо змей, старался его миновать всегда, не ходить по Кульманштрассе, не дышать этим воздухом, никого не встречать, не видеть. А

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru сейчас подумал: ведь там, наверно, собрались, со-бираются... Знают, не знают, а – говорят, поговорят. Что-то можно услышать. Своего не сказать, а – что-то выведать.

И – нарушая все свои правила, но потягиваемый в это отвратительное место – пошёл.

Кульманштрассе была совсем не рядом, надо было заметно взять вверх по горе. Пошёл.

Действительно, в небольшую натопленную комна-ту набилось уже человек двадцать с холодной сырости и в сырых одеждах, кто сидел, кто и не думал при-сесть – но никто не молчал, все сразу говорили, гу-дели, галдели, и общий рокот как волнами бил по ком-нате. Ну, еще бы! – российская любовь излить душу.

Только в одном ошибся: думал – на него вскинут-ся, удивятся, встретят враждебно, – нет. Кто заме-тил его приход, кто не заметил, но все восприняли так естественно, будто он был здесь привычный гость.

Ленин ответил кому-то (так, что и не ответил). Прямо ни у кого ничего не спросил. Сел на край ска-мьи в углу комнаты, снял котелок. И сидел слушал, как он один умел: то подозреваемое выбирая, чего другие и не слышали.

Оказывается, никто не знал больше всё тех же телеграмм, только вот: „после трёх дней борьбы“ побе-дила, после трёх дней, – кто-то принёс. В этом был какой-то признак достоверности, да – и ахали, и уж совсем не сомневались. Не счёл Ленин нужным вслух возразить: что ж тогда эти три дня ничего не сообщали? В общем, никто не знал больше телеграмм, но множеством слов заливали всё возможное простран-ство вокруг этих сведений.

Один (никогда его не видел) с оттянутым сбитым галстуком, подбегал к тому, к другому, хлопал руками как петух крыльями, и не договорив и не разборчиво

– дальше. А одна, высокая, только знала-нюхала бу-кетик снежных колокольчиков: кто что ей ни скажет

– а она только качалась изумлённо и нюхала.

Презрение ощущал Ленин к этим разглагольст-вованиям будто бы революционеров, как они звонко рассуждали о свободе и революции, нисколько не охватывая всех шахматных возможностей, при каких эти события умеют идти и какие враги и как ловко умеют их перехватывать на ходу и даже при начале. Рассуждали как о всеобщем празднике, будто уже всё произошло и случилось (а что случилось? а что надо, чтобы случилось? – кто из них по-нимал?). Но что делает царь? и какая контрреволю-ционная армия идёт на Петербург? и как уже наверно трусит Дума и спешит сговориться с реакцией? и как еще слабы и неорганизованы пролетарские силы? – об этом не думали, этих ответов и не искали. А вдруг все как будто помирясь и забывши межпартийные разногласия, эти оживлённые дамы с лентами вокруг шляпок, несли друг другу какую-то радостную околе-сицу, и вот, за час-за два уже перестав ощущать себя вынужденными жителями Швейцарии, но – „едино русскими“, строили едино российские и беспочвенно российские догадки, как теперь всем вместе добираться скорей в Россию.

Н-ну!..

С этими амикошонскими ухватками и манилов-скими проектами совались и к Ленину, подсажива-лись, одни – зная, кто он, другие – не зная, тут была и не политическая публика. Смотрел он сощу-рясь на этих рукомахальчиков, пьяных без вина, на этих дам щебечущих, – никому не ответил резко, но и ничего не ответил.

Они вот что придумывали: всем эмигрантам те-перь объединиться без различия партий (мелко-бур-жуазные головы, набитые трухой!) и создать обще-швейцарский русский эмигрантский комитет для воз-вращения на родину. И... и... и как-то возвращаться, но как – никто не знал, а предлагали всякое. И даже сегодня на вечер уже созывали подготовитель-ную комиссию!

Возвращаться, когда неизвестно, что там делает-ся. Может быть, уже у всех стен расстреливают рево-люционеров.

Снаружи добавлялось еще людей, но – не идей. И все друг у друга опять проверяли новости – и опять же никто не знал больше ни слова. И от пустопорожней их болтовни Ленин вышел так же малозаметно, как и вошёл.

На улице не только не было дождя, но посветле-ло, облака сильно поредели. Подсыхало, а холодно – так же.

Пошли было ноги вниз, в сторону библиотеки и домой.

Правильно было – пойти бы домой.

Вообще теперь неизвестно, куда было идти.

Остановился.

Лишь два часа назад, к обеду, так было всё ясно: раскалывать шведскую партию и что для этого надо читать, писать и делать. Но вот пришло со стороны не-достоверное, невероятное и ненужное событие и как будто даже не задело, не столкнуло – а вот уже стал-кивало. Уже отвлекало силы и ломало распорядок.

И вернуться в библиотеку – оказалось нельзя.

И домой не хотелось. Как-то стало с Надей за последний год скучно всё обговаривать: растяжно и важно она произносит в ответ уж такое ясное, что и произносить не надо. Никаким откликом свежим, ори-гинальным, не мог он себя на ней поправить.

А потягивали ноги на то, чтобы походить.

Но – и не по улицам, надоели, видеть невозмож-но. А не подняться ли на Цюрихберг, уж вот рядом?

Чуть ветер поддувал – холодный, но не сильный. Дождя не только не будет, но еще светлело, вот-вот и разорвёт.

В пальто, почти просохшем в читальне, Ленин по-шёл теперь круто вверх. В горах и ноги разряжаются и мысли устанавливаются, что-то можно понять.

Чем круче, короче переулочек – тем быстрее туда, наверх. Ноги были сильны, как молодые. Спешили мальчишки туда же, с заспинными ранцами, с после-обеденных занятий – Ильич от них не отставал. И задышки не было, и сердце выстукивало здорово.

Всё бы так. Но – голова... Но голову носил Ленин как драгоценное и болезненное. Аппарат для мгновенного принятия безошибочных решений, для нахождения разительных аргументов – аппарат этот низкой мсти-тельностью природы был болезненно ц как-то, как будто, разветвлённо поражён, всё в новых местах от-зываясь. Вероятно, как прорастает плесень в массив-ном куске живого – хлеба, мяса, гриба, – налётом зеленоватой плёнки и ниточками, уходящими в глу-бину: как будто и всё еще цело и всё уже затронуто, невыскребаемо, и когда болит голова, то не всю ощу-щаешь её болезненную, но такими отдельными поверхно-стями и ниточками. Можно думать так: болит, как у всех, выпить порошок, боль пройдёт. Но если поду-маешь иногда иначе – что болит особенным образом, невозвратно, что порошок – только обман на не-сколько часов, а там прорастает глубже ниточками, то стискивает ужас как в новотаргской тюремной ка-мере: вырваться невозможно! От этой головы отде-латься – некуда. Всё в мире ждёт твоих оценок и ре-шений! всё в мире можно направить твоею волей! – а сам ты уже стиснут, и вырваться – невозможно!

Здоровое сердце, лёгкие, печень, желудок, руки, ноги, зубы, глаза, уши – перечисляй и гордись. Но перед природой, как перед неумолимым зорким экза-менатором ты что-то пропустил в перечислении, да всего не перечислить – а болезнь уже заметила про-пуск и тайными лазейками разрушения поползла, по-ползла. А достаточно всего одной червоточины, чтобы развалить всю статую здоровья.

И этим ослаблялось сожаление об их размолвках, недоумениях – всё почему-то

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru непоправимей, когда усиливаешься сблизить. За год – можно и отвыкнуть. Она – нужна была ему. Нужна. Но – так ли нужен ей он?

Из такой близости не приехать за год!?

Да, конечно, с кем-то...

Но полумёртвым примирением окутывало.

От кантонального госпиталя он поднимался на-горной частью, витыми подъёмами, где швейцарские бюргеры побогаче, карабкаясь над городом, ближе к лесу и небу, с обзором на озёрные дали, выстраивали себе особняки, маленькие дворцы буржуа. Каждый придумывал, как украситься – кто фигурной кладкой, кто изразцовыми плитами, кто шпилем, кто воротами, верандой, каретной, фонтаном, или назвать „Горной розой“, „Гордевией“, „Нисеттой“. И подымались дым-ки из труб – конечно, камины топили для уюта.

Это устройство своей красоты и удобств, отгороженное заборами, решётками, нотариальными актами и удобными швейцарскими законами, повыше, отделившись от массы, – отдавалось в груди взбурливающим раздражением. О, как бы славно привалить сюда снизу толпой, да погромить эти калитки, окна, двери, цветники – камнями, палками, каблуками, прикладами винтовок, – что может быть лучше, веселей? Неужели настолько погрязла, опустилась масса обездоленных, что уже никогда не поднимется на бунт? не вспомнит пылающих слов Марата: человек имеет право вырвать у другого не только излишек, но необходимое. Чтоб не погубить самому, он имеет право зарезать другого и пожрать его трепещущее тело!

Вот это славное якобинское мироощущение ни-как не проснётся в пролетариате лакейской республики, потому что падают куски со стола господ, пqjх-кармливают. И паутиной опутывают его гриммовские оппортунисты.

А – в Швеции?

А – что теперь в России?..

В России многое могло бы быть, да некому напра-вить. Уж наверно сегодня там и проиграно всё и топят в крови – но из телеграмм узнается только после-завтра.

Не потому, что на гору выше, а потому что про-яснилось – становилось всё светлей. Под ногами уже сухи были чистые, никогда не в пыли, не в грязи гладкие вбитые камешки тротуаров и мостовых. От колеса проехавшего экипажа если и брызнет из лужи, то – чистой водой. На улицах горного склона – мно-го деревьев, а выше – гуще, а выше – лес.

Тут уже и просто гуляли, не по делу шли. Одна, другая прошла буржуазная чинная медленная пара, с собранными зонтиками и с собаками на ремешках. Потом – две старых дамы, по-швейцарски самодо-вольно-громко разговаривая. Еще кто-то. Наслажда-лись своими кварталами. Тут – разрежение было от прохожих и разрежение ото всей жизни.

Уже под самым лесом одна улица шла ровно по горе, не спускаясь, не подымаясь. Она выходила на смотровую площадку, огороженную решёткой, и от-сюда положено было, впрочем через ветки деревьев изнизу, любоваться дальним видом озёрной губы и всем городом в сизой дымке низины – шпилями, тру-бами, синими двойными трамваями, когда они пере-ходили мосты. И сюда же всплывал от однообразно серых церквей опять этот механический металличес-кий холодный звон.

И – бульварчик тут был, под большими деревья-ми, гравийный, со скамейками, а всего-то в десять ша-гов, всего и ведший к одной единственной могиле, для неё и устроенный. Когда бывали с надей на большом овальном Цюрихберге, то поднимались с других улиц и в другие места, а сюда не забраживали. Подошёл теперь к этой могиле на высоком обзорном месте.

Высотой от земли по грудь стояло надгробье из неровного, корявого серого камня, а на вделанной в камень металлической гладкой плите было выбито: „Георг Бюхнер. Умер в Цюрихе с неоконченной поэмой Смерть Дантона...“

Даже не сразу понялось: откуда-то известное имя это, Георг Бюхнер?.. Но все

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru известные ему были – социал-демократы, политические деятели. А – поэт?..

Кольнуло: да – сосед. Жил – Шпигельгассе 12, рядом, стена к стене, три шага от двери до двери. Эми-грант. Жил – по соседству. И умер. С неоконченной „Смертью Дантона“.

Чертовщина какая-то. Дантон – оппортунист, Дантон – не Марат, Дантона не жалко, но не в нём и дело, а вот – сосед лежит. Тоже, наверно, рвался вер-нуться из этой проклятой сжатой узкой страны. А умер – в Цюрихе. В кантон-шпитале, а может быть – и на Шпигельгассе. Не написано, отчего ухмер, может быть вот. так же болела голова, болела...

Что, правда, делать с головой? Со сном? с нер-вами?

И что вообще будет дальше? Не может одного че-ловека хватить на борьбу против всех, на исправление, на направление – всех.

Неприятная какая-то встреча.

Весь Цюрих, наверно четверть миллиона людей, здешних и изо всей Европы, там внизу густились, ра-ботали, заключали сделки, меняли валюту, продавали, покупали, ели в ресторанах, заседали на собраниях, шли и ехали по улицам – и всё в разные стороны, у всех несобранные, ненаправленные мысли. А он – тут стоял на горе и знал, как умел бы он их всех направить, объединить их волю.

Но власти такой не было у него. Он мог тут стоять над Цюрихом или лежать тут в могиле – изменить Цюриха он не мог. Второй год он тут жил, и все уси-лия зря, ничего не сделано.

Три недели назад ликовал этот город на своём ду-рачком карнавале: пёрли оркестры в шутовских одеж-дах, отряды усердных барабанщиков, пронзительных трубачей, то фигуры на ходулях, то с паклевыми воло-сами в метр, горбоносые ведьмы и бедуины на верблю-дах, катили на колёсах карусели, магазины, мёртвых великанов, пушки, те стреляли гарью, трубы выплёвы-вали конфетти – сколько засидевшихся бездельников к тому готовились, шили костюмы, репетировали, сколько сытых сил не пожалели, освобождённых от войны! – половину бы тех сил да двинуть на всеоб-щую забастовку!

А через месяц, уже после Пасхи, будет праздник прощания с зимой, тут праздников не пересчитать, – еще одно шествие, уже без масок и грима, парад ре-месленного Цюриха, как и в прошлом был году: пре-увеличенные мешки с преувеличенным зерном, пре-увеличенные верстаки, переплётные станки, точильные круги, утюги, на тележке кузня под черепичной кры-шей и на ходу раздувают горн и куют; молотки, топо-ры, вилы, цепы (неприятное воспоминание, как когда- то в Алакаевке заставляла мама стать сельским хо-зяином, отвращение от этих вил и цепов); вёсла через плечо, рыбы на палках, сапоги на знамёнах, дети с не- чёными хлебами и кренделями, – да можно б и по-хвастаться этим всем трудом, если б это не выроди-лось в буржуазность и не заявляло б так настойчиво о своём консерватизме, если б это не было цепляние за прошлое, которое надо начисто разрушать. Если б за ремесленниками в кожаных фартуках не ехали бы всадники в красных, белых, голубых и серебряных камзолах, в лиловых фраках и всех цветов треуголках, не шагали бы какие-то колонны стариков – в старин-ных сюртуках и с красными зонтиками, учёные судьи с перувеличенными золотыми медалями, наконец и маркизы-графини в бархатных платьях да белых па-риках, – не хватило на них гильотины Великой Фран-цузской! И опять сотни трубачей и десятки оркестров, и духовые верхом, всадники в шлемах и кольчугах, але-бардисты и пехота наполеоновского времени, их по-следней войны, – до чего ж резвы они играть в войну, когда не надо шагать на убойную, а предатели социал- патриоты не зовут их обернуться и начать граждан-скую!

Да и что за рабочий класс у них? Бернская квар-тирная хозяйка, гладильщица, пролетарка, узнала, что они мать в крематории сожгли, не хоронили, не хри-стиане – выгнала с квартиры. Другая только за то, что они днём электричество зажгли, Шкловским пока-зать, как ярко горит, – тоже выгнала.

Нет, их не поднять.

Что ж может сделать пяток иностранцев с самы-ми верными мыслями?..

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Обернулся с бульвара и пошёл круто вверх, в лес.

Облака редели даже до нежных светложёлтых, можно было угадать, где сейчас вечернее солнце.

Вот и в лесу. Неразделанный, а где и с аллея-ми. Вперемежку с елями – какие-то сизо-беловатые стволы, не берёз и не осин. Мокрая земля густо застелена старой листвой. Тут и грязно и поскользнёшься, но в альпийских ботинках, нелепых на городском тро-туаре, здесь как раз хорошо.

Круто поднимался, с напряжением ног. Был один. В сырости и по грязи аккуратные пары не гуляли.

Останавливался отдышаться.

На голых деревьях черно мокрели еще пустые скворечники.

Нет подъёма трудней, чем от нелегальности к легальности. Ведь не случайное слово подполье: себя не показывая, всё анонимно, и вдруг выйти на возвышение и сказать: да, это я! берите оружие, я вас поведу! Почему так и трудно дался Пятый год, а Троцкий с Парвусом захватили всю российскую революцию. Как это важно – прийти на революцию вовремя! Опо-здаешь на неделю – и потеряешь всё.

Что сейчас Парвус будет делать? Ах, надо было подружественней ответить ему.

Так – ехать? Если всё подтвердится – ехать?

Вот так сразу? Всё – бросить. И – по воздуху перелететь?

За первым хребтом горы местность уваливалась в сырой тёмный ельник, и там на дороге совсем было грязно, размешано. А можно было без тропинки идти по самому хребту – он сух, в траве и под редкими соснами.

Вот, еще на пригорок.

Отсюда опять открывался вид, еще обзорнее. Большим куском было видно безмятежное оловяное озеро, и весь Цюрих под котловиной воздуха, никогда не разорванного артиллерийскими разрывами, не про-резанного криками революционной толпы. А солнце – вот уже и заходило, но не внизу, а почти на уровне глаз – за пологую линию Ютлиберг.

Как будто после лечебного забытая вынырнуло опять, что загнало его в неурочное время, в рабочий день, в эту сырость на гору: неудобство, волнение, ис-пытанное в русской читальне, этот единый бараний рёв о том, что началась революция.

До чего ж легковёрны эти все профессиональные революционеры, какую басню их ни помани.

Теперь-то и нужно проявить величайшее недоверие и осторожность.

Так и пошёл бездорожным сухим хребтом, по бу-рой траве, по сухим веткам. Тут, на горе, часто лазают белки, а иногда и молоденькие косули, величиной с собаку, вдаль перемелькивают, дорогу перебегают.

На высоте и в тишине, в чистом воздухе – откла-дывало от головы, снимало давящий обруч. Все раз-дражения, все раздражающие люди – отпадали, за-бывались, внизу остались.

Тяжёлая была последняя зима, сильно измотала. С таким напряжением жить нельзя, поберечь бы себя.

А – для чего беречь? Если ничего не делать – к чему и беречься?

Но – и так долго не проживёшь. Неважно с голо-вой. Плохо.

Хребтик, по которому он шёл, обрывался к попе-речной гравийной дороге. А, знакомое место, обелиск. Тропинка спускала туда. Это был памятник о двух сра-жениях 1799 года за Цюрих между революционными французами и австро-русской

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru реакцией.

Против обелиска Ленин присел на сырую скамью, устал. х

Да, правда, стреляли и здесь. Страшно подумать: и здесь были русские войска! и сюда дотянулась цар-ская лапа!

Ровный цокот копыт по твёрдому донёлся сверху, из-за горба дороги. И тут же из тёмного леса, в после-закатной уже неполноте света, показалась женская шляпа, притянутая лентой – затем сама женщина в красном – и светло рыжая лошадь. Лошадь шла ша-гом, женщина сидела струнно – и что-то в её манере держаться и голову держать... – Инесса?!

Вздрогнул, увидел, поверил! – хотя никак было невозможно.

Ближе – нет, конечно, а – чем-то похожа. Как себя сознаёт и держит – сокровищем.

Из тёмной чаши выехала – красная, и ехала в сыром, чистом, беззвучном вечере.

Да тут главной красавицей сознавала себя лошадь – из светло рыжей даже жёлтая, лощёная, уборно за-узdana, переборчиво ставила стаканчики копыт.

А всадница сидела невозмутимо или печально, смотрела только перед собой под уклон дороги, не покосилась ни на обелиск, ни на дурно одетого, внизу к скамейке придавленного, в чёрном котелке гриба.

И он просидел, не шевельнувшись, разглядывал её лицо, чёрное крыло волос из-под шляпы.

Если вдруг освободить мысли от всех необходи-мых и правильных задач – ведь красиво! Красивая женщина!

Покачивалась плечами или в талии не сама она, а лишь сколько качала её лошадь и стременем припод-нимала носки сапожков.

Она проехала вниз, там дорога завернула – и только еще копытный перебор доносился немного.

Проехала, что-то еще отобрала – и увезла.

Во многих прежних революциях и революцион-ных попытках многое изучил Ленин (для революции только и родился и жил он, что ж другое знать ему лучше?) и имел своих излюбленных лиц, моменты, приёмы и мысли. А видел своими глазами единствен-ную одну – не с начала, не всю, не в главных местах – ив ней-то не принял никакого участия, поневоле только наблюдал, делал выводы и послеывыводы.

А была другая – в другой стране и еще при его младенчестве, с которой он ощущал сердечную роко-вую связь, как бьётся сердце при имени возлюбленной, род неборимого пристрастия, боли и любви: её ошиб-ки – больше всех других, её семьдесят один день как высокие решающие дни собственной жизни – пере-щупаны по одному, её имя всегда на устах: Парижская Коммуна!

На Западе если ждали его объяснений, если при-знавали его мнение важным, то – по русской рево-люции 05 года, и он регулярно докладывал о ней, чаще всего – 9 января, в дату, самую приметную для западного понимания (так и в этом году, в цюрихском Народном доме, предупреждая слушателей: „Европа чревата революцией!“ , главным образом швейцарскую имея в виду). Но о той, из-под рук уведённой у него, революции говорить было скучно (а что ревниво вы-вел в оспаривании Парвуса и Троцкого, то лучше бы-ло пока вслух не говорить). О Парижской же Комму-не никто его не спрашивал, многие могли рассказать

достовернее, но его самого тянуло к ней прильнуть – истерзанное место к истерзанному, рана к ране, как будто друг от друга они могли зажить. И когда всем – участникам и неучастникам, пришлось по одному, укрытно, тайно бежать из проигранной Рос-сии, – женеvской гнилой зимой 908 года, павший ду-хом, рассоренный со всеми единомышленниками, раздражённый выше всякой нервной возможности, он одиноко прильнул писать об уроках Парижской Коммуны.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
Так и в нынешнюю нервную зиму, затасканный по кружковым шушуканьям Кегель-клуба, ощущая в себе физическую робость выйти перед большим на-полненным залом, перед множеством людей, – вдруг получив устроенное Абрамовичем приглашение в Шо-де-фон прочесть реферат о Парижской Коммуне в годовщину её восстания, 5 марта (вокруг Шо-де-фона еще с гугенотских времён жило много бежавших французов, и коммунары бежали к ним туда же, и были их всех потомки теперь), – Ленин согласился с высшей охотой.

А тут налегла эта весть о русской революции и с каждым днём всё больше раскручивалась.

Трёх суток не прошло от первого непроверенного известия из России (трёх суток – сплошных, потому что не было сна все три ночи, но ушла головная боль, вот удивительно! ушло всякое болезненное состояние, так резко прибавилось сил!), а сколько же за эти 70 часов пробежало, прогорело, прогудело через грудь и голову, как через дымоход большой печи! Так мало зная, выкраивал из обрезков, составлял картину за картиной – как там? и на каждый вариант давал решения. Его решения, при его теперь опыте, все были безупречно верны, но всякий раз обманчива картина, и последующие телеграммы опровергали и изменяли предыдущие. А своей надёжной информации из России – не было, не бывало и не могло быть никакой.

С годами узнаёшь самого себя. Даже без интел-лигентского самокопания нельзя не заметить некото-рых своих свойств. Например, инерцию. В 47 лет не легко даются кидания. Даже увидев, угадав правиль-ные политические шаги – не сразу разгонишься. А ко-гда разгонишься – остановиться так же трудно.

Громовая новость из России не сбила вмиг с преж-него движения, не забрала в одну минуту – но заби-рала, забирала всё сильнее. И уже первая ночь про-шла в муках своей ошибки: почему, почему не пе-реехал в Швецию полтора года назад, как звал Шляп-ников, как предлагал и Парвус? зачем остался в этой безнадежно-тупоумной буржуазной Швейцарии? Так казалось ясно все годы войны: ни за что из Швейца-рии, пересидеть здесь до конца. А сейчас так стало ясно: ах, надо было уехать вовремя! Для раскола ли шведской партии, для близости ли к русским собы-тиям – но в Стокгольм! Туда можно и вызвать кого-нибудь из России, из наших, например думских де-путатов, если вернутся из Сибири.

И раньше это можно было сделать совсем неза-метно – через Германию, конечно, единственным ра-зумным путём. А сейчас, когда все зашевелились, за-бурлили, обсуждают – незаметно вышмыгнуть уже нельзя, ах, чёрт!

Однако, и бездействовать нельзя ни минуты: что там удастся, не удастся, а действовать надо начинать! И утром 3-го, едва проснувшись, захлопотал отсы-лать испытанным путём фотографию для проездного паспорта – Ганецкому. (Бедняга Куба тоже натерпел-ся: в январе был арестован за нелегальную торговлю, выслан из Дании.) И следом же дал телеграмму, объ-ясняя открыто (как будто б сами не догадались, зря, сорвался, от нетерпения): фотографию дяди (значит Ленина) немедленно переслать в Берлин Скларцу, Тиргартенштрассе 9.

Надо было мириться со всей компанией немед-ленно, больше никто не мог помочь и вывезти его.

Утро 3-го принесло и новые телеграммы: будто бы царь отрёкся!!! (да возможно ли так стремитель-но? совсем без боя?? да что ж могло его заставить??? Э-э, тут какая-то западня. А кто – вместо него? Нет Николая, так будет другой, поумней.) И будто создано временное правительство (а надёжно ли аре-стованы царские министры?) с Гучковым, Милюковым и даже Керенским (луиблановщина презренная, до че-го ж эти лже-социалисты любят всунуть задницу в буржуазное кресло).

И – что за восторг у эмигрантских болтунов? – уж тут ни один рот не закроется до вечера и до утра, розовое бляенье. А вдуматься: полную неделю заливали Петербург рабочей кровью и – как во всей европейской истории, 1830-й, 1848-й, вечная доверчи-вость масс! – отдали чистенькую власть этой бур-жуазной сволочи, этим Шингарёвым-Милюковым. Ка-кой старый шаблон!

В эмигрантской библиотеке пусть вываливают языки, но истинный революционер – насторожись! напрягись! следи! Там сейчас такого напутают, всё отдадут в поповском умилении, ведь настоящих тактических голов нет ни у кого. Жгло, что сам – не там, невозможно вмешаться, невозможно направить.

Всю зиму не вспоминал Коллонтайшу, но вот за несколько дней стала она – из главных корреспондентов, переместились события к ней туда. И едва отослав фотографию Ганецкому, сел за письмо Александру Михайловне: разъяснить, как мы будем те-перь. Наши лозунги – всё те же, конечно: превращать империалистическую в гражданскую! А что кадеты у власти, схватились дурью головы – так это даже-даже-даже хорошо! Пусть, пусть милейшая компания обеспечит народу обещанную свободу, хлеб и мир! А мы – посмотрим. А мы – вооружённое ожидание! Вооружённая подготовка к более высокому этапу революции. И социалистам-центристам, Чхеидзе – никакого доверия! никакого слияния с ними!

мы – отдельно ото всех! мы – только о т д е л ь - н о ! Мы – не дадим себя запутать в объединительные попытки. И вообще: будет величайшим несчастьем, если кадетское правительство разрешит легальную рабочую партию – это очень ослабит нас. Надо надеяться, что мы останемся нелегальными! А если уж навяжут нам легальность, то мы обязательно сохраним подпольную часть: в подпольи – наша сила, подполье совсем покинуть нам нельзя! Мы должны будем вырвать у кадетских жуликов всю власть. И только тогда будет „великая славная“ революция!.. Я – вне, вне себя, что не могу тотчас же ехать в Скандинавию!

А 4-го с утра все сведения опять обернулись: кадетское правительство совсем еще не победило, царь – нисколько не отрёкся, но – бежал, но – неизвестно где находится, а по шаблону всех европейских революций совершенно понятно: собирает контрреволюцию: ную тучу, он собирает свой Кобленц. А даже если это ему не удастся, он может выкинуть вот что, да, вот что: он, например, убежит за границу и издаст манифест о сепаратном мире с Германией! Да, очень просто! И они же очень коварные, Романовы. (И на его месте так и надо делать, блестящий шаг: мужицкий царь-ми-ротворец!) И сразу – народное сочувствие к нему в России, кадетское правительство шатается и бежит, а Германия – Германия перестаёт быть союзником на-шей революционной партии, мы им уже больше не нужны... (О-о-о, ехать в Россию еще надо сильно подождать, еще там делать нечего. И зачем послал Га-нецкому телеграмму? – глупость какая, дал след.)

Александра Михална, боимся, что выехать из этой проклятой Швейцарии нам не так скоро удастся, это очень сложное дело. Мы лучше всего поможем, если будем вам из Швейцарии посылать советы.

Итак, товарищам, уезжающим из Стокгольма в Россию, надо дать чёткую тактическую программу. Это можно представить тезисами... Рука уже пишет тези-сы... Главное для пролетариата – вооружить-ся, это поможет при всех обстоятельствах: сперва раздавить монархию, а потом – кадетских империалистических грабителей... А, Григорий! Помогай, садись... Значит, новое правительство не сможет дать народу хлеба, а без хлеба их свобода никому не нужна. А хлеб можно только силой отнять у помещиков и капиталистов. А это может сделать только рабочее правительство (только мы)... Да! дописать Коллонтайше: познакомьте с этими тезисами Пятакова и Евгению Бош. (Пришла пора – нельзя пренебрегать и пороссятами. Сейчас никем нельзя пренебрегать. Сейчас вот кто бы пригодился – Малиновский! ах! Замарали человека, не реабилитируешь. А он в лагерях военно-пленных очень положительную работу ведёт. В январе еще раз заявили, в его защиту. Надо – спасти, надо

– вернуть.) ...Дальше... Вот важная мысль: надо не упустить пробуждать отсталую прислугу против нанимателей – это очень поможет установить власть Советов. Что значит подлинная свобода сегодня? Это, во-первых, перевыборы офицеров солдатами. И вообще

– всеобщие собрания и выборы, выборы во все места. И отменить всякий надзор чиновников над жизнью, над школой, над... А нынешняя свобода в России – крайне относительная. Но надо уметь её использовать для перехода на высший этап революции. И ни Керенский, ни Гвоздев не могут дать выхода рабочему классу... Ладно, почта скоро закрывается, надо нести от-правлять.

Но смотри, Григорий, объявили амнистию. Амни-стия – всем, значит и свобода всем левым партиям? Неужели решились? Плохо. Это плохо. Теперь легальный Чхеидзе со своими меньшевиками развернётся – и займёт все позиции, все позиции раньше нас. И опять нас обгонят?..

Нет, нет! Нельзя сидеть сложа руки, надо что-то готовить. И быстро! Поедем-не

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru поедет, революция еще и назад может покатить, сколько раз так бывало, ни-чему доверять нельзя, – а мы должны на всякий слу-чай готовить путь. И знаешь что... Вот что... Сегодня

– суббота? Плохо. А всё равно: кати-ка ты в Берн на-зад, да, поезжай немедленно назад, а больше некому: постарайся застать дома Вейсса, сегодня поздно вече-ром бы самое лучшее, а то он на воскресенье куда-ни-будь уедет. И пусть – прямо идёт в немецкое посоль-ство. В понедельник! Надо же это кольцо зачатое прорывать. Почему Ромберг сам молчит, никого не по-сылает? Удивляться надо. Они должны быть заинте-ресованы больше нас: мы можем хоть обдумывать путь через Англию, а у них же никакого другого вы-хода нет. И научи Вейсса так: ни в коем случае кон-кретно обо мне и тебе, что вот именно нам двоим нуж-но ехать, но что многие бы хотели, между ними и мы. Так позондируем – какие возможности?.. Что надо просить? Допустим, чтобы Германия сделала публич-ное заявление, что она готова пропустить в Россию всех, кто... кого влечёт туда свободолубие. Вот так. Для нас такое заявление было бы вполне приемлемой основой.

А вот еще! Все эти дипломаты – они же дубины, они в революционном движении ничего, никого не раз-личают. Пусть Вейсс придаст нам весу. Пусть скажет загадочно, так: революционное движение в России полностью руководится из Швейцарии. Каждая важная акция должна быть прежде всего решена в Швейцарии. Буквально: в России не делают ни одного важного шага, не получив указаний от нас. И поэтому в нынешней обстановке... Понял? Ну, поезжай. Мне завтра тоже на поезд рано утром, в Шо-де-фон, на ре-ферат.

Такое настроение было к Коммуне три дня назад

– а вот, растеребилось.

Утром, по спешке и рассеянности, надел он шапку совсем затрёпанную, не ту – ив Шо-де-фоне предсе-датель профсоюза принял его за бродягу, не хотел ве-рить, что это и есть ожидаемый лектор.

В воскресенье днём в клубе часовщиков читая по- немецки, – не по писаному, по коротким тезисам раз-вивая свободно – реферат „Пойдёт ли русская рево-люция по пути Парижской Коммуны?“ перед двумя-стами собравшихся, он плохо ощущал своих слушате-лей, что им интересно и чего они ждут, он как будто потерял чувствительность – не видел зала, не ощущал бумаги в руке и обронил чувство времени. Да больше: он потерял нежность к своей исконно-любимой Ком-муне и, затягиваемый, незаметно сам всё более затя-гиваемый, уже сливал два опыта двух революций, не столько в формулировках, сколько в забегающих мы-слях и чувствах, два опыта – Коммуны и этот, внезапно расцветший – обманной? или единствен-ный, всю жизнь готовленный: не повторить нам оши-бок Коммуны, её двух основных ошибок: она не за-хватила банков в свои руки и была слишком велико-душна: вместо повальных расстрелов враждебных классов – всем сохраняла жизнь и думала их перевос-питывать. Так вот, самое губительное, что грозит про-летариату – это великодушье в революции. Надо на-учить его не бояться безжалостных массовых средств!

Что там вывели часовщики Шо-де-фона, а сам он всё больше захватывался тревогой: ведь время уте-кает! Пока читается тут реферат, а там, в Петербурге, что-то утекает неповторимо, кто-то жалкий и недостой-ный всё более вцепляется во власть.

Тут на трибуну заступил французский лектор, а Абрамович собрал всех здешних русских, и, пока было время до поезда, минут 25, Ленин стал и им читать что-то вроде реферата – да всё о том же, только те-перь уже без сравнений, прямо – что забирало и их и его, и прямыми же словами кончил:

– Если понадобится, то мы не испугаемся пове-сить на столбах восемьсот буржуев и помещиков!

Поезд покачивал, а он – всё думал и думал. В Петербурге нет настоящей силы. Сила – это царь с его аппаратом, но их вытолкнули. Сила – это армия,

но она прикована к фронту. А кадеты – никакая не сила. А Совет депутатов – много ли весит? как он там? И большая опасность, да почти наверняка, его захва-тывают сейчас чхеидзевые меньшевики. В Петербурге – пустота, в Совете – пустота, и

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru засасывающе ждёт, зовёт – его силу. И если бы успеть взять Петер-бург – можно было бы потягаться и с армией, и с ца-рём.

Так – ехать? Решиться – ехать???...

Побалтываемый быстрым бегом поезда, во втором классе, Ленин сидел у окошка, отражаясь в его темно-те вместе со светлой внутренностью вагона, смотрел, смотрел, не замечал, как давал билет на проверку раз и другой, не слышал, как проходили, объявляли стан-ции, – думал.

Ехать?..

То состояние, когда не видишь, не слышишь – сидят ли тут еще в вагоне другие. При окне – один, в поезде – один, и потому Инесса – не в Кларане, Инес-са едет с ним рядом. Как хорошо, давно так не гово-рили.

Понимаешь, ехать – никак нельзя. И не ехать – никак нельзя... А вот что: а не поехать ли вперёд пока тебе? Ты и ничем не рискуешь. И тебя везде пропу-стят. (Это – вполне невинно, это – не противоречие: кого любишь – того и посылаешь вперёд, естественно, о ком больше всего заботишься – вместе с тем и о деле заботишься. Так – всегда, а как же иначе? И если не отказала прямо – значит, согласна.)

Скоро год, как не виделись. И уже как-то оно рас-падалось... Но в день знаменательный, коммунный, счастливый, болтаемый в поезде бок-о-бок с Инессой, – он тепло и радостно почувствовал прежнюю бли-зость её и неизбежную надобность её, так почувство-вал, что два слова сказать ей всамделишных – вот сейчас загорелось, до завтра нельзя отложить!

И на одной станции выскочил, купил открытку. На другой – бросил в почтовый ящик.

... Дорогой друг!.. Прочёл об амнистии... Мечтаем все о поездке...

Определённо – да: мечтаем. Вот сейчас отчётли-во: мечта!

... Если поедете – заезжайте. Поговорим...

Ну, правда же, ну надо же повидаться... Миг-то какой! Приезжай!..

... Я бы дал вам поручение узнать тихонечко в Англии, мог ли бы я проехать...

Англия, конечно, не захочет пропустить: враг вои-ны, враг Антанты. Но как бы её обмануть, Англию?

Впрочем, через Францию-Англию-Норвегию ехать

– это может уйти и месяц. А новая власть за это вре-мя отвердеет, найдёт свою колею, покатится – и уже не расшатаешь её, не свернёшь. Надо спешить, пока не затвердела.

Так же и война: привыкнут люди, что война и при революции продолжается, и так должно быть.

Потом: немецкие подводные лодки. Уж такого мо-мента дождавшись – и теперь рисковать? Могут толь-ко дураки.

Ночью, уже у себя на Шпигельгассе, перерыви- сто спал. И через сон и через явь всё настойчивей на-чинала нажигать эта мысль: ехать? Поехать?..

А утро принесло телеграммы все едино, без про-тиворечий: отрёкся царь! отрёкся – несомнен-но! И он, и Михаил, вся династия, вся шайка – от-реклась!!!

Реставрации – не будет!!!

И вопрос зажёгся теперь только: как? Путём

– каким? Каким способом? Да побыстрее! Теперь и часа нельзя было промедлить – скорей туда! Не опо-здать! Захватить руль! Исправить, направить, скорей!

Сегодня Вейсс у Ромберга. Хорошо. Но это еще пока... зондировка, запросы, ответы... Глухонемой швед было кинута три дня назад, тоже Ганецкому, несе-рьёзно. Серьёзней – фотография для паспорта (хоро-шо, что послал): может ли она сегодня быть уже у

Сklarца? Нет, конечно. Послезавтра. А потом – рас-сматриваться в министерстве, в генштабе. Они должны бы и не ждать, должны бы сами догадаться и поторо-питься – послать, предложить. Молчат. Дубины. Ле-стница бюрократическая.

Или – дорожатся, чтобы больше взять? Тогда – ничтожные политики. Вперёд, на большом участке пу-ти – реальный союз, сепаратный мир. А там, а там... Прусские юнкерские мозги конечно не уследят за спи-ралями диалектики. Разве они видят дальше сегод-няшних своих окопов? Что они знают о мировой про-летарской революции? Дальше, конечно, мы их пе-реиграем, на то мы и умней. Но пока что им бы только сепаратный, да оттянуть прибалтийские губернии, Польшу, Украину, Кавказ – так это мы и сами от-даём, давно говорим.)

И Зифельд не идёт. И Моор не отзывается.

Но – Парвус? испытанный умница Парвус! – что же он? Израил Лазаревич! Я сижу в этой Швей-царии как в заткнутой бутылке! Вы же понимаете, вы-то знаете, как надо успевать на революцию! Поче-му не получаю предложений ехать? Делается ли что-нибудь?..

В комнате на Шпигельгассе – как в норе, солнца

– никогда в окне не бывает.

Та-ак... Та-ак, одуматься некогда, что-то обяза-тельно упускаешь. Что они там делают, в Петербурге

– Каменев, Шляпников? На Каменева ложится исто-рическая ответственность. Тезисы к ним потекли, но это когда еще... А вот что: надо сжато повторить те-леграммой. Телеграмму в Стокгольм, партийная касса не разорится. Надя, Моисей, кто пойдёт телеграмму сдаст: наша тактика – никакого доверия новому пра-вительству! никакого сближения ни с какой партией! только – вооружение! вооружение!.. Платком уку-тайся, бронхит!..

А вообще-то на всякий случай, если немцев не дождёмся, надо готовить путь и через Англию. Пусть, например, Карпинский готовит: берёт проездные бу-маги на своё имя, а фотографию приложим мою. Мою, но в парике, а то по лысине узнают. Срочно ему пи-сать! Срочно в Женеву! Кто отнесёт на почту? Ладно, сбегая сам.

Сильный холодающий ветер дул по узким переул-кам, и когда порыв усилился да навстречу – прямо останавливал. А хорошо идти – поперёк, против! Так привык всю жизнь, так шёл всегда – и не раскаи-ваюсь. И другой жизни не хотел бы!

Тот же ветер взнёс по переулку вверх, домой – и как раз вовремя: зовут к телефону на другой этаж. Кто б это мог? Почти никто того телефона не знает, для исключительнейших случаев.

По тёмной лестнице.

Инесса!! Прямо из Кларана! Голосок – как пе-реливы рояля под её пальцами...

– Инесса, как давно я тебя не слышал!.. Люби-мая!.. А я вчера с дороги послал тебе откры... Надо немедленно ехать, нам надо всем ехать! Я готовлю тут разные варианты, какой-то сработает обязательно! Но вообще надо разведать и английский путь. И, может, удобнее всего было бы тебе... Что?.. Неудобно?.. Ну, я не настаиваю никогда, ты знаешь... Не уверена, что вообще поедешь? Вообще?? Колеблешься?.. (Какой- то сбой, мысли не сходятся. Когда долго не видишься – и всегда сбой, настроения не прилегают, а тут еще и по телефону.) ... Почему же нет? Да как же можно вытерпеть! ...А я был – совершенно уверен! Мне в го-лову не... Да, нервы, конечно,.. Да, нервы... (По теле-фону о нервах не разговоришься, франк минута.) Ну, ладно... Ну попорбую как-нибудь, да...

Ах, лучше б и не звонила, только настроение опу-стилось... Оборвала и настроение

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru и план...

Как же испортились отношения, не узнать. И – отчего? Уж портиться бы – отчего? Уж как он ей вы-стилает, как уступает – кому, когда?..

Удивлялся, что втроём – и держится. Вот и не удержалось...

Занозилось, зануло от этого разговора, ничем за-нять себя не заставишь. Сел к окну, где посветлей, на коленях писать программу действий для петербург-ских, они ведь сами никогда ничего ... За окном ветер просто ревел и в щели дуло, каких раньше не замечал. Март, а печку бы истопить? Скажут хозяева – уголь перетрачиваем. Пальто накинул.

Начать надо с анализа обстановки. Точной обста-новки он не знал и не мог восстановить по скудным га-зетным обрывкам, но хорошо понимал по общей тео-рии, и ничего другого в Петербурге происходить не могло... Произошло в России чудо? Но чудес не бы-вает ни в природе, ни в истории, только обыватель-скому разуму кажется... Разврат царской шайки, всё зверство семьи Романовых, этих погромщиков, залив-ших Россию кровью евреев, рабочих... Восьмидневная революция... Но имела репетицию в 1905 году... Опро-кинулась телега романовской монархии, залитая кро-вью и грязью... По сути это и есть начало всеобщей ве-ликой гражданской войны, к которой мы призывали...

Недоговорённое с Инессой – мешало работать. От звонка поднялось – и не улеглось. Как-то взаимно-непонятно, ершисто... Колет...

Естественно, что революция разразилась раньше всего в России. Этого и надо было ожидать. Этого мы и ждали. Наш пролетариат – самый революцион-ный... Кроме того весь ход событий ясно показывает, что английское и французское посольства с их агента-ми непосредственно организовали заговор вместе с октябристами и кадетами...

Что ж, мы уедем – а она останется? Совсем – останется? Ведь события могут так раскидать, разде-лить...

В новом правительстве Милюков – только для сладеньких профессорских речей, а решают пособни-ки Столыпина-вешателя... Совету рабочих депутатов надо искать союза – не столько с крестьянами, но в первую голову – с сельскохозяйственными рабочими и с беднейшими крестьянами – отдельно от зажиточ-ных. Важно уже сейчас раскалывать крестьянство и противопоставить беднейших – зажиточным. В этом гвоздь

Ну, просто ураган! И как будто снег срывает. Уже и от окна света нет, опять лампу...

• Нет, не успокоиться, пока снова не написать Инес-се. Вот прямо сейчас и написать.

... Не могу скрыть от вас, что я разочарован силь-но. Теперь надо – скакать, а люди чего-то „ждут“... Через Англию под своим именем – меня просто аре-стуют... А я был уверен – вы поскачете!.. Ну, может быть здоровье не позволяет?.. Так пусть хоть Крыленко попробует – узнаем, как дают? какой порядок?

И вот уже нытьё облегчилось, отлегло, а зацепи-лась и потянула новая идея, использовать это письмо:

... Да тут только задуматься: около вас там живёт столько социал-патриотов и разных беспартийных рус-ских патриотов, и богатых! – почему же им не при-дёт в голову простая мысль ехать через Германию? – вот им бы и попросить вагон до Копенгагена. Я не могу этого сделать, я – „пораженец“. А они – могут. О, если б я мог научить эту .сволочь, этих дурней быть поумнее!.. Вы – не подскажите им?.. Думаете, немцы вагона не дадут? Держу пари, что дадут! Я – уверен просто! Конечно, если дело будет исходить от меня или от вас – всё сразу испорчено... А – в Же-неве нет дураков для этой цели?..

Вот к этому и свелась теперь вся проблема: не Францию-Англию разведывать, нет, ехать только через Германию, конечно! Но: как, чтоб не от себя, чтоб это возникло от кого-нибудь от другого?..

Если кто сомневается, можно хорошо убедить так: ваши опасения – курам на смех! Да неужели же русские рабочие поверят, что старые испытанные революционеры действуют в угоду германскому империализму?

Скажут – мы „продались немцам“? Так ведь про нас, интернационалистов, и без того уже давно говорят, раз мы не поддерживаем войну. Но мы де-лами своими докажем, что мы не немецкие агенты. А пока надо – ехать, ехать, хоть через самого дьявола.

Но – кому внушить инициативу? А без этого и возможность будет – а ехать нельзя. Нам одним, первым нам, от себя – нельзя, в России окажется трудно.

Так и прокатился день, не дав решения и выхода...

А за один этот день – что там в России наворочено!

Туда, в ревушую тьму, прислониться к тёмному стеклу – мелькало, мелькало, неслись косые пули! Вот такое и в Петербурге сейчас. Бешено выло в трубе, стучало где-то на крыше, никогда не стучало, что-то оторвало. Ну, закручивало!

Как будто вот последние часы упускаем, последние часы. Писать им, писать дальше:

– ...Милюков и Гучков – марионетки в руках Антанты... Не рабочие должны поддерживать новое правительство, а пусть это правительство „поддержит“ рабочих... Помогите вооружению рабочих – и свобода в России будет непобедима! ...Учить народ не верить словам!.. Народ не пожелает терпеть голода и скоро узнает, что хлеб в России есть и можно его отнять... И так мы завоеваем демократическую республику, а затем и социализм...

Раскрутилось внутри, вытягивало жилы рук и ног от бездействия. А – пойти в эту бурю, выходясь! Иначе ведь всё равно не заснуть. Пусть ветер потолок-кает, продует.

Внизу лестницы – запахнулся, старую шапку нахлобучил крепче. (Спросил председатель шо-де-фонского профсоюза: „Это что за пилот?“)

Сразу – как толкнуло, как понесло, ну, настоящий ураган! А – по сухому, снега мало. Фонари все видны, а небо тёмное. Брянь-нь! – выбило стекло из уличного фонаря. Черепицей стучит, тут и на голову свалится.

Узкие, узкие, узкие улочки старого города, в какую сторону ни иди – лабиринт. Заблудишься тут как мышь, не вырвешься на просторы петербургских площадей.

Управляли Россией 40 тысяч помещиков – неужели ж мы столько не наберём и не управим лучше?..

На Нидерхофштрассе, улице ночных гуляний, прохожих почти никого, все забились за светлые окна. И барахтается в ветрище беспомощный – сжатый, нагнутый, вялая, рыхлая, знакомая фигура... Григорий! С вокзала? Приехал опять?

– Владимир Ильич, много важного, решил приехать.

– Ну, что Вейсс? Был у Ромберга?

– Был сегодня. Сейчас расскажу. Трт обрадовался!

Один туда качнётся, один сюда, руками от ветра отбиваясь, шапку хватая. Побрели назад. Говорить трудно, но и не терпится.

В Берне весь день заседал эмигрантский комитет по возвращению на родину, и Григорий там от нас. Ну и что, как?

Говорильня, говорильня, перебирали все варианты

– и через союзников и через Скандинавию. А Мартов предложил – через Германию!

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
– Мартов??

– Через Германию!!

– Мартов???

Воздуха нет кричать.

– Да! В обмен на немецких военнопленных в России!

– Ма-артов???

– Получить согласие Временного правительства... Через Гримма – в переговоры с швейцарскими вла-стями...

Что за удача! Какая удача! Предложил – Юлик, не мы! Так и назовём – план Мартова! А мы

– только присоединяемся.

Первое слово – сказано!

10 марта [23 марта]

Германский посол в Берне барон Ромберг –

в м.и.д. Шифровано. Совершенно секретно.

Выдающиеся здешние революционеры имеют же-лание возвратиться в Россию через Германию, так как боятся ехать через Францию – из-за подводных лодок.

10 марта [23 марта]

Статс-секретарь германского м.и.д. Циммерман –

в Ставку Верховного главнокомандования.

Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революцио-неров, мне кажется уместным разрешить им проезд.

12 марта [25 марта]

Ставка – в м.и.д.

Никаких возражений против проезда русских ре-волюционеров в групповом транспорте с надёжным сопровождением.

13 марта [26 марта]

Германское м.и.д. – послу Ромбергу. Шифровано.

Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имён должны быть представ-лены за 4 дня. Возражения Генерального Штаба против отдельных лиц – маловероятны.

14 марта [27 марта]

Посол в Берне Ромберг – райхсканцлеру Бетману-Гольвегу.

Совершенно секретно.

Из обстоятельного разговора с нашим русским доверенным лицом Вейссом я установил, каким обра-зом мы можем поддержать революцию в России... Необходимо избегать всего, что может быть исполь-зовано поджигателями войны в России и в странах Антанты. Сторонники мира в России возьмут верх... Я ответил, что если Германия придерживалась более всего царской династии, то потому, что в прежние времена только от неё встречала понимание и под-держку своей миролюбивой политики. Если же те-перь такие добрые намерения мы встречаем у край-них левых,

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru это тоже нам подойдет.

Об условиях мира он сказал, что его партия не будет вести войну из-за Курляндии и согласна на выделение нейтральной Польши.

Он разъяснил мне, что кадеты в союзе с Антантой обладают неограниченными средствами для пропаганды, а у революционеров в этом отношении большие трудности. Вейсс до сих пор претендовал лишь на весьма малые суммы из опасения, что обладание большими вызовет к нему подозрение в собственной партии. Но сейчас эти возражения отпадают. Чем большие суммы мы можем ему предоставить, тем больше может он действовать в пользу мира. Я бы усиленно рекомендовал предоставить г-ну Вейссу во всяком случае 30 тысяч франков за месяц апрель, которые он в первую очередь хочет использовать, чтобы сделать возможным путешествие в Россию для важнейших партийных товарищей. Думаю, было бы неумно в этот решающий момент его ограничить и тем оттолкнуть. Могу ли я ему пообещать и дальнейшие субсидии?

От того вечера 6-го марта, как налетела на Цюрих буря и всю ночь толкалась на старый город, а на рассвете повалила густым снегом, и вскоре дождём, а потом крупой, и снова снегом, и опять дождём, а к вечеру снегом, и только за следующую ночь весь город убелив, успокоилась, – от той бурной ночи и того дня, ищагиная и избегая скучное камерное пространство своей комнатенки от обеденного стола до полутёмного окна, не выпускаемый из клетки швейцарии, непогодой задержанный в комнате и не удерживаемый клеткой грудной, как выпрыгивала страсть вмешаться в действие, – Ленин не сам решил, но за него решилось: раз он задерживается, то отсюда, не мешкая, писать и посылать питерским большевикам про-грамму действий, писать и посылать, и посылать, не окончивши писать, а значит как бы вроде писем, и едва кончивши, сколько есть за сутки, скорей нести кому-нибудь на почту, а самому бросаться в газеты (теперь уже их покупая все подряд, вся комната завалена) и выискивать, выискивать по кусочкам из того, что схватили и разглядели близорукие западные корреспонденты и отобрали как достойное для своей газеты убогие буржуазные умишки – выискивать и выхватывать, и понимать в разящем свете партийного проникновения – и разворачивать, разъяснять перед непонимающими, растерянными или глупенькими. „Защита новой русской республики“ ? – обман и надувательство рабочих! Лозунг „а теперь вы свергайте своего Вильгельма!“? – ложный, все силы на свержение бур-

жуазного правительства в России! Временное правительство – правительство реставрации монархии, агент английского капитала! И – лучше раскол с кем угодно из нашей партии, чем сотрудничество с Керенским или Чхеидзе, чем доля уступки им!

А в этом разворачивании и разъяснении сам для себя находя, тут же и для партии встраивал недостающие звенья и планы организации: в ответ на велико-лепный манифест большевистского ЦК (это – камнев, голова, это он наверно!), объявленный в Питере еще 28 февраля, а сюда дошедший через 10 дней отрывком в случайной газете, – предложить им и объяснить, как же организовать (не так, как он советовал в 905-м, а теперь): вооружение народных масс целиком! народная милиция изо всего поголовно населения от 65 до 15 лет (втягивать подростков в по-литическую жизнь!) и обоего пола (вырвать женщин из одуряющей кухонной обстановки!) – и чтоб эта милиция стала основным органом государственного управления! Только так: оружием в руках у каждого будет обеспечен абсолютный порядок, быстрая развёрстка хлеба, а затем вскоре – мир и социализм!

И от вторника 7-го до воскресенья 12-го вырвались четыре таких „письма из далека“ и тут же сдавались на почту экспрессами (когда уже написано – тем более жжёт, нельзя задержать, нельзя удержать)

– кому же? – Ганецкому, умному славному расторопному кубе, а он будет отправлять, налаживать туда дальше, в Петербург! (А копии – сразу Инессе, а та

– Усиевичу, а тот – Карпинским, а те – назад, и всё экспрессами, это всё крайне важно для спевки о так-тике.) Почти всё время кто-нибудь спотыкается – на почту, а еще же искать по киоскам и читальням непрочтенные газеты и снова анализировать, угадывать – и светом луча выбрасывать вперед новые пункты программы! А тут Луначарский уваливает выступить против Чхеидзе – предупредительную холодность ему. Тут Горький, недоумок, суётся в политику: выступление Временному правительству да басенки „почётного мира“, архивредное выступление, придётся ударить по рукам! (Не можешь выдержать партийной линии,

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru так и не суйся, пиши свои картинки.) А там неприятности с Черномазовым в Питере, мало им Малиновского, хотят и вовсе залить нашу партию помоями. А там Коллонтай уезжает в Россию, счастливая! А тут, пока застряли, успеть бы на машинке перепечатать 500 страниц „Аграрной программы“, кто бы взялся? А еще: как не написать листовки к русским военнопленным, их 2 миллиона: заявите громко, что вы вернетесь в Россию как армия революции, а не армия царя (вполне бы их могли использовать и против); а мы поспешим уехать и будем посылать вам из России деньги и хлеб... А еще: как же при отъезде не написать прощального письма к швейцарскому про-летариату, еще раз заклеить шовинистов, еще раз указать им путь (только это опасно, может помешать отъезду. А вот как: написать, оставить здесь, а уже из России телеграммой взорвать, пусть печатают.) А тем временем...

...а тем временем совсем плохо с Инессой. Оби-жена. Сердится. Сидит в Кларане (а может уже и не в Кларане? вот письма прервались, может уже и не там). Сердится, но, как всегда у женщин, это выворачивается во что-то другое, стороннее: будто бы „теоретические разногласия“, возражает и капризничает, где ребёнку ясно. Как бы нужна была тут, рядом! Какое время! – неужели время для бабьих обид? Некому собрать, систематизировать все телеграммы из России, ведь что-нибудь пропустишь наиважное! Но не только не захотела испытать английский путь возврата, а даже в Цюрих не хочет приехать на денёк! В Четырнадцатом году ехала для него с Адриатики в Брюссель, бросив детей, а сейчас без детей и из Кларана – ни разу не приехала на денёк.

И нельзя понять: вообще ли поедет с нами?..

Но всё это, всё это кружилось как внешние воронки на воде, даже с Инессой, – а главные события большими толстыми тёмными рыбами беззвучно проходили близ дна.

Ганецкий коротко отозвался: будет! Но пытка была – дожидаться. По расчёту дней уже мог быть приготовлен в Берлине паспорт и прислан сюда – а не было.

И молчал несильный Парвус.

Да он справедливо мог быть и в обиде. А не исключено: испытывал Ленина нервы, усилил свою позицию выжиданием.

Но некуда было деться им друг от друга: события соединяли их.

Если платили ему миллионы ради призрака, – то сейчас-то есть для чего платить.

И – будет, куда принимать. И теперь-то и нужно, не тогда.

А тем временем в шумных „Комитетах возвращения“, хотя и с перевесом циммервальдистов, льнули все к законности, ждали разрешения от продажного тучковского правительства, а оно уже слало 180 тысяч франков от частных сборов – на возврат дорогим соотечественникам, только конечно через союзников (где и германские подводные лодки топят транспорты дураков) – и уже вокруг этих денег начинались интриги, могли обделить большевиков, собрания шли чуть не до драки.

Ильич на те заседания конечно не ходил, но ему подробно рассказывали. И чем больше все эти споры накалялись – а швейцарско-эмигрантское настроение было только отблеск того, что в России подымается, – понял Ленин, что он поспешил, сорвался: никакого отдельного паспорта получать нельзя, ехать одному невозможно.

И 10-го, ровно через неделю после фотографии, послал Ганецкому отменную телеграмму: „Официальный путь для отдельных лиц неприемлем!“

Всё, отказались.

Зато Цивин-Вейсс ходил и ходил к Ромбергу. Тот уверял, что идёт усиленная переписка с Берлином, даже курьерами. И постепенно – из темноты, из будущего, из никогда не бывалого, проступали контуры крупного замысла – как большой паровоз из тумана – да только медленно-медленно проворачивал он свои колёса или всё еще стоял.

А за ним – вагон.

Проступал из тьмы – вагон.

Неплохо. Приемлемо.

Но там пока для этих болтунов, для Комитета по возвращению, надеюсь...? эти условия не открыты?..

Нет, нет. Нет-нет. То – официально, здесь – кон-фиденциально.

Хорошо, хорошо. Так постепенно, несколькими головами, общими усилиями – что-то выявляем, вы-являем, находим. Стало потвёрже. (Но – как тяну-лось! Но – непохоже на немцев как! Да ведь их еще больше должно припекать, когда объявило Временное, что продолжает войну.)

Стали готовить список, кто поедет. Запрашивали своих по всей Швейцарии, но –1 тайно, это важно, никого чужих не примешивать. Одновременно (тоже важно!) вслух говорили всем обратное: и Англия нас не пустит, и через Германию ничего не выйдет. И шумно обсуждали анекдотические попытки: Валя Са-фарова просилась в английском консульстве, кто-то слал телеграфный протест Милюкову, а Сарра Равич придумала фиктивно выйти замуж за швейцарского гражданина – и так получить право прямого проезда. Смеялся Ленин и советовал ей „подходящего старич-ка“ – старого Аксельрода, ничем другим уже не год-ного революции.

У немцев с одной стороны тянулось, с другой – крутилось и чересчур проворно, верней – одна маши-на крутила независимо от другой. 14 марта вече-ром, воротясь из Народного дома, где два с полови-ной часа делал швейцарцам доклад о ходе русской революции – что истинная, вторая революция еще впе-реди, и есть для неё хорошая форма – Советов депу-татов, и уже сегодня надо готовить против буржуазии восстание, – хорошо отвлёкся докладом, освежился от этих изжигающих безвыходных планов отъезда, охотно возвращался пешком по приятному вечеру, поднялся к себе – и ахнул: маленький, сухой, седо-вьющийся, с уголком платочка из кармана, сидел и улыбался, как ожидая радостной встречи, и от своей важности не торопясь подняться для рукопожатия, –

Сklarц!!!

Не укорив, но и не похвалив, не сказав ни „плохо1“, ни „хорошо“, – Ленин пошёл на Сklarца с прони-зывающим косым взглядом (такой взгляд всегда пу-гал) – тот поднялся, теряя уверенность, и Ленин пожал ему руку, как хотел оторвать:

– Да? Что привезли?

Без путевых впечатлений, без вводных, без санти-ментальностей: что привезли?

Коммерсант, всё более входящий в большую по-литику большой Германии, почтенно принимаемый за-метными генералами и в министерствах, и при щед-рости своей сегодняшней миссии, – опешил перед этим режущим взглядом щёлок глаз и недобрым изги-бом бровей, усов, а всё остальное – как мяч футболь-ный, накативший ему в самое лицо, – опешил, поте-рял улыбку и то приятное многословие с предисловием, которыми думал развлечь, и даже приготовленные шу-точки, – а сразу высказал главное и выложил на стол.

И не садился.

И Ленин не садился.

А Зиновьев сидел и сопел.

Вот что было. Сklarц приехал уже не только от Парвуса, хотя Бегемотская голова всё и начал (начал сам, еще до ленинской просьбы, она пришла потом, начал по первым известиям о петербургской револю-ции, рассудив, что не хуже Ленина знает, что нужно),

Сklarц приехал со всеми полномочиями от генерала ного штаба на проезд через Германию и с обеспечен-ным выездным содействием здесь германского консула в Цюрихе, а если нужно, то и посла в Берне, – Сklarц привёз готовые документы, – и вот они лежали, чудо, хотя чудес не бывает, – лежали на блеклой клеёнке в жёлтом кругу керосинового света.

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru
Вот. Господин Ульянов. Госпожа Ульянова. Всё в порядке.

А – Зиновьев?..

Пожалуйста. И госпожа Лилина. Всё в порядке.

Да, но... А..?

И еще один, пятый, да, вот: госпожа Арманд.

Всё тонко знал, всё сам предусмотрел гениальный Парвус!

И – Инесса...

И всё! И все проблемы решены! И ни часа более не ждать, не маневрировать, не дипломатничать, не раздражаться, не посылать посыльных, не ждать из-вестий, ни от кого не зависеть – собрать вещи – а их нет у революционера! <– и ехать хоть завтра утром! хоть завтра вечером! Двенадцать дней назад отрёкся царь – а мы через три дня будем в Питере – повер-нём всю российскую революцию, куда надо! Может ли быть быстрее во время мировой войны? Еще никто ничего не успеет испортить – а уже вырваться первым на первую петербургскую трибуну, опережая даже си-бирских ссыльных, – и отворачивать Совет Депута-тов от тучковского подлого правительства, и создавать всенародную милицию от 15 до 65 лет обоого пола, да что угодно!

Документы – лежали. С немецкими готическими вывертами, немецкими орластыми печатями и с при-годившейся, уже приклеенной, вот вернувшейся ленин-ской фотографией, – в керосиновом свете, драгоцен-ные документы на дешёвой клеёнке, местами протёр-той до переплёта нитей.

Таким документам сам канцлер должен был ска-зать: „да“, чтоб их изготовили.

Парвус отплачивал долг, что перескакал когда-то.

И мешок Зиновьев – расплылся, руки потянул к бумагам.

Ленин вскинулся как на врага – тот замер.

Увы, уже понятно было: так просто сунуть руку в пламя революции – обжигалось.

И потеряв, и нервно потеряв над документами уже чуть обожжённые ладони, Ленин резко взял их назад, сведя за спиной вместе.

Такая сделка не могла бы потом укрыться. Невозможно будет прилично объяснить. И разматает-ся, и разматается до самого Парвуса – и не прикро-ешься его славным революционным прошлым, – а прилепят тебя в ту же мразь, и руль революции выр-вут из рук.

Да вот что: не потому ли Парвус так и старается, чтоб именно – Ленина замарать с собою вместе? Вот такой индивидуально-семейной поездкой накинуть пет-лю – а потом и в руки взять? а потом и условия диктовать – как революцию вести?

Но – вовремя разгадал Ленин ловушку!

– Так вы же сами заказывали, господин Ульянов!

– Нет коммерсанту оскорбления хуже, чем когда на хороший товар говорят: плохой.

– Заказывал. Но это была ошибка. Обстановка исправляет, – мрачно говорил Ленин, всё так же не садясь, всем напряжением не в речи, а там, внутри, в мысли, и оттуда чревовещательно диктуя: – Надо

– большую группу. Человек сорок. Вагон. Изолиро-ванный, экстерриториальный вагон.

Поднял глаза, посмотрел на Скларца вниматель-ней, внимательней – и уже сочувственней, и даже веселей. (Сообразил: да этот человек за сутки может доехать до германского правительства! Да это велико-лепно, что он приехал.

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru
Спасибо, Парвус! Ну, немножечко изменим вариант, ну – несколько дней.)

И почувствовав, что Ленин к нему подобрел – рас-слабился, улыбнулся Скларц: он и в высоких сферах не привык к такому обращению, он ничем его не за-служил.

– Израиль Лазарич просил торопиться, – напом-нил он. – А то – как бы это правительство народного доверия не заключило бы мира!

– Не заключит, не заключит, – развеселились глазные щёлки Ленина.

Усадил его, сел сам через угол стола – и не только словами, но всеми глазами внушал, гипнотизировал, чтоб тот запомнил и точно исполнил:

– Поезжайте и договоритесь прямо. Другие линии очень долго работают. Пусть хорошо поймут, что мы не можем себя скомпрометировать – и не ставят нас в такое положение. Пусть не ставят нам ограничений – кого там нельзя, годных к военной службе и так далее.

(Как раз сам Ленин и был годен. Но никогда не призывался как старший сын в семье – казнь брата дала ему эту льготу.)

– Или – отношение к войне и миру. Не устанав-ливали бы проверки паспортов, личного контроля. Как въехали – так и выехали, как неразбитое яйцо, пони-маете? И чтобы – ни слова в печати.

Всё – внезапно. Вагон пропустить – как снаряд. Не дать публике времени узнать, обсуждать.

– Да! – вспомнил Скларц, порадовать самым приятным. – Стоимость проезда германское прави-тельство берёт на свой счёт.

– Еще чего! – темно вспыхнули и по-разному два глаза Ленина. – Странно бы выглядел такой проезд. Какие ж там глупые у вас. За проезд обяза-тельно платим мы! – Смягчился: – Но – по тарифу третьего класса.

И еще отдельно:

– Идёте ко мне – и не можете одеться скромно. Вас могли заметить товарищи. Из-за этого завтра еще перебудете здесь, сидите в отеле, а ко мне пусть при-дёт Дора. Разумеется, без документов, а что-нибудь мямлить, а я ей буду отказывать. И только после это-го вы уедете. А как только будет согласие правитель-ства – чтоб дали нам знать немедленно!

Когда Скларц всё понял и документы собрал, пожал руку очень почтительно, благодарственно, и ушёл, –

– Как еще можно им ставить условия? – уди-вился размяклый Зиновьев, колыша вялыми плечами.

Ленин остро шурился:

– Никуда не денутся. Заинтересованы больше нас.

– Про Скларца – скроем.

– Нет, Платтену скажем. Хуже, если узнает сам. Платтена, Мюнценберга – нам терять нельзя.

А еще, для страховки – немедленно письмо Га- нецкому (может, кому и покажет):

„Пользоваться услугами людей, имеющих касатель-ство к издателю „Колокола“, я конечно не могу...”

И даже:

„...Ваш план поездки через Англию...”

Чем больше прыжков и ложных ходов, тем безо-пасней нора.

Вот – предложенный Ромбергом вагон. Вагон. Надо проговорить его словами, надо помочь этому вагону, как цыплёнку, вылупиться в общественное сознание. Говорить, писать, бросать фразы:

– А может быть, швейцарское правительство по-лучит вагон?..

– А не согласится ли английское правительство пропустить вагон?..

– Как это?

– А... от порта до порта. Отчего бы Англии не пропустить запираемый вагон? Например, с товари-щем Платтенем и любым числом лиц, независимо от их взглядов на войну и мир?

– Но как же: Англия – остров, а – вагон?

– А... дальше – нейтральным пароходом. С пра-вом известить все-все-все страны о времени его отхода.

(Чтобы германская подводная сдуру своих не пото-пила.)

А говорят о поездке – все и много. И несколько эмигрантских комитетов и все партийные направления просили Гримма вступить в переговоры с немецким послом. (Как Мартов предложил – за каждого эми-гранта освободим пленного немца.) Отлично, отлично, план Мартова работает!

Гримм – взялся! (Еще лучше.) Но он не только вождь Циммервальда – он и член швейцарского пар-ламента, и такой шаг неблагоразумно делать без сочув-ствия правительства, например министра иностранных дел Хоффмана. (И если Гримм взялся – значит, кон-сультация была, заметим. А почему бы Швейцарии быть против? Швейцарии и самой бы неплохо эту шумную банду отправить. Швейцария сама стеснена войною со всех сторон.) Гримм ходит и ходит к Ромбергу, он ведёт переговоры абсолютно-секретные, чтоб не про-никло в печать, чтоб не опорочить швейцарский ней-тралитет, – но главным представителям каждой пар-тии (Натансону, Мартову, Зиновьеву) он-то сообщает. Мы – знаем.

Улита едет – когда-то будет. Пусть, пусть.

А Ромберг всем отвечал: „да". И Гримм посчитал, что он легко всё исполнил: да – и да. Теперь остаётся вам, товарищи, обращаться за разрешением к своему Временному правительству.

Ах, спасибо! Ах, забыли перед вами шапочку снять! И потом век кланяться в ножки Луи Блану-Керен- скому?

Все эти острые дни ужасно не хватало Радека- плута, телефоном вызвали его из давосской санатории, отдыхал, даже на русскую революцию сразу не ехал. Но уже по пути всё понял и придумал еще один шаг отвлекающего зондирования: в Берне, через немецкого корреспондента.

Что ж, и тут был ответ от Ромберга, как и всем: да, да, конечно, всех желающих пропустим.

Но – не распахивалась германская граница, да и все желающие только узнать хотели, да посравнить, да спроситься Временного (слали телеграммы Керен-скому), а так больше мялись.

Все согласны – и не начиналось ничто. Неуклю-жи старинные дипломатические пути.

Не начиналось, пока тёмные крупные рыбы у са-мого дна не пройдут свой курс.

Пока Скларц не доложит в Берлине встречных предложений Ленина.

И германская Ставка скажет окончательно: да.

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
И министерство иностранных дел не всполошится: уже так много публичных разговоров об этом возврате, уже князь Львов откровенно сказал швейцарскому посланнику, что быстрый отъезд эмигрантов из Швейцарии нежелателен. Так надо ж поспешить! – из-за кого же тянулось? – этот шанс для Германии не повторится!

И 18 марта, в субботу, посол Ромберг в Берне полу-чил наконец распоряжение как можно быстрее сообщать Ленину, что его предложения об экстерриториальности приняты, не будет личного контроля и ограничительных условий.

В субботу – и „как можно быстрее“! Значит – не перемедливать лениво воскресенья. И, нарушая все законы осторожности, используя запасную крайнюю связь, германский посол стал вызванивать по телефону, в Народном доме нашёл наконец социалиста- немца Пауля Леви: надо немедленно передать Ленину, что...

И еще одним звонком был вызван Ульянов к соседнему телефону на Шпигельгассе – и шёл, волнуясь, что это Инесса.

А это был – ответ!!!

И вот когда – путь был открыт! Вот когда можно было назначать группе в 40 человек отъезд хоть через два дня, ровно сколько нужно товарищам уложить вещи, сдать книги, уладить денежные дела, съехаться из Женевы, Кларана, Берна, Люцерна, купить продуктов на дорогу, можно было ехать уже во вторник, а в ту субботу – на одну субботу позже, чем со Склар- цем – вмешаться в русскую революцию!

Но еще во мраке тёмной затхлой лестницы, а по-том в дневном мраке комнаты-камеры (с утра опять то крупный густой снег валил, то снег с дождём вперемежку), руки подхватывая к вырезам жилета, чтоб они не вырвались к действию прежде времени, и ус-покаиваемый пальтовой тяжестью старого засаленного пиджака, – Ленин заставил себя ни к кому не кидаться объявлять, но – подумать. Подумать. Подумать, бегая.

Потерять голову в поражении и в унынии не может твёрдый человек. Но потерять голову в успехе – легко, и это самая большая опасность для политика.

Всё открывалось – а воспользоваться и сейчас было нельзя: как потом объяснишь: через кого и как согласовано, что вдруг внезапно подали вагон одним ведущим большевикам – и уехали?

Еще надо сделать несколько отвлекающих, ослепляющих шагов.

Никакого простора бегать ногам, и на улицу не выскочить в такую погоду (и давно забыты читальни) – и вся беготня ушла в огненные вихревые спирали, провинчивающиеся в мозг.

Поездка – открыта, да, но – куда? "Для задержки на финской границе? Или в тюрьму к временному правительству? Можно представить, как там сейчас свистит шовинизм! По существующим мещан-ским представлениям это ведь так называемая „измена родине". И даже тут, в Швейцарии – меньшевики, эсеры, вся бесхребетная эмигрантская сволочь, закричат об измене.

Нет!

Нет.

Нет...

Пусть бы удерживали обстоятельства, но держать себя самого, уже свободного, рваться – и держать, до чего ж трудно!

Тут надо... тут надо...

Всё, что проплыло у дна тяжёлыми тёмными ры-бами, теперь провести по поверхности беленькой па-русной лодочкой.

Переговоры окончены? – теперь-то переговоры начать! Как будто сегодня начать их в первый раз!

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
И нет фигуры приличнее, чем доверчивый без-лукавый Платтен.

Готовить группу – само собой. Да список уже и есть.

(Инесса! Неужели и теперь не поедешь? Чудо-вишно! С нами – не поедешь? В Россию! – на празд-ник, на долгожданный? Останешься в этой гнили?..)

Сорок человек – уже не обвинишь в измене. По сорока человекам пятно расплылось – и нет. Конечно, можно бы прихватить и максималистов и разных от-дельных отчаянных, тогда б еще безгрешней. Но... Лучше с собой чужих не брать, лишние свидетели в пути, лишние свидетели каждого шага, а мало ли бу-дет что. Да и в чём тогда успевање, если своими усилиями, в своём вагоне провозить врагов, а в Питере с ними бороться? Нет! Всё до последнего момента – втайне, и день и час отъезда втайне.

Только переговоры – открытые.

Не имея согласия уже в кармане – такие перего-воры нельзя начинать: а вдруг не удадутся, что за позор! Но с согласием в кармане – вот тут-то их и вести.

И: как нужна высокая организация во всяком пролетарском деле, в каждом шаге пролетарского де-ла, – так и в этой,поездке. Жестокий обруч. Чтобы какое-нибудь дерьмо в сторону не вывернулось. Чтобы все заодно – и никто не уклонился, не сказал бы никто: а я не участвовал! а я не подозревал, в чём дело!

Поэтому – за подписью каждого. Как присяга, как клятва. Как разбойники целуют нож. Чтоб никто не отбился потом, не кинулся „разоблачать“. Ответ-ственность – самая серьёзная, и должны разделить все сорок.

(Неужели Инесса не поедет?..)

И уже – сидел, составлял такое обязательство. Уже набрасывал, на стуле у окна на коленях, в сумер-ках снежной вьюги, своим почерком косоугончивым, как в настиг за мыслями наискосок листа, в эти дни крупней обычного, так волновался, – набрасывал пункты, какие могли бы тут войти: я подтверждаю... что условия, предложенные германским посольством товарищу Платтену, мне были объявлены... и я под-чинился им со всей политической ответственностью перед возможными последствиями...

И вдруг из коридора – приятно-резкий, насмеш-ливый голос Радека. Приехал?! Ну, лучшего гостя и помощника не придумать сейчас! Карл, Карл, здрав-ствуйте, раздевайтесь, ох, за воротник вам насыпалось. Да вы новость нашу – представляете?!?

Короткий вопль, сверкающие зубы, не убираемые за верхней губой, кучерявый, с ореолом бакенбардов – смеющийся озорник Радек!

Ну-ка-сь, ну-ка-сь, давайте вместе составлять. Та-кие же твёрдые условия надо подготовить и для Ром-берга.

– Вы – им – условия?

– Да. А что?

– Восхитительно!

Такая затея – как раз по Радеку. Он – и советует, он – и шутит, у него и находки и мысли предусматри-тельные.

Только вот курить в этой комнате запрещено, сухую трубку сосёт. И... Э-э...

– Владимир Ильич! А как же будет со мной? Неужели вы меня способны не взять?

– Да почему ж не взять?

– Да ведь если мы пишем – „русские эмигран-ты , а я – австрийский подданный?

Ах ты, чёрт, австрийский поданный! Ах, чёрт! Привыкли как к своему, только для

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsyna@alexander.ru виду считается – польская партия. Но как же можно Радека не взять? Радека – и не взять!

У Радека выход готов: если будет Платтен с Ром-бергом заключать письменный договор (а не будет письменный, так устно еще легче попутать) – про-пустить слово „русские“, написать – „политэмигран-ты“, а – о каких же еще речь? Не додумаются немцы, подмахнут.

Вообще в такой архиответственный момент, в таком наисерьёзнейшем деле недопустима игра, и гер-манская Ставка – не из тех партнёров, с которыми шутят. Но для Радека – незаменимого, ни с кем не сравнимого, фонтана изобретений, острого, едкого, на-хального Радека – пожалуй и попробоваться?

– Но – согласится ли Платтен вести эти пере-говоры? Ехать?

– А больше – некому. Значит, согласится.

– А если – Мюнценберг? Потвёрже.

– Вилли? Да ведь он считается немецкий дезер-тир. Как же ему – с послом? И как через Германию?

– Всё-таки... – постукивал Радек черенком меж-ду зубами, – всё-таки, Платтен – партийный секре-тарь, а какая-то поездка с эмигрантами? А тут начнёт мучиться, не будет ли вреда его Швейцарии?..

– А что – Швейцарии? Ей только лучше.

Нет, Ленин тут не сомневался. Перед Гриммом

Платтен заминался, да, отступал, но в главном – пой-дёт, раз увидит аргументы. Он – человек рабочий, пролетарская кость. О переговорах же с Парвусом он не знает и никогда не узнает.

А Радеку о Парвусе хоть рассказывай, не расска-зывай – всё понимает сам. Радек даже неприлично преклонён перед Парвусом: в бернских кабачках, по интернациональному долгу, как бы ни обязан был его поносить – за отчаянный шаг к шовинистам, за богатство, за тёмные сделки, за нечестность, за дам-ские истории, – а сам со ртом разинутым, с набив-шейся пеной в углу губ, видно: ах, и молодец! ах, мне бы так!..

– Про Скларца я ему сказал: восьмигрошовый парень немецкого правительства, я его выгнал! Про Гримма скажу: что-то подозрительное, тормозит отъ-езд, какие-то гешефты в свою пользу. А мы – больше ждать не можем, революция зовёт! По-пролетарски, открыто, без всяких тайностей – возьмём и обратим-ся в германское посольство! Возьмётся! – уверен был Ленин.

Вот как научить его с Ромбергом говорить? Ведь это ж совсем новый текст. Мол, в России дела прини-мают опасный для мира оборот. Надо вырвать Россию у англо-французских поджигателей войны. Мы конеч-но приложим ответные усилия к освобождению не-мецких военнопленных (лови нас потом!..). Но мы должны быть застрахованы от компрометации и гаран-тированы, что не будет придинок в пути... Готовы ехать в запертых и даже в зашторенных купе. Но должны быть уверены, что вагон не остановят...

Ленин захватил пространство комнаты и носился по косо́й – три шага, три шага, три – одну руку за спину, а другой размахивая, – а Радек записывал, пустой трубкой придерживая лист.

С Радеком внакладку находки: для такого шага еще неплохо бы нам собрать оправдательных подпи-сей от западных социалистов... Социалистов – да, но и еще бы каких-нибудь безупречных людей... Где же таких найти?..

– Ну, например, Романа Роллана?

Головасто придумано, хорошо!

Так пора и крючок закинуть. Через кого бы за-кинуть под Роллана?

С приходом Радека облегчились невместимые про-жигающие вихри в голове: есть мыслям исход, можно высказать и услышать ответ. Вот... Если начинать де-монстративные новые переговоры через Платтена, то ведь надо так же демонстративно порвать с Гриммом?

Да просто – звонко порвать!

– Да чтоб всю вину на него же и свалить!

– Да чтоб и за старое ему наложить, мерзавцу! Пусть попомнит, как отложил швейцарский съезд!

А для этого надо: во-первых, опубликовать все доверительные сведения о его скрытых переговорах!

Эт-то очень всегда ударяет: внезапная публикация доверительного. Оч-чень ошеломляет.

То есть, просто вот сейчас, немедленно, подгото-вить такую публикацию!

– ...И расставить нужные акценты!

– ...И завтра же опубликовать!

Ну, с Радеком и самая напряжённая работа пре-вращается в весёлую игру! За что он особенно Радека любил – за хорошую пристрастность!

Уже сидели и писали: Радек писал, теребя пустую трубку в зубах, в коридор выйти некогда, иногда смеясь и даже подпрыгивая от выражений, – а Ленин сидел сбоку и советовал.

Единственный такой был Радек человек, кому, сидя рядом, Ленин вполне мог передать перо и только посмеиваться. Лучше радекова пера никогда не было во всей большевистской партии. Богданов, Луначар-ский, Бухарин – все писали слабей.

– Тут важно, что еще получится: что именно Швейцария все эти переговоры ведёт и нас выталки-вает. А вовсе не мы!

Ах, умный, понимающий, золото!

– Завтра же и опубликуем – у Нобса или...

– Завтра – воскресенье. А вот что! – запрыгали, запрыгали искры за радековскими очками: – Завтра воскресенье, так-пошлём сейчас же, немедленно – Гримму телеграмму! В субботу вечером, немедленно, сейчас! – Усмехался и подпрыгивал Радек, к:ак будто его со стула кололо.

И Ленин подпрыгивал от удовольствия.

И говорили, говорили вперебой, поправляли, и Ра- дек тут же записывал:

...Наша партия решила... безоговорочно принять... предложение о проезде через Германию... и тотчас же организовать эту поездку... Мы абсолютно не можем отвечать... за дальнейшее промедление... решительно протестуем... и едем одни!..

– Та-ак! – почесал Ра дек за ухом, – закатаем ему в листовой шоколад:

...Убедительно просим немедленно договориться...

– Завтра, в швейцарское воскресенье, договорить-ся!.. Да! еще завтра по-западному первое апреля!

– Первое апреля?! – давно так не смеялся Ленин, всё напряжение последних недель выбивалось из его груди сильными, жёсткими, освобождающими толчками. – Вот получит бонбоньерку, центристка сволочь!

...Договориться... и, если возможно, завтра же...

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

– Когда вся Швейцария дрыхнет!

...Сообщить нам решение!.. С благодарностью...

Как на шахматной доске, уже сделав задуманный

ход, еще больше видишь успеха и возможностей, чем рассчитывал перед тем. Но эту усмешку – с 1-м апреля и с воскресным заданием товарищу Гримму – придумал Радек-весельчак!

– А если за воскресенье он не сделает – так в понедельник мы свободны действовать сами!

– Ну, во вторник...

Да что! да еще лучше придумал Радек:

– Владимир Ильич! А – Мартову? А Мартову мы тем более обязаны написать, он же инициатор плана\? – душился Радек от смеха.

– А что же Мартову? – так быстро и Ленин не сообразил.

– Да что мы немедленно принимаем предложение Гримма о проезде через Германию\ Вот обкакать: что это его предложение!!! На весь мир – его! Швейцарские социалисты нас выталкивают! Член швей-царского парламента!

Ну, это совсем было гениально! Ну, Радек! Ну, завоюет Гримм! Ну, кинется оправдываться. Да отмы-ваться всегда трудней, чем плюнуть. Надо уметь быст-ро и в нужный момент плюнуть первым.

– Вспомнит, подлец, ненапечатанную мою брошю-ру!..

– Но уже поздно. Придётся идти сдавать на фрау- мюнстер.

– Да я сбегаяю, Владимир Ильич.

– Да уж пойдёмте вместе, разохотились.

Но уж тогда оглядеться, подумать – что еще? А, вот, Ганецкому в Стокгольм:

– Срочно переведите три тысячи крон на дорож-ные расходы!

(Тогда уж и Инессе: ...О деньгах не беспокойтесь... Их больше, чем мы думали... Здорово помогают това-рищи из Стокгольма... Надеюсь, мы едем вместе с Вами?..)

И вот что: там залог в кантональном банке за проживание в Швейцарии, 100 франков, нечего бало-вать лакейскую республику, надо забрать.

Одевались, Ильич – в своё железно-неподъёмное, на ватине, а Радек – в летнее пальтишко, так всю зиму и пробегал, все карманы затолканы книгами.

Трубку набивал, спички готовил.

Ленин вслух:

– Ничего. У Платтена с Ромбергом – какие пе-реговоры? Ромберг вынет из стола – и даст. Но эти несколько дней надо, надо было кинуть шовинисти-ческим харям.

Радек крутился как юноша, лёгкий, удачливый:

– Руки чешутся, язык чешется! – скорей на рус-ский простор, на агитационную работу!

И, пропуская Ильича вперёд, уже спичка наго-тове, в коридоре зажечь:

– В общем так, Владимир Ильич: через шесть месяцев или будем министрами – или будем висеть.

18 марта [31 марта]. Берлин

Докладная записка чиновника м.и.д. из генштаба.

...Прежде всего мы должны избежать компрометиации едущих слишком большой предупредительно-стью с нашей стороны. Очень было бы желательно получить какое-либо заявление швейцарского правительства. Если без такого заявления мы внезапно пошлём эти беспокойные элементы в Швецию, это может быть использовано против нас.

18 марта [31 марта]

Помощник статс-секретаря – послу в Берне Ромбергу.

(Шифровано.)

Спешно! Проезд русских революционеров через Германию желателен как можно быстрее, т. к. Ан-танта уже начала противодействие в Швейцарии. По возможности ускорьте переговоры.

20 марта [2 апреля]

Германский посол в Копенгагене граф Брокдорф-Рантцау –

в м.и.д. Совершенно секретно.

...Мы должны теперь непременно стараться со-здавать в России наибольший хаос. Для этого избе-гать всякого внешне-заметного вмешательства в ход русской революции. Но втайне делать всё, чтобы углубить противоречия между умеренными и край-ними партиями, так как мы весьма заинтересованы в победе последних, ибо тогда переворот будет неиз-бежен и примет формы, которые сотрясут устои русского государства. ...Поддержка нами крайних элементов – предпочтительнее, ибо таким образом проводится более основательная работа и достигается быстрее результат. По всем прогнозам можно рассчитывать, что месяца за три распад продвинется достаточно, чтобы нашим военным вмешательством гарантировать крушение русской мощи.

Те, кого поразят выражения В. И. Ленина, образ мыслей его или действий, могут более внимательно прочесть его произведения, использованные здесь:

– В Боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете. Собрание сочинений, 4-е изд.

т. 9, стр. 315

– там же, 389 т. 23, стр. 83

– там же, 110

– там же, 126

– там же, 138

– там же, 141

– там же, 212

– там же, 247

– там же, 282

– там же, 289 изд. т. т. 48,49

– Задачи отрядов революционной армии

– О лозунге “разоружения”

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru

- Речь на съезде швейцарской с-д партии 4.11.1916
- Задачи левых циммервальдистов в швейцарской с-д партии
- Тезисы об отношении швейцарской с-д партии к войне
- Принципиальные положения к вопросу о войне
- Открытое письмо к Шарлю Нэну
- Двенадцать кратких тезисов о защите Г. Грэй-лихом защиты отечества
- набросок тезисов 4(17) марта 1917
- Письма из далека
- Письма Ленина военных лет (1914-1917) – 5-е

Считаю долгом назвать четыре современных исследования, среди других особенно помогших мне при написании этих глав:

Werner Halweg – Lenins Riickkehr nach Russland 1917. – Leiden, 1957 winfried v. Scharlau, Zbynek A. Zeman – Freibeuter der Revolution. – Koln, 1964

Willi Gautschi – Lenin als Emigrant in der Schweiz. – Koln, 1973 Fritz N. Platten, jun. – Von der Spiegelgasse in der Kreml. –

«Volksrecht» (13.3 -17.4.67)

и выразить признательность авторам за пристальное внимание к событиям, определившим ход XX века, но так старательно скрытым от истории, а по направлению западного развития оставленным в малом внимании.

Москва, 1971; Цюрих, 1975

СПРАВКА

(революционеры и смежные лица)

АБРАМОВИЧ Александр Е. (род. 1893). Родом из Одессы. Член РСДРП с 1908. С 1911 в Швейцарии: студент в Женеве, рабо-тает на часовом заводе в Шо-де-Фоне. Вернулся в Россию (в ленин-ской группе. Есть следы, что в 1918 был советским агентом при Баварской республике. Сотрудник Коминтерна.

АРМАНД Инесса Теодоровна (1874-1920). Родилась в Париже, в семье французских артистов. Воспитывалась в России у тётки-гувернантки, вышла замуж за фабриканта Арманда, с которым у неё было четверо детей, затем перешла к его младшему брату и родила (в Швейцарии) еще сына. При революции 1905 была связана с мос-ковской группой эсеров, затем в ссылке, оттуда ушла в эмиграцию. После смерти второго мужа училась в Сорбонне, встретила с Ле-ниным в 1909, с этого времени примкнула к большевикам. Была его подругой, с короткими перерывами до самой смерти, постоянно среди его близких сотрудников. В 1912 ездила в Россию, недолгое время сидела в тюрьме, освобождена по ходатайству первого мужа. Участница Кинтальской конференции (в числе большевиков). Воз-вратилась в Россию в ленинской группе. После Октябрьского пере-ворота одно время – председатель Московского губсовнархоза, позже – заведующая Женотделом при ЦКРКПб.

БАГОЦКИЙ Сергей Юстинович (1879-1953). Поляк из России, врач. Был с Лениным в Кракове, вслед за ним переехал в Швейцарию. В то время был практическим помощником Ленина в бытовых и денежных делах, в поддержании конспиративных контактов с немцами через посредников. В швейцарской эмиграции жил ши-роко, много тратил (свидетельство Нобса). С 1918 – представитель русского Красного Креста в Швейцарии.

БОГДАНОВ (Малиновский) Александр Александрович (1873-1928). Сын учителя-физика, кончил Тульскую гимназию, в 1899 – меди-цинский факультет Харьковского университета. С тамошним интел-лигентским кружком социал-демократов “разошелся

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru из-за вопроса о морали, которой они придавали самостоятельное значение”. Врач, социолог, философ. Несколько лёгких высылков (Тула, Калуга, Во-логда), в 1904 примкнул к Ленину, вошёл в первое большевистское руководство. Теоретик вооружённого восстания, организатор так-тических нападений, экспроприаций, накопления денежных фондов

партии. В 1905 арестован в полном составе Петербургского Совета Рабочих Депутатов, но вскоре освобождён. Революционные 1906-07 годы жил вместе с Лениным в Куоккале. Последовательно наста-ивал на бойкоте парламентской и легальной деятельности, от чего Ленин в 1907 отказался. Тяготясь участием Богданова в руковод-стве партии, Ленин повёл против него атаку в философии (“Ма-териализм и эмпириокритицизм”, 1909) – и вовсе изгнал Б. из партии. Б. никогда больше не занимал видных партийных или советских постов. В войну мобилизован, врач на фронте. Много печатных работ по политической экономии, философии, организа-ции науки и хозяйства, два фантастических романа. Погиб при рискованном эксперименте по переливанию крови.

БОШ Евгения Готлибовна (1879-1924), родом из Очакова. С 16 лет замужем за сыном фабриканта, в 21 год покинула мужа и окунулась в с-д деятельность (Киев), большевичка. Подруга Пя-такова. В 1913 сослана в Иркутскую губернию, оттуда вместе с ним бежит через Владивосток. Короткое время в Швейцарии, затем – в Скандинавии. После февральской революции – председатель киевского губ. комитета партии, агитирует гвардейский корпус идти на Киев, свергать Раду. Член Киевского Военно-Револю-ционного комитета. В первом коммунистическом правительстве Украины (Харьков 1918) – “народный или секретарь внутренних дел”. В Гражданскую войну командировалась на административно-кара-тельные задания в масштабах губерний (Пенза, Астрахань, Гомель), комиссар Каспийско-Кавказского фронта. В 1923 обвинена в троц-кизме, в 1924 покончила с собой.

БРИЛЛИАНТ – см. Сокольников

ВРОНСКИЙ (Варшавский) Моисей (1882-1941), родом из Лодзи. Польский с-д, затем большевик. В 1907 эмигрировал в Швейцарию. Ближний помощник Ленина, вставлен им в Кинтальскую конферен-цию. После Октябрьского переворота – одно время редактор “Прав-ды”, заместитель наркома торговли и промышленности. 1920-22 – полпред (посол) в Австрии. После смерти Ленина не занимал круп-ных постов.

БУРЦЕВ Владимир Львович (1862-1942) – революционер-народо-волец с 80-х годов, террорист конца XIX века. После ареста бежал. В Англии печатно призывал убить Александра III, за что даже у англичан получил полтора года заключения. За пропаганду тер-рора выслан также из Швейцарии. Специализировался на разобла-чении агентов полиции в русском революционном движении. В революции 05 и 17 годов – редактор журнала “Былое”, с 1911 по 1914 – газеты “Будущее” и из-за границы рассылал её царю, великим князьям, министрам, в библиотеку Государственной Думы. С началом мировой войны стал патриотом, добровольно сдался на русской границе, судим, сослан, амнистирован (1915). При боль-шевиках арестовывался, снова издавал “Былое”, затем у белых – “Общее дело”. Снова эмигрировал.

БУХАРИН Николай Иванович (1888-1938). Крупнейший теоретик большевистской партии и несостоявшийся вождь её. Родился в учительской семье. Смесь воспитания интеллигентского и простого. Окончил 1-ю Московскую гимназию, с 18 лет – член партии боль-шевиков, 20-летним студентом кооптирован в Московский комитет партии. Несколько лёгких арестов, из ссылки уехал в эмиграцию. С 1911 за границей, много образовывался, начал публицистическую дея-тельность. Возвратился в Россию в 1917 через Америку, Японию, Си-бирь. С лета 1917 – член ЦК. Против Брестского мира возглавил оп-позицию “левых коммунистов” (не укреплять Германию сепаратным миром, но добиваться мировой революции). В советские годы много печатался (работы экономические, политические, популяризация). После смерти Ленина – в ведущей семёрке (Политбюро) и исполь-зован Сталиным для её уничтожения: с его помощью разбиты Троцкий, Каменев, Зиновьев, после чего уничтожен и он со своими сторонниками Рыковым и Томским. На пороге 30-х годов как будто бы понимал преступность сталинского курса, ведущего к гибели крестьянства и здоровой национальной экономики, но не сумел твёрдо и эффективно противостоять. После показательного процесса с обычными “признаниями” расстрелян.

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru
ВЕЙСС – см. Цивин

ГАНЕЦКИЙ (Фюрстенберг) Яков (1879–1937). Из варшавской бога-той семьи, к с-д примкнул с конца XIX века, участник II съезда РСДРП от польских с-д, много лет состоял и в польской и в рос-сийской партии. Несколько лёгких арестов, ни одного серьёзного приговора. На воинской службе обругал командира полка, но прощён “за возбуждённое состояние”. Уехал из двух ссылок. Перед войной вместе с Радеком раскалывал польскую с-д (оппозиция против Розы Люксембург). С 1912 тесный сотрудник Ленина, вме-сте с ним в Кракове, затем в Швейцарии, оттуда в 1915 переехал к Парвусу в Скандинавию директором его конторы. В марте 1917 вместе с Радеком и Воровским оставлен Лениным в Стокгольме под вывеской Заграничного Бюро ЦК для бесперебойной подачи денежных средств от Парвуса на укрепление большевистских орга-низаций и прессы в России, а также для ведения большевистской пропаганды на Запад. После Октябрьского переворота – в народ-ном комиссариате финансов (главный комиссар банков). Участник “Дополнительного Соглашения” с Германией в августе 1918 – по которому, в расширение Бреста, Советская Россия обязалась уве-личить продуктовую и материальную помощь Германии в самый канун её поражения. Участник важных дипломатических перегово-ров 1920–25 годов. Много тёмного в биографии. После смерти

Ленина – наркомвнешторг, второстепенные роли. В 1937 арестован и расстрелян вместе с женой и сыном.

ГИЛЬБО Анри (1885–1938) – французский с-д, интернационалист. Как противник войны – с 1915 – в Женеве, с 1916 издавал журнал «Demail». Участник Кинтальской конференции. Деятель Коминтер-на. Но в 30-е годы отошёл от СССР.

ГРЁЙЛИХ Герман (1842–1925), родом из Бреслау, переплётчик. Один из основателей швейцарской с-д партии и её органа “Бернер Тагвахт”. Популяреннейший швейцарский рабочий вождь (“папа Грёй- лих”). С 1902 и до смерти – депутат швейцарского парламента.

ГРИММ Роберт (1881–1958). Типограф, механик. Один из лидеров с-д партии Швейцарии. С 1905 – профсоюзный секретарь в Базе-ле. С 1909 – секретарь партии, главный редактор “Бернер Тагвахт”. С 1911 – депутат швейцарского парламента, с 1946 – председатель его. Инициатор и председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций. Один из организаторов II 1/2-го Интернационала (ле-вей социалистического, умеренней коммунистического).

ЗИНОВЬЕВ (Апфельбаум) Григорий Евсеевич (1883–1936), родом из Елизаветграда. Без образования, в юности – конторщик. С 18 лет примкнул к с-д, с 19, еще ни разу не арестованный, эмигриро-вал. В 1903 познакомился с Лениным и примкнул к нему навсегда. Пытался учиться в Бернском университете то на химическом, то на юридическом факультете, бросил. В революцию 1905 с жалобой на сердце (22 лет отроду) получил от профессора запрет “всякой политической деятельности” 'И опять уехал за границу. После мино-вания главных революционных событий – выздоровел, вернулся в Россию. В 1908 арестован первый раз, через несколько месяцев выпущен по заступничеству – и эмигрировал окончательно. Начи-ная с 1907 – постоянный член большевистского ЦК. После смены ленинского окружения в 1908 выдвинулся его ближайшим помощ-ником, соредактором всех изданий, следует за ним в Галицию и снова в Швейцарию, взят им на Циммервальдскую и Кинтальскую конференцию, все военные годы “ЦК” есть: Ленин-Зиновьев и кого они кооптируют. Возвратился в Россию через Германию в ленинской группе, был в курсе всех связей с Парвусом и немецкой помощи, в июле 1917 после разоблачений в печати скрылся вместе с Лени-ным от возможного суда (Разлив). Скрывался до самого Октябрь-ского переворота. После него – председатель Петроградского Со-вета Рабочих Депутатов, предсовнаркома Союза Коммун Северной Области, т. е. после бегства советского правительства в Москву в марте 1918 остался фактическим диктатором Петрограда и северо-западной России, под его руководством проведён террор 1918–1919. С 1919 – глава Коминтерна. В 1923–24 помог Сталину разбить Троцкого и утвердиться генеральным секретарём. В 1925 вместе с Каменевым возглавил “ленинградскую оппозицию”, пытаясь за-хватить власть в партии, но разбит союзом Сталина и Бухарина. После этого пытался блокироваться с Троцким, но отвоевать пози-ций уже не могли. С 1926 потерял все основные посты и значение. Процессами 1935 и 1936 приведён к расстрелу. Сохранилось свиде-тельство, что целовал сапоги оперчекистов, ведших его на рас-стрел, прося о пощаде.

ЗИФЕЛЬДТ Артур Рудольф (1889–1938), эстонец из Таллина. Пере-пробовал почти все

Ленин в Цюрихе. – Париж Умса Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru революционные направления, примкнул к боль-шевикам. С 1913 по 1917 в Цюрихе. Помогал Ленину в связях с Кескулой. Покинул Швейцарию в 1917 со вторым эмигрантским транспортом через Германию.

ИНЕССА – см. Арманд

КАМЕНЕВ (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936). Кончил Тиф-лисскую гимназию, в Московском университете (юридический факультет) начал революционную деятельность, исключён, после краткого ареста уезжает за границу, там в 1903 примыкает к боль-шевикам. Несколько возвратов в Россию, два кратких ареста, пропагандистская деятельность в революционные годы, длитель-ная эмиграция с 1908, там входит в новое окружение Ленина. После разоблачения Малиновского в 1914 командирован в Россию для руководства большевистской фракцией Государственной Думы извне (с началом войны – из Финляндии). В ноябре 1914 аресто-ван на тайном совещании с ними под Петербургом, на процессе 1915 смягчил свою участь отказом от ленинского пораженчества, признанного фракцией Думы. Сразу после февраля воротясь в Петроград и более всех удостоенный доверия Ленина, возглавляет партию до его возвращения. Единственный в партии, кто возражал апрельским тезисам Ленина. С захватом большевиками 2-го Съезда Советов в ночь переворота – председатель съезда и нового ЦИКа. Участник брестских переговоров с Германией. В 1922 вместе с Рыковым и Цюрупой – один из заместителей заболевшего Ленина. Разделил с Зиновьевым все неудачи борьбы против Сталина. Уже обречённый, на съезде партии в 1934 требовал по отношению к “кулацкой” оппозиции “рютинцев”: не спорить с ними идеологи-чески, но расстреливать их. Расстрелян после процесса 1936 года.

К АМ Б (Тер-Петросян) Семён Аршакович (1882–1922), родом из Гори, сын богатого подрядчика. Исключён из школы за вольно-думство в законе Божьем. Находился под влиянием своего старшего земляка Джугашвили. Находчивый и умелый в нелегальных дей-ствиях с оружием, производил по поручению Сталина успешные изъятия денег, в том числе знаменитый налёт на казну – в Тиф-лисе в июне 1907. В поездке на следующий налёт в Берлин аресто-ван германской полицией с чемоданом взрывчатых веществ. Избе-гал выдачи русскому правительству тем, что несколько лет успешно симулировал буйное помешательство. Всё же выдан, но спасён от казни кампанией германской прессы в защиту “заведомо больного человека”. Из тюремной больницы бежал за границу к Ленину. В 1912 вернулся на Кавказ и при новом грабеже денежной почты ранен и арестован, приговорён к смертной казни. Однако либераль-ный прокурор задержал исполнение приговора до манифеста к 300-летию дома Романовых и спас его. Освобождён из тюрьмы февральской революцией. Ленин отправил его на кавказский гор-ный курорт для поправки здоровья. Затем Камо служил в Бакин-ской ЧК. После установления меньшевистской власти вёл подполь-ную деятельность. Отказался от предложения Ленина поступать в Академию Генштаба. Погиб под автомобилем.

КАРПИНСКИЙ Вячеслав Алексеевич (1880–1965). С-д с 1898, боль-шевик от времён раскола. В постоянной эмиграции в Женеве с 1904. Держался Лениным на второстепенных издательских и технических ролях. В советское время – доктор экономических наук.

КЕСКУЛА Александр Эдуард (1882–1963) – эстонец из Тарту, участник революции 1905. Арестован, но амнистирован. Эмигри-ровал. Перед войной несистематически учился в Швейцарии. С 1914 поставил себя в распоряжение немецкого посла в Швейцарии баро-на Ромберга, добивался от Германии поддержки эстонского осво-бодительного движения. Ромберг использовал его для связи с различными направлениями русских революционеров в Швейца-рии, в том числе с Лениным. Для развития деятельности переведён немцами в Скандинавию, откуда засылал агентов в Россию и где финансировал большевистские издания (Бухарина, Пятакова и др.), не объявляя им об источнике средств. Осуществлял для большеви-ков связь между Скандинавией и Швейцарией.

КОЗЛОВСКИЙ М. Ю. (1876–1927) – с-д, петербургский адвокат, в конспиративных связях с конторой Парвуса. В 1917 – член Исполкома Петроградского Совета. В июле после опубликования разоблачений о связи большевиков с немцами – арестован вместе с несколькими ведущими большевиками (все освобождены при корниловском мятеже). После Октябрьского переворота – пред-седатель Чрезвычайной Следственной Комиссии в Петрограде и председатель Малого Совнаркома. Затем – нарком юстиции Литвы- Белоруссии.

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynaalexander.ru КОЛЛОНТАЙ Александра Михайловна (1872–1952). Дочь генерала (украинца) и финской крестьянки. Воспитывалась в богатых поме-щичьих условиях, не отпущена ни в гимназию, ни на Бестужевские курсы, чтобы не столкнулась с революционными элементами. Част-ная учёба у профессоров истории, литературы. Раннее короткое замужество с целью выйти из-под воли родителей. Культурно-просветительные общества, все связанные с помощью революцио-нерам. Экономическое образование за границей. С-д с конца XIX века. Свидетельница стрельбы на Дворцовой площади 9 января 1905. Писала прокламации для обеих фракций с-д. “По душе мне ближе был большевизм с его бескомпромиссностью”, но до 1915 была меньшевичкой, в 1914 сторонница всеобщего примирения, лишь постепенно перешла к ленинской “гражданской войне” и, значит, большевизму. В предвоенные и военные годы – подруга Шляпникова. В первом большевистском правительстве – народный комиссар социального обеспечения. Затем долгие годы – посол СССР в Норвегии и Швеции.

КРАСИН Леонид Борисович (1870–1926). Родом из Тобольской гу-бернии, революционер со студенческих лет (ссылное окружение). С перерывами на аресты и ссылки получил технологическое обра-зование, инженер. Этим дальше определилась его роль техника партии: конспирация, подготовка взрывных материалов, нападений. Он же установил контакт с фабрикантом Саввой Морозовым, полу-чение постоянной денежной помощи для партии. С 1903 – боль-шевик и даже член ЦК. В разгар своей революционной деятель-ности беспрепятственно заведывал осветительной кабельной сетью всего Петербурга. В 1908 эмигрировал, в 1909 отстранён от боль-шевистского руководства и отошёл от политической деятельности. Работал инженером в Берлине, вернулся в Россию, здесь занимал директорские места. С 1917 вернулся в партию. Участник брест- литовских и дополнительных берлинских (август 1918, см. Ганец-кий) переговоров. Ездил в Ставку к Людендорфу тщетно прося не отбирать Кавказа и Туркестана (план Людендорфа сорван американской высадкой во Франции). Ряд крупных хозяйственных постов, нарком внешней торговли, путей сообщения, с 1920 – посол в Лондоне, участник других дипломатических переговоров, Генуэзской и Гаагской конференций.

КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869–1939). Дочь судейского чиновника. С 1897 – жена Ленина (церковный брак по формальной необходимости). Разделяла всю его жизнь, вела техническую пар-тийную работу. Пыталась самостоятельно писать сочинения по пе-дагогике, но достижений не было. После Октябрьского переворота – в руководстве народного комиссариата просвещения. С 1925 примкнула к неудачной оппозиции Зиновьева-Каменева против Ста-лина. С тех пор всё время сталинской диктатуры поведение её было безгласно.

ЛЕВИ (Хартштейн) Пауль (1883–1930) – немецкий с-д, адвокат. В швейцарской эмиграции – участник циммервальдской левой, позже в Германии – коммунист. В 20-е годы вернулся в с-д.

ЛИТВИНОВ (1876–1951). из состоятельной семьи, из Польши. Проходил военную службу вольноопределяющимся и там потя-нулся к марксизму. В 1901 арестован в составе Киевского коми-тета РСДРП, в 1902 бежал из Киевской тюрьмы – за границу, с 1903 – большевик. В 1905 неудачно пытался доставлять оружие в Россию из Англии. Кроме коротких наездов в Россию – почти всё 1время в эмиграции, с 1907 – в Лондоне. Представлял боль-шевиков в Международном Социалистическом Бюро (И Интерна-ционал). После Октябрьского переворота – первый советский полпред (посол) в Англии, арестован в ответ на арест Локкарта в Москве и на него же обменён. Успешная дипломатическая деятельность, заместитель наркома, с 1930 по 1939 – высшие годы сталинского террора – народный комиссар иностранных дел, вестник мира на Западе; речи его заливали страницы советских газет и были популярны. Понижен в годы дружбы с Германией Гитлера, с 1941 – посол в Соединённых Штатах.

ЛУНАЧАРСКИЙ (Воинов) Анатолий Васильевич (1875–1933). Пло-довитый журналист и лектор, слабый драматург и писатель (лите-ратурный уровень виден по избранному псевдониму). Родом из Полтавы, из семьи радикально настроенного чиновника, с 15 лет изучал марксизм, с 17 лет агитировал рабочих. По окончании гимназии поехал в Цюрихский университет. В 1899 возвращается в Россию, ведёт пропаганду. Три коротких ареста, сроки в месяцах, ссылки в Калугу, в Вологду, усиленное образование, первые печата-ния. С 1903 – в эмиграции и, примкнув к большевикам, популя-ризирует большевистскую пбзицию объездом всех эмигрантских групп в Европе, не отказывается и от доклада о принципах воору-жённого восстания на III съезде партии. Во время революции 1905 – газетная деятельность, пережив месячный арест – эмигрировал до следующей революции. Участник многих большевистских

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru эми-грантских изданий. Ученик Авенариуса, разошёлся с Лениным по философским вопросам в 1908–09. Неудачная попытка создать дру-гую партию (группа “Вперёд”). В годы войны – в группе Троц-кого-Мартова. Возвратился в Россию через Германию со вторым эмигрантским транспортом, несколько месяцев был “межрайонцем” до влития их в большевики в июле 1917. Так вернулся к Ленину. Короткое время сидел в тюрьме при Временном правительстве по обвинению (вместе с ведущими большевиками) в государственной измене –связи с немцами. “И до тюрьмы и в тюрьме неоднократно создавалось крайне опасное для моей жизни положение”. Выпущен через месяц после Октябрьского переворота – народный комиссар просвещения (до 1929). В годы Гражданской войны много разъез-жал по фронтам и прифронтовой полосе, непрерывно агитируя. Известен неуёмной лекционной деятельностью и в Москве. В 1923 выпустил книгу о вождях революции, не упомянув Сталина. Эта ошибка стоила ему многолетней опалы и принесла действительную опасность. Умер по пути в Испанию, куда назначен был послом.

МАЛИНОВСКИЙ Роман Вацлавович (1876–1918). Поляк родом из-под Плоцка. Портной, затем токарь по металлу. Три кражи, уголовные судимости. На военной службе стал сотрудником тайной полиции. Сперва – у меньшевиков, с 1910 перешёл к большевикам. Лениным кооптирован в ЦК, назначен председателем Русского Бю-ро (руководителем партии на территории России). По поручению Ленина расколос с-д фракцию Гос. Думы и стал лидером больше-вистской фракции. Работу её вёл и свои речи составлял одновремен-но под руководством Ленина и Департамента Полиции. Но в 1914 новый начальник Департамента Полиции счёл, что иметь осведо-мителем видного парламентского депутата противоречит самой го-сударственной идее, дал Малиновскому отступного и велел пре-кратить работу в Думе. (Есть сходство с разоблачением Азефа самой же полицией.) Малиновский без объяснений сложил с себя парламентские полномочия и исчез. Поднялись слухи о его прово- каторстве, но Ленин-Зиновьев-Ганецкий реабилитировали Малинов-ского – «в 1914 и еще раз в 1917: “Руководящие учреждения партии абсолютно уверены в политической честности Малиновского... Об-винения абсолютно вздорны”. Во время войны – в армии, попал в немецкий плен. В 1918 решил вернуться в Советскую Россию после обещания Ленина о личной безопасности. (По слухам гарантийная записка, подписанная Лениным и отобранная на границе.) 5 ноября 1918 над ним состоялся суд трибунала в присутствии Ленина. Малиновский держал 6-часовую защитительную речь. Расстрелян немедленно.

МАРТОВ (Цедербаум) Юлий Осипович (1873–1923). Революцион-ную деятельность начал студентом, исключался, арестовывался. В 1890-е годы в Вильно сформулировал идеологию Бунда, но сам стал (вскоре противником его. Вместе с Лениным арестован в Петер-бурге в 1896, осуждён на 3 года ссылки, но в отличие от Ленина не имея протекции, отбыл её в Туруханском крае. С 1901 – эми-грант. Лидер меньшевиков. Не выносил моральной неразборчивости большевизма. Был сторонник легального развития с-д. С начала войны был против защиты отечества, но и против превращения войны в гражданскую. Вернулся в Россию через Германию со вторым эмигрантским транспортом в мае 1917. Был за общее со-циалистическое правительство против захвата власти. В октябрь-ские дни на заседаниях Съезда Советов пытался отговорить от штурма Зимнего дворца. Резко протестовал против разгона Учре-дительного Собрания, в разгар красного террора – против смерт-ной казни. В 1920 с разрешения Ленина уехал в Германию, там издавал “Социалистический Вестник”. Один из создателей II 1/2 Интернационала (“за диктатуру пролетариата, но без террора”). Умер от туберкулёза горла.

МООР Карл (1852–1932). Швейцарский с-д. 1892–1906 годы участ-вовал в редактировании “Бернер Тагвахт”. Состоятелен. Во время войны, под кличкой “Байер” – двойной агент немецкой и австрий-ской разведки. Много помогал Ленину. Опекал Мюнценберга в швейцарской тюрьме, Платтена – в литовской, спас Радека из берлинской (1919). Выполнял тайные дипломатические миссии со-ветского правительства. После Октября – почётный гражданин СССР и жил там большей частью до 1927. Последние годы жизни – в Берлине.

МЮНЦЕНБЕРГ Вильгельм (1889–1940), родом из Эрфурта, эмигрант в Швейцарию с 1910. Здесь – секретарь Социалистического Интер-национала Молодёжи, редактор его органа “Югенд Интернациона-ле”. Организатор рабочих демонстраций в Цюрихе в военные годы. Участник Кинтальской конференции. С 1916 – в руководстве с-д партии Швейцарии. В 1917 ездил через Германию при содействии германских властей (будучи германским дезертиром). В 1917 ус-троил кровавую баррикадную схватку в Цюрихе, после этого и еще раз в 1918 арестовывался. По окончании войны выслан в Германию. 1919–1921 – секретарь Коммунистического Интернацио-нала Молодёжи, 1920

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru – у Ленина в Москве. С 1924 в Германии создал левый газетный концерн. До 1933 – коммунистический депутат рейхстага. В 1933 эмигрировал во Францию. Отказался приехать в СССР по вызову Сталина. Летом 1940 найден повешенным в лесу близ Гренобля.

НОБС Эрнст (1886–1957), сын портного, учитель. С 1915 – главный редактор партийного органа “Фольксрехт” и других социалистических изданий. С 1916 – председатель цюрихской партийной организации. С 1917 – член руководства швейцарской партии. С 1919 – депутат швейцарского парламента, с 1943 по 1951 – член правительства, в 1948 – президент Швейцарии.

ПАРВУС (Гельфонд) Александр (Израиль) Лазаревич (1867–1924). Родом из Минской губернии (Березино), детство в Одессе. 1885 – окончил Одесскую гимназию, 1891 – Базельский университет. Начал успешно печататься в левой германской печати (“публицистическая революция”), связывал германских с-д с русскими (Плеханов, Потресов). Организовал печатание “Искры” в Лейпциге и сам печатался в ней. За свою публицистику высылался из разных германских земель, переезжал в другие. Фактический руководитель Петербургского Совета в 1905, несколько месяцев в Крестах и

Петропавловке, административная ссылка в Сибирь на три года, ушёл с пути, вернулся в Петербург, уехал за границу. Резко критиковал “русский курс” (сближение) германской политики, намечавшийся в 1907. С 1910 по 1915 – в Турции и на Балканах, сильно разбогател, финансовый советник турецкого и болгарского правительств при входе их в мировую войну. С февраля 1915 в переговорах с германским м.и.д. взялся сделать революцию в России и вывести её из войны. Под прикрытием торговли направлял германские деньги русским революционерам, после февральской революции – исключительно большевикам, дав им быстро укрепить свою прессу и организацию, совсем слабую и малочисленную до февраля 1917. После разоблачений в июле 1917, не доведённых до конца, резко атаковал в германской прессе Керенского. В 1917 тормозил общесоциалистические попытки мира, влияя на германское правительство – дожидаться анархии в России и обезвредить её. После Октябрьского переворота хотел вернуться в Россию (не доверял организаторским способностям большевиков, ставил Ленина в вину “уступки” крестьянам). Ленин отказал. От момента, когда советское правительство отпустило 2 миллиона рублей “на поддержку европейской революции”, Парвус стал нападать на Ленина (впервые). Считал опасным, что большевики сделают из России сильную военную державу. После германской революции ноября 1918 уехал в Швейцарию, поселился в вилле на Цюрихском озере. Его оргии здесь в сочетании с берлинским скандалом вокруг Скларца, подкупившего с-д правительство, привели к высылке Парвуса из Швейцарии. Устроил себе богатое жилище на острове Шванненвердер (Германия) и жил там до смерти.

ПЛАТТЕН Фриц (1883–1942), слесарь, затем чертёжник. Секретарь швейцарской с-д партии, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где примыкал к Ленину. При отвозе ленинской группы не был пропущен в Россию английским контролем на границе. Возвратясь в Швейцарию, восстановил контакты с послом Ромберг-гом для организации следующих эмигрантских транспортов (“Надо увеличить в Петербурге число убеждённых сторонников мира путём подвоза их из-за границы”). С 1917 – член швейцарского парламента, в 1918 – основатель швейцарской коммунистической партии. Тем временем неоднократно ездил в Москву, одна из видных фигур при создании Коминтерна в 1919, член бюро Коминтерна. До 1923 – секретарь компартии Швейцарии, с 1923 и до смерти – в СССР. Умер в ссылке.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856–1918). Первый крупный русский марксист и долгое время (до раскола с Лениным в 1903) глава русской социал-демократии. (В 1883 создал марксистскую группу “Освобождение труда” в Женеве.) Но и на раскольном (П-м) съезде выступал сторонником революционной диктатуры. Позже опять блокировался с Лениным, тщетно пытаясь вернуть себе ведущее место в партии. С 1914 занял патриотическую позицию и она сохранилась и углублялась до самой смерти его. В 1917 вернулся в Россию через Англию несколькими днями прежде Ленина. В результате дробления с-д партии он давно уже не был вождём меньшевиков, но лидером группы “Единство” (т. е. национального), искавшей союза с кадетами и разбитой в результате Октябрьского переворота.

ПОТРЕСОВ Александр Николаевич (1869–1934). Дворянин, сын артиллерийского полковника. От матери перенял чувство страдания за народ. Окончил естественный факультет, поступил на юридический, но отвлёкся политической деятельностью. В

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru 1892 – первая поездка в Швейцарию, связь с группой “Освобождение труда”, с Плехановым – становится его издателем в России. 1898-1900 – ссылка в Вятскую губернию; «месте с Мартовым и Лениным (переписка между тремя ссылными местами) создал план “Искры” и в 1900 поехал в Швейцарию осуществлять его. 1901-03 по бо-лезни отошёл. В 1905 – один из первых вернулся в Петербург (на революцию) и участвовал с Парвусом и Троцким в издатель-ской деятельности. После разгрома революции не поехал в эмигра-цию принципиально: надо быть в России. Плеханов из-за границы напал на Потресова в ответ 'на его журнальную критику, этим воспользовался Ленин (так родился термин “ликвидатор”). Потре- сов считал, что подполье не может выражать интересов рабочих и надо сосредоточиться на легальных организациях. Войну 1914 воспринял как начало гибели России. Поддерживал военно-про-мышленный Комитет Гучкова. Признанный вождь “меньшевиков- оборонцев”. Резкий противник сепаратного мира, при большевиках жил нелегально, арестовывался ЧК, освобождён хлопотами старых знакомых. В феврале 1925 с туберкулёзом позвоночника отпущен на лечение в Берлин и больше уже не поднимался до смерти.

ПЯТАКОВ Георгий Леонидович (1890-1937). Сын инженера. 15-лет-ним реалистом участвовал в уличных митингах, исключён из учи-лища. В 16 лет вёл анархистскую пропаганду и участвовал в “экс-проприации”, готовился к террору. С двадцати лет – с-д. В 1913 сослан на поселение в Сибирь, оттуда уехал через Японию в Европу – Швейцария, Швеция. После февраля – председатель Киевского комитета большевиков, потом и – Киевского Совета Рабочих Де-путатов. Активный, участник Октябрьского переворота в Киеве, подпольная деятельность на Украине, с конца 1918 – первый глава советского правительства Украины. В Гражданскую войну большей частью был комиссаром, не чуждался карательной дея-тельности, в 1920 вместе с Троцким делал попытку создавать Труд-армию (прообраз трудлагерей) на Урале. В 1922 – председатель

Трибунала на процессе эсеров в Москве. С 1923 – член ЦК. Все годы – в руководстве хозяйством СССР, к 1930-м годам – фак-тический руководитель всей тяжёлой промышленности. Арестован, пытан, после показательного процесса расстрелян.

РАВИЧ Сарра Наумовна (1879-1957). С-д с 1903, в Женеве с 1907. Была арестована в Мюнхене при размене денег, награбленных у русской казны в Тифлисе. Вернулась в Россию в ленинской группе, вошла в петроградский комитет большевиков. Видимо, арестована в 1938, но в лагерях выжила. Написала роман о декабристах.

РАДЕК (Зобельзон) Карл Бернгардович (1885-1939). Блестящий журналист, дерзкий находчивый политик. Уроженец Галиции, поль-ский с-д. Эмигрировал, приезжал на революцию 1905 в Варшаву, снова эмигрировал в Берлин. В польской с-д противник Р. Люк-сембург, из немецкой с-д исключён за неблаговидные поступки, с началом войны уехал из Германии в Швейцарию, чтоб избежать мобилизации. Участник Циммервальда и Кинтала, то в спорах с Лениным, то в союзе, и тогда любимец его. Через Германию про-ехал с ленинской группой, на 1917 остался в стокгольмском Загра-ничном Бюро большевиков (см. Ганецкий). Участник переговоров в Брест-Литовске. В конце 1918 поехал в Германию помогать делать там пролетарскую революцию, арестован, в тюрьме его посещали видные политики. Освобождён. Неоднократно был в Германии и с другими тайными миссиями (поиск союза против Польши и т. д.). В 1923 послан туда снова – разжечь революцию (не удалось). Член ЦК, член Исполкома Коминтерна. В 1923-25 годах потеснён вместе с оппозициями, ушёл с видных политических ролей. Многие годы – первое перо советской прессы. Перед процессом 1937 давал показания на других, после процесса не был расстрелян, но вскоре умер в заключении при неизвестных обстоятельствах.

РАКОВСКИЙ Христиан Георгиевич (1873-1941) – из зажиточной болгарской семьи и из рода, много воевавшего за независимость от Турции. 14-летним гимназистом участвовал в политическом бро-жении, 17-ти лет эмигрировал в Женеву, где попал под влияние Плеханова и ознакомился с мировым с-д движением. Через же-нитьбу на русской был связан с Россией, ездил туда, публиковался в левой печати (“Инсаров”). Многие годы европейской эмиграции, упорная революционная деятельность в Румынии и Болгарии. Участник Циммервальда. Из румынской тюрьмы освобождён фе-вральской революцией, поехал в Петербург, примкнул к больше-викам. После Октября – комиссар на юге России (матросского отряда, одесской чрезвычайной коллегии и т. д.). По поручению советского правительства вёл переговоры со Скоропадским и Гер-манией об отделении Украины и мире с ней. Напротив, при захвате Украины большевиками всякий раз становился председателем ее

Совнаркома – и так до 1923 возглавлял Украину. (Совмещал со многими политико-военными и хозяйственными постами.) 1923 – полпред в Англии, 1925 – во Франции. С 1919 – в ЦК партии, в верхах руководства. Испытал падение вместе с оппозициями. Осуждён на показательном процессе 1937. Умер в тюрьме при неизвестных обстоятельствах.

РЯЗАНОВ (Гольденбах) Давид Борисович (1870–1938). С 17 лет в революционном движении, “почти первым стал в Одессе марк-систом”. Уклон в теорию и книжную деятельность, стал историком марксизма. Несколько арестов, несколько выездов в эмиграцию. С 1907 пишет историю I Интернационала за границей, публикует неизданное Маркса и Энгельса, становится лучшим знатоком их наследия. Участник Циммервальда. В Россию вернулся через Гер-манию со вторым эмигрантским транспортом. С 1917 – в больше-виках. Лектор, основатель и директор института Маркса-Энгельса. В 1931 исключён из партии. Умер в ссылке.

САФАРОВ Георгий Иванович (1891–1942). С-д с 1908, эмигрант в Швейцарии с 1912, примыкал к Ленину и в Россию выехал вместе с ним. Главный редактор “Ленинградской правды”, в 1925 – активный член оппозиции Зиновьева-Каменева. В 1927 исключён из партии как троцкист. В 1935 арестован.

СЕМАШКО Николай Александрович (1874–1949). Сын орловского дворянина, племянник Плеханова, кончил елецкую гимназию, с перерывами (краткие аресты, ссылка в родной уезд) – медицин-ский факультет. В революцию 1905 замечен на собраниях в Ниж-нем Новгороде, арестован, отпущен под залог, эмигрирует. В Же-неве и Париже близок к Ленину. После Октября – народный комиссар здравоохранения (его именем названо в СССР множество больниц и переулков, где расположены больницы, – как именем Подбельского – переулки с почтами).

СКЛАРЦ Георг (род. 1878). Коммерсант, политических взглядов не выражал. С начала войны 1914 – агент германской разведки и главного морского штаба. Сотрудник в Парвусовской конторе, затем собственные крупные операции по поставкам военным и в послевоенной разорённой Германии. Обвиняемый на скандальном процессе по подкупу и финансовому подчинению ведущих деяте-лей германской с-демократии – Шейдемана, Носке, Эберта, круп-ных военных.

СОКОЛЬНИКОВ (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939). Сын роменского врача, учился в московской гимназии. Большевик с 1905, участник “военно-технического бюро” (организация налётов). Из енисейской ссылки ушёл в эмиграцию в 1909. В Париже кончил

юридический факультет. В войну колебался между “нашесловцами” (Мартов-Троцкий) и большевиками. Вернулся в Россию в ленинской группе. С июля 1917 – в ЦК большевиков, редактор “Правды”, в момент переворота – в Политбюро. Руководил захватом банков и стал их генеральным комиссаром. Подписал Брестский мир (пред-седатель делегации), участник дополнительных соглашений в Бер-лине. Политически возглавлял подавление восстаний на Ижевском, Боткинском заводах и крестьянских в Вятской губернии, затем – расправы на Дону, вызвавшие Донское восстание. Командовал армией при взятии Ростова и новороссийской эвакуации белых. В 1920 вместе с Сафаровым, Кагановичем и Петерсом возглавлял подавление Туркестана. Занял несчастливую позицию в партийной дискуссии “о профсоюзах”. С 1921 по 1926 – народный комиссар финансов. С 1929 – посол в Англии, с 1934 – заместитель нар-кома иностранных дел. Сужен показательным процессом в Москве, умер в заключении.

УРИЦКИЙ Моисей Соломонович (1873–1918) – из купеческой се-мьи г. Черкассы, гимназия в Белой Церкви, юридический факультет Киевского университета. Участие в с-д движении, легко уходит из ссылок, эмигрирует. Меньшевик, в годы войны – “нашесловец” с Троцким, поддерживает связь Парвуса с “межрайонцами” в Петер-бурге. С ними вместе вливается в большевики, сразу – член ЦК. В Октябрьский переворот – член Военно-Революционного Комитета, руководившего восстанием. “Комиссар Учредительного Собрания”

– разогнал его. Начальник Петроградского ЧК, руководитель тер-рора в бывшей столице. Убит студентом Канегиссером.

ХАРИТОНОВ Моисей М. (1887–1948) – с-д с 1905, больше-вик. С 1912 – в Швейцарии, студент-юрист. Близок к Ленину, вернулся в Россию в его группе. После

Ленин в Цюрихе. – Париж Ymca Press. 1975. Александр Исаевич Солженицын solzhenitsynalexander.ru Октябрьского переворота

– начальник петроградской милиции. В 20-х годах – секретарь губкома на Урале, в Перми, в Саратове. В 1925 поддержал оппозицию Зиновьева-Каменева, затем их блок с Троцким. Далее крупных постов не занимал.

ЦИВИН Е«ген (клички от немецкой и австрийской разведки – “Вейсе”, “Эрнст Колер”). Русский революционер, работавший в Швейцарии в годы войны в контакте с австрийской, потом и немецкой службой.

ЧУДНОВСКИЙ Григорий Исакович (1894-1918). С-д меньшевик, долгие годы эмигрант. В Россию возвращается вместе с Троцким, входит в межрайонцев, потом – большевик. Вместе с Антоновым- Овсеенко руководит штурмом Зимнего дворца. Военный комиссар Киева. Убит на Украине.

ШКЛОВСКИЙ Георгий Львович (1875-1937). С-д с 1898, эмигрант в Швейцарии с 1909. Химик. У Ленина – на технических ролях, казначей и др. Вернулся в Россию летом 1917 с третьим эмигрантским транспортом. 1918 – руководитель советского представительства в Берне, затем и другие дипломатические посты. В 1927 понижен как троцкист. В год чисток покончил самоубийством.

ШЛЯПНИКОВ Александр Гаврилович (1885-1937). Из старообрядческой муромской семьи. Отец-ремесленник рано умер, мать осталась с четырьмя детьми. Кончил трёхлетнюю народную школу, мечтал стать мастером, постепенно стал слесарем и токарем высокого разряда. Из стойкой старообрядческой религиозности по веянию времени перешёл в социал-демократизм. Работал в Сор-мове, в Петербурге. Несколько арестов, не более года каждый, освобождался то по амнистии, то под залог. С 1905 – большевик. В 1908 эмигрировал, работал на многих европейских заводах. В течение войны несколько раз пересекал русскую границу из Скандинавии, единственный во всей большевистской партии осуществляя реальную связь между эмиграцией и метрополией: привозил про-пагандную литературу, оживлял организацию в столицах и провинции (конспиративно объезжал её). С 1915 – председатель Русского Бюро ЦК, т. е. фактический и формальный руководитель всей партии на территории России, все прочие именитые партийные деятели в годы войны замерли, большинство комитетов бездействовало. Февральская революция застала Шляпникова в Петербурге, он вошёл от большевиков в Исполнительный Комитет Совета Депутатов, создавал Красную Гвардию, организовывал встречу Ленина. Но вскоре оттеснен многими приехавшими. На многие годы стал председателем союза металлистов. Вошёл народным комиссаром труда в первое советское правительство. При бегстве правительства в Москву ему поручена организованная эвакуация Петрограда. В 1921 году возглавил “рабочую оппозицию”, обвинявшую партийных вождей в забвении рабочих интересов и перерождении. Подвергся яростной атаке Троцкого, Ленина и большинства ЦК, эта оппозиция никогда не была ему прощена. С тех пор занимал лишь второ-степенные посты. Был оставлен осведомителями, Сталин в 1929, вызывая по ночам, требовал от Шляпникова самоклеветания. В 1933 исключён из партии, ссылка, через год арестован. Почти три года под следствием, не уступал, вывести на показательный процесс оказалось невозможно, расстрелян в сентябре 1937. Прокуратурой реабилитирован в 1956, но в партийной реабилитации ему отказано и поныне: рабочая оппозиция не может быть прощена.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://solzhenitsynalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!